

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

16+

49 2020
ЧАСТЬ III

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 49 (339) / 2020

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, кандидат архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Рахмонов Азиз Боситович, доктор философии (PhD) по педагогическим наукам (Узбекистан)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Владимир Иванович Дикушин* (1902–1979), советский ученый в области машиностроения.

Владимир Иванович родился в Самаре. Во время учебы на механическом факультете Московского высшего технического училища имени Н. Э. Баумана Владимир много времени проводил в лаборатории по обработке металлов резанием, стараясь выявить параметры режимов работы металлорежущих станков, с помощью которых можно изменять как конструкцию станка, так и эффективность его работы. Именно в это время в Советском Союзе шло интенсивное развитие станкостроения, в том числе металлорежущих станков.

По окончании училища Дикушин сначала работал на машиностроительном заводе, а позднее перешел в Экспериментальный научно-исследовательский институт металлорежущих станков. С 1937 года в течение четырех десятилетий он был главным конструктором ЭНИМСа. Здесь он впервые в нашей стране начал создавать научные основы и методики проектирования металлорежущих станков.

Дикушин регулярно публиковал свои теоретические разработки по основам проектирования металлорежущих станков различного назначения. И эти работы являлись основными справочными материалами по проектированию и модернизации станков. За создание новых конструкций высокопроизводительных металлорежущих станков Владимир Иванович был удостоен Сталинской премии первой степени. В конце 1940 года под его руководством было начато проектирование первого в Советском Союзе автоматического завода по производству поршней, который через десять лет был введен в действие.

В 60–70-е годы Дикушин руководил созданием системы станков с числовым программным управлением (ЧПУ), производственных участков автоматически перенастраиваемых

станков с ЧПУ, с централизованным программным управлением от единой ЭВМ; другими исследованиями и разработками в области станкостроения. В разные годы ученый являлся членом Комитета по Ленинским и Государственным премиям, членом Высшей аттестационной комиссии, входил в состав редакционных советов и был редактором различных научных изданий по проблемам машиностроения.

Дикушин был избран членом-корреспондентом, а затем и действительным членом АН СССР. Он был одним из инициаторов создания Института машиноведения, почти два десятилетия руководил Комиссией по технологии машиностроения. Владимир Иванович постоянно занимался практическими вопросами разработки новых и модернизации существующих металлорежущих станков в целях существенного улучшения их технических характеристик.

За редким исключением все его проекты получили практическое воплощение: их выпускала отечественная промышленность, ими оснащались предприятия как в нашей стране, так и за рубежом. Под его руководством были разработаны системы агрегатирования станков и типовое станочное оборудование для обработки тел вращения на автоматических линиях. Им были созданы новые расчетные методы в станкостроении, научно обоснованный типаж металлорежущих станков, системы силовых гидроприводов, позволившие органически слить их с конструкциями станков различных типов.

За большой вклад в теорию и практику создания металлорежущих станков Владимир Иванович Дикушин был удостоен звания Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот».

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- Абашина А. А.**
Проблемы законотворчества в современной России..... 159
- Андрюшина А. В.**
Некоторые проблемы соблюдения претензионного порядка урегулирования споров в арбитражном процессе..... 160
- Архипов М. М.**
Проблема кодификации порядка рассмотрения обращений граждан 162
- Байрит А. В.**
Проблема соотношения цены и качества поставляемой продукции в государственных закупках РФ 169
- Баткалова Г. М.**
Система дополнительных наказаний по уголовному законодательству Республики Казахстан..... 171
- Белов А. А.**
История института досудебного сотрудничества. Порядок заключения соглашения о сотрудничестве..... 173
- Бережной А. С.**
К вопросу о применении Конституции РФ в судебной практике..... 175
- Березина Т. А.**
Проведение досмотровых мероприятий на объектах железнодорожной инфраструктуры как мера предупреждения террористических актов 177
- Берзина А. И.**
Охрана прав потребителей в современном гражданском праве 180
- Бодакова О. В.**
Юридически заинтересованные в исходе дела лица в цивилистическом судопроизводстве 181
- Бочарова И. В.**
Перспективы развития законодательства в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств 183
- Буганов Д. С.**
Основания прекращения полномочий нотариуса в России 185
- Буганов Д. С.**
Этапы формирования правового статуса нотариусов в России..... 187
- Булгакова С. Ю.**
Применение названия «административно-правовой порядок ликвидации юридических лиц» для исключения недействующих юридических лиц из ЕГРЮЛ..... 189
- Бурцева А. В.**
Убийство в состоянии аффекта 191
- Бутырина К. А., Краснова А. С.**
Естественная монополия в России: проблемы государственного регулирования 193
- Варламов Е. И.**
Деятельность социально ориентированных некоммерческих организаций как института развития социального государства 195
- Васильев А. Ю.**
Изъятие земельных участков, используемых не по целевому назначению 196
- Вершинина Ю. А.**
Развитие уголовного законодательства об ответственности за хищение..... 198
- Гавриленко Н. М.**
Теоретический анализ правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации..... 203
- Гаджиомаров Р. С.**
История развития законодательства об уголовной ответственности за мошенничество 204
- Гертнер А. В.**
К вопросу о концепте электронного правосудия в Российской Федерации..... 207
- Гертнер А. В.**
К вопросу об использовании искусственного интеллекта в системе электронного правосудия: pro et contra 211

Головенков А. В. Право на судебную защиту	215	Думаревская С. В. Лишение специального права как мера административного наказания	224
Горлач А. Б. Анализ института группового иска в АПК РФ и ГПК РФ	217	Евдокимова А. Д. Административная ответственность, применяемая к государственным служащим	226
Грушина А. Ю. К вопросу об алиментировании детей, оставшихся без попечения родителей	220	Ефимова О. А. Преступность несовершеннолетних на современном этапе развития российского общества	228
Долгова Д. Г. К вопросу об особенностях развития системы социальной помощи детям-сиротам в Российской Федерации	221		

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Проблемы законотворчества в современной России

Абашина Анна Александровна, студент магистратуры
Московский гуманитарный университет (г. Москва)

Problems of Lawmaking in Modern Russia

Abashina Anna Aleksandrovna, student master's degree programs
Moscow University for the Humanities

В статье анализируются вопросы, связанные с проблемами законотворческого процесса. Автор акцентирует внимание на большом количестве нормативно-правовых актов, которые принимаются ежегодно, но при этом не отличаются особым качеством. Кроме того, говорится о проблеме, связанной с профессиональными качествами субъектного состава законотворчества. Автор приходит к выводу, что депутаты Государственной Думы не отвечают полным профессиональным требованиям, которые должны предъявляться к депутату, как к начальному субъекту правовой деятельности, связанной с законотворчеством.

Ключевые слова: законотворчество, законотворческий процесс, депутаты, закон, конституционное право.

The article analyzes issues related to the problems of the legislative process. The author focuses on a large number of legal acts that are adopted annually, but do not differ in particular quality. In addition, there is a problem related to the professional qualities of the subject composition of lawmaking. The author comes to the conclusion that the deputies of the State Duma do not meet the full professional requirements that should be imposed on the Deputy as the initial subject of legal activity related to lawmaking.

Key words: law-making, law-making process, deputies, law, constitutional law.

В настоящее время актуализируется вопрос, связанный с развитием культуры законотворческого процесса, о повышении качества принимаемых законов, поскольку это напрямую связано с развитием России как демократического, правового государства и в целом указывает на уровень цивилизованности российского общества. Вместе с тем, законотворческая деятельность в настоящее время полна различными казусами, которые требуют разрешения. Рассмотрим некоторые из них [3, с. 52].

Для начала обозначим, что представляет из себя законотворчество. Так, законотворчество в юридической науке определяется как определенная деятельность специально уполномоченных субъектов, носящая правовой характер [1, с. 192].

Стоит отметить, что нормативный правовой акт — результат кропотливой работы, требующей не только умственных, профессиональных ресурсов, но и ресурсов временных. Однако на практике российского законотворчества все происходит «немного» по-другому. За период с 01.12.2018 по 01.12.2019 было принято 492 Федеральных закона, а также 5 Федеральных конституционных законов [2]. Если учесть, что в году официально порядка 240 рабочих дней, соответственно, можно сделать вывод о том, что объем принятого федерального и федераль-

ного конституционного законодательства чрезвычайно велик. Количество нормативных правовых актов, принятых в течении года здесь, на наш взгляд, обратно пропорционально их качеству. Да и вообще о каком качестве, проработанности самого акта и соответственно системности ряда нормативных правовых актов можно говорить, исходя из вышеприведенного количества актов, а также количества реальных дней, предназначенных именно для работы законотворческих органов.

Кроме того, важное значение имеет то, что качество законодательства, как конечного результата законотворчества, является профессионализм или компетентность субъектов законотворческого процесса. В данном случае под субъектом мы понимаем конкретного человека — отдельно взятого депутата того или иного законодательного органа. При этом необходимо еще раз отметить, что законотворчество представляет собой очень сложную, кропотливую и ответственную работу, требующую специальных знаний как юридической стороны процесса, так и практической осведомленности о той степени общественных отношений, которые подвергаются правовой регламентации. По мнению Н. А. Федякова, недостаточный уровень компетенции депутатов — есть путь к несовершенству и краху законотворческого процесса. Все это находит свои

внешние проявления в неверном определении объекта правового регулирования, бессистемности законодательства, их неувязками с целями и задачами развития, как экономического, так и социального [4, с. 199]. В связи с этим, представляется необходимым повысить профессиональные требования, предъявляемые к депутатам Государственной Думы.

Таким образом, законотворчество в настоящее время имеет ряд проблем, которые ставят под вопрос в целом всю законотворческую деятельность, ее эффективность. Говоря о важнейших проблемах, которые связаны с большим количеством

нормативно-правовых актов, а также поправок к ним, которые принимаются год за годом, сложно говорить о их качестве, поскольку большинство из них не то, что являются не полностью доработанными, но и начинают противоречить тем, которые действовали ранее. Из этой проблемы также вытекает следующая, которая нами была обозначена, а именно субъектный состав законотворчества, не обладающий зачастую специальными познаниями в области права. Безусловно, что пока не разрешены данные проблемы, законотворчество Российской Федерации не будет находиться на высоком уровне.

Литература:

1. Волков А. В. Законотворческий процесс в России: проблемы теории и практики // В сборнике: Новое слово в науке: стратегии развития. Сборник материалов XI Международной научно-практической конференции. 2019. С. 191–194.
2. Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс] // URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.11.2020).
3. Станкин А. Н., Пяткин В. Н. Федеральный законотворческий процесс: анализ отдельных проблем и поиск путей совершенствования // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2020. № 2 (41). С. 52–59.
4. Федякова Н. А. Профессионализм депутатов как фактор эффективности законодательства субъектов Российской Федерации // Интеграция образования. 2008. № 4. С. 199.

Некоторые проблемы соблюдения претензионного порядка урегулирования споров в арбитражном процессе

Андрюшина Алёна Викторовна, студент

Научный руководитель: Ермаков Александр Николаевич, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

Данная статья посвящена рассмотрению проблемных аспектов досудебного урегулирования споров в претензионном порядке. Автором анализируются положения Обзора практики применения арбитражными судами положений процессуального законодательства об обязательном досудебном порядке урегулирования спора и в подтверждение своих позиций приводятся примеры из судебной практики Арбитражных судов субъектов РФ. В статье делается вывод о необоснованности императивно установленного досудебного порядка урегулирования спора.

Ключевые слова: Арбитражный процессуальный кодекс РФ, обязательный досудебный порядок, претензионный порядок, проблемы, Арбитражный суд.

В научной литературе термин «претензионный порядок урегулирования споров» определяется как установленная федеральным законом или предусмотренная договором сторон несудебная процедура, соблюдение которой в рамках материального правоотношения является необходимым условием реализации права на предъявление иска, а также последующего рассмотрения и разрешения спора судом [2, с. 6].

Претензионный порядок урегулирования споров активно применялся еще в СССР, позволяя разрешить во внесудебном формате возникающие хозяйственные споры. Позднее, уже в постсоветское время, с принятием Верховным Советом РФ Постановления от 24 июня 1992 г. № 3116–1 «Об утверждении Положения о претензионном порядке урегулирования споров» участникам конфликта также была предоставлена возможность

прийти к компромиссному решению еще до обращения в суд. Впоследствии, с введением в действие АПК РФ в 1995 г., данное постановление было отменено, а досудебный порядок урегулирования споров стал носить добровольный характер и постепенно вышел из привычного оборота.

Первым шагом на пути развития внесудебных и досудебных процедур урегулирования споров стало принятие Федеральных законов от 02.03.2016 № 47-ФЗ [10] и от 01.07.2017 № 147-ФЗ [11], которые и закрепили обязательность досудебных процедур. Стоит отметить, что между внесудебными и досудебными способами урегулирования споров есть существенные различия. Так, досудебные способы имеют обязательный характер, поскольку без них обращение в суд невозможно, в то время как внесудебные представляют собой различные проце-

дуры, участие в которых исключительно добровольное волеизъявление сторон.

Основной целью рассматриваемого правового института является побуждение участников спорного правоотношения до обращения в суд предпринять определенные действия, которые были бы направлены на урегулирование возникшего между ними конфликта. Подача претензии является необходимым условием для дальнейшей защиты своих прав в судебном порядке.

Досудебный порядок урегулирования споров имеет свои преимущества, например: участники конфликта несут меньшие потери, как временные, так и финансовые; данная процедура направлена на сохранение и укрепление деловых отношений между сторонами; принятое совместное решение будет отвечать интересам сторон; такой порядок разрешения спора предупреждает возможность возникновения негативных последствий [8, с. 162]. На практике же при применении норм об обязательном досудебном урегулировании споров нередко возникают сложности, при разрешении которых суды могут принимать противоположные решения, что в свою очередь способно нивелировать цели рассматриваемого института.

Вопрос об обязательности претензионного порядка при замене ненадлежащего ответчика или вступлении в процесс со-ответчика до определенного времени являлся дискуссионным и разрешался судами неоднозначно. Так, даже несмотря на детальное разъяснение вопросов, касающихся претензионного порядка урегулирования споров Верховным Судом РФ, в некоторых рекомендациях превалирует подход, согласно которому «не направление истцом привлекаемому к участию в деле со-ответчику либо вступающему в дело надлежащему ответчику претензии или иного документа в целях урегулирования спора не влечет оставления иска без рассмотрения» (Например, п. 3 рекомендаций рабочей группы Арбитражного суда Уральского округа по обсуждению вопросов, возникающих в практике применения АПК РФ, от 25 ноября 2016 г. № 5/2016; протокольное решение № 42 Президиума Арбитражного суда Московского округа от 16 июня 2017 г.), а некоторые суды (см. далее) считают нужным в данном случае оставлять исковое заявление без рассмотрения.

Изучая данную тему, можно столкнуться со следующей проблемой: ч. 5 ст. 4 АПК РФ содержит положения, которые фактически заблокировали применение судами норм процессуального законодательства о привлечении соответчика и замене ненадлежащего ответчика.

В первую очередь, эти нормы направлены на реализацию задач судопроизводства в арбитражных судах, закрепленных в ст. 2 АПК РФ: защита нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов ..., справедливое публичное судебное разбирательство ... и т. д.). Однако, как показала практика, требования ч. 5 ст. 4 АПК РФ сделали весьма затрудненным применение данных норм. Так, суды привлекают лицо в качестве соответчика (заменяют ненадлежащего ответчика), а потом, применительно к п. 2 ч. 1 ст. 148 АПК РФ оставляют исковое заявление без рассмотрения, мотивируя свои действия несоблюдением истцом претензионного порядка.

Например, определением Арбитражного Суда Сахалинской области от 24.11.2016 [5] суд на основании ст. 47 АПК РФ за-

менил ненадлежащего ответчика ООО «Север» на надлежащего — ООО «Домострой». Указанным определением истцу предложено представить суду доказательства соблюдения досудебного порядка урегулирования спора, предусмотренного п. 5 ст. 4 АПК РФ. Доказательств соблюдения претензионного порядка урегулирования спора представлено не было. В связи с чем суд оставил исковое заявление без рассмотрения.

Аналогичный подход применен в определении АС Рязанской области от 03.11.2016 г. [6]. Заявля ходатайство о замене ответчика, истец в нарушение требований п. 5 ст. 4 АПК РФ, доказательств соблюдения претензионного порядка в отношении Управления Министерства внутренних дел по Рязанской области не представил. В результате суд посчитал необходимым оставить исковое заявление без рассмотрения.

Верховным Судом Российской Федерации в соответствии со ст. 2 и 7 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года N 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» было проведено обобщение судебной практики применения арбитражными судами положений процессуального законодательства об обязательном досудебном порядке урегулирования спора, результатом которого стал «Обзор практики применения арбитражными судами положений процессуального законодательства об обязательном досудебном порядке урегулирования спора» от 22.07.2020 [4].

В данном обзоре перечислены споры, при которых обязательный досудебный порядок урегулирования спора соблюдать не обязательно. Так, п. 16 устанавливает, что обязательный досудебный порядок не требуется, если в дело вступил надлежащий ответчик или привлечен соответчик — в отношении этих лиц. При этом, данный обзор делает оговорку, что в случае установления судом факта, что истец, будучи осведомленным о надлежащем ответчике, намеренно недобросовестно обратился в суд с требованиями к иному ответчику, пытаясь извлечь из этого какие-либо необоснованные преимущества, либо вновь привлеченный (вступивший в дело) ответчик докажет, что он имел намерение урегулировать спор в досудебной процедуре, но был лишен такой возможности, суд вправе возложить на истца все судебные расходы вне зависимости от результатов рассмотрения дела на основании ст. 111 АПК РФ [1].

Но стоит сказать, что данное положение имеет исключение, закрепленное в п. 94 Постановления Пленума ВС РФ от 26 декабря 2017 г. N 58 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств». Согласно которому судья возвращает исковое заявление в случае несоблюдения обязательной досудебной процедуры при предъявлении потерпевшим иска к страховой организации или одновременно к страховой организации и причинителю вреда (ст. 135 ГПК, ст. 129 АПК) [7, с. 100].

Анализируя законодательный подход к установлению претензионного порядка урегулирования споров, можно сказать, что императивно установленный досудебный порядок — это попытка облегчить работы государственных судов. Аналогичной позиции придерживается судья Арбитражного суда Саратовской области М. Медникова, которая отчетливо видит здесь скрытый резерв уменьшения «обращений в арбитражный

суд с «беспорными» требованиями» [3, с. 20–25]. Вместе с этим, такое императивно установленное правило превращает претензионный порядок в большинстве своем в формальность, следовательно действительные цели данного института игнорируются как в теории, так и на практике.

Полагаем, что установленный законом обязательный порядок досудебного урегулирования споров, даже несмотря на обширное разъяснение Верховным Судом РФ проблемных аспектов данного института, не способствует желаемой разгрузке судов, а позиция Верховного Суда РФ, заключающаяся в проверке добросовестности истца (при замене ответчика или

вступления в процесс ответчика) на практике представляется сложно реализуемым. По нашему мнению, императивное установление таких методов урегулирования споров носит характер необоснованного вмешательства государства в частно-правовую жизнь граждан. Считаем, что право добровольного урегулирования спора не должно превращаться в обязанность. Думается, что более действенным приемом распространения претензионных методов урегулирования споров будет развитие и широкое использование стимулирующих правовых норм, которые будут создавать благоприятные последствия для сторон, в случае соблюдения досудебных процедур.

Литература:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2002. N 30. Ст. 3012.
2. Банников Р. Ю. Досудебный порядок урегулирования в системе предпосылок и условий реализации (осуществления) права на предъявление иска в суд: автореф. дис... канд. юрид. наук. Воронеж, 2010. С. 6.
3. Медникова М. Установление факта несоблюдения досудебного регулирования споров арбитражным судом: проблемы применения процессуальных норм // Арбитражный и гражданский процесс. — 2006. — № 11. С. 20–25.
4. Обзор практики применения арбитражными судами положений процессуального законодательства об обязательном досудебном порядке урегулирования спора (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.07.2020) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358054/ (дата обращения: 01.11.2020).
5. Определение АС Сахалинской области от 24.01.2017 года по делу № А59–4050/2016 [Электронный ресурс]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/c75ab57a-8be6-48c5-8081-cd694d5b1b37/A59-4050-2016_20170124_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 02.11.2020).
6. Определение АС Рязанской области от 15.12.2016 года по делу № А54–2526/2016 [Электронный ресурс]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/9c4b3677-55cf-49a2-bca2-addc2729d7e0/A54-2526-2016_20161215_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 02.11.2020).
7. Особенности арбитражного производства: учебно-практическое пособие / О. В. Абознова, Ю. В. Аверков, Н. Г. Беляева и др.; под ред. И. В. Решетниковой. Москва: Юстиция, 2019. Серия «Арбитраж» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 10.11.2020).
8. Пашков Ярослав Андреевич. Вестник Краснодарского Университета МВД России, 2017, № 3 (37). С. 162.
9. Постановление Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 03.11.2020).
10. Федеральный закон «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 02.03.2016 N 47-ФЗ // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 01.11.2020).
11. Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 1252 и 1486 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 4 и 99 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» от 01.07.2017 N 147-ФЗ // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 01.11.2020).

Проблема кодификации порядка рассмотрения обращений граждан

Архипов Михаил Михайлович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассмотрены противоречия Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» с другими законодательными актами, предложены меры по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: обращения граждан, кодификация законодательства, неприкосновенность, проблемы рассмотрения обращений, электронные обращения.

В соответствии со ст. 1 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»

порядок рассмотрения обращений граждан распространяется на правоотношения, связанные с рассмотрением их:

- 1) государственными органами (органами законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти);
- 2) органами местного самоуправления;
- 3) должностными лицами;
- 4) осуществляющими публично значимые функции государственными и муниципальными учреждениями, иными организациями и их должностными лицами.

Однако, фактически данный порядок применяется полностью только при обращении в органы исполнительной власти. Серьезным законодательным пробелом является то, что существует несколько порядков рассмотрения обращения граждан, при этом отсутствует какой-либо единый законодательный акт регулирующий отнесение обращения к тому или иному виду и присутствует ряд противоречий между различными законодательными актами.

Количество актов, регулирующих порядок рассмотрения обращений огромно, с ними путаются не только граждане, но и чиновники. В первую очередь это связано со отсылочной статьей 8 указанного закона, которой определено, что обращение рассматривается по компетенции. А поскольку в самом законе эта компетенция не определена, то особенности рассмотрения, определяются другими законами.

Эту, ключевую проблему, также отмечает Степкин Е.А.: Направление гражданами своих обращений в органы, к компетенции которых не относится решение поставленных в обращении вопросов, является сегодня ключевой проблемой. По факту до 80% поступающих обращений не входят в компетенцию органа или должностного лица, которым они адресованы. Это не только ведет к перегруженности органов, трате дополнительных бюджетных средств на пересылку обращений по компетенции и уведомление граждан о перенаправлении их обращений, но и зачастую существенно удлинняет срок принятия решения по поднятому гражданами вопросу. И если часть граждан делает это по незнанию, то другая часть — кверулянты (лат. querulus — жалующийся) — поступает так умышленно, часто даже понимая, что ответ будет получен по истечении более длительного срока и только из одного органа, в компетенцию которого входит решение поставленных в обращении вопросов. Нередко такие граждане пытаются использовать ресурсы органов власти и правоохранительной системы для разрешения межличностных конфликтов и имущественных споров гражданско-правового характера, чаще всего в отношении родственников, соседей и вышестоящих руководителей.

Проблема кверулянтства заключается в том, что такие граждане подают жалобы во все известные им инстанции и суды и борются за мнимые и преувеличенные права, фактически злоупотребляя правом [1]. Врачи квалифицируют кверулянтство как заболевание, выраженное в непреодолимой сутяжнической деятельности, выражающейся в борьбе за свои права и ущемлённые интересы (зачастую — мнимые или преувеличенные). Но действующее законодательство не определяет ответственность таких лиц, создавая тем самым поток таких обращений.

Другая сторона этой системной проблемы в том, что гражданин, не имеющий юридического образования, не в состоянии понять в компетенции какого органа находится рассмотрение его вопроса. И если первое обращение он направляет примерно

куда надо, то уже последующие туда, где, по его мнению, могут помочь, или тому должностному лицу, от лица которого гражданин хочет, чтобы обращение было перенаправлено по компетенции.

Анализ действующего законодательства, проведенный автором, выделяет следующие порядки рассмотрения обращений: общий, особый, процессуальный, судебный, досудебный и порядок оказания государственных или муниципальных услуг по рассмотрению обращений граждан. Каждый из них регулируется своим законодательством, при противоречиях между ними приоритет отдается актам с большей юридической силой и по принципу «Lex specialis derogat generali» нормам специального права.

В особом порядке рассматриваются жалобы на ряд должностных лиц, наделенных неприкосновенностью или другим особым статусом. Речь об около сотни нормативно-правовых актов, регламентирующих особенности порядка на федеральном уровне, и сотнях — регионального:

1) Процедура импичмента Президента РФ предусмотрена ст. 93 Конституции Российской Федерации, соответственно обращения о незаконных действиях Президента РФ необходимо направлять депутатам Государственной Думы.

2) Процедура снятия неприкосновенности с депутатов, сенаторов, судей, экс-президентов РФ и кандидатов в президенты РФ кроме Конституции РФ предусмотрена следующими актами:

- Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации»;
- Федеральный закон «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» и аналогичных законов субъектов РФ;
- Федеральный закон от «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»;
- Федеральный закон «О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи»;
- Регламент Государственной Думы ФС РФ;
- Регламент Совета Федерации ФС РФ;
- Положение о Комиссии Государственной Думы по вопросам контроля за достоверностью сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых депутатами Государственной Думы, мандатным вопросам и вопросам депутатской этики, и аналогичные положения муниципальных собраний депутатов;
- Положение о порядке работы квалификационных коллегий судей
- Положение о порядке рассмотрения жалоб и сообщений о совершении судьей дисциплинарного проступка и обращения в Высшую квалификационную коллегия судей Российской Федерации о привлечении судьи к дисциплинарной ответственности в связи с совершением им дисциплинарного проступка;
- этические кодексы политических партий и муниципальных собраний депутатов.

Соответственно данные обращения рассматриваются: органами прокуратуры и следственного комитета, квалификационными коллегиями судей, советами судей. Жалобы на судей

не связанные с привлечением их к административной или уголовной ответственности рассматривает председатель суда. Жалобы на депутатов, связанные с нарушением этики, рассматривают комиссии по этике соответствующего органа власти. Также один из самых эффективных способов воздействия на депутата — это обращение в партию.

3) Обращения о неправомерных действиях уполномоченного по правам человека в РФ, кандидатов в президенты, прокуроров и следователей, членов избиркомов с правом решающего голоса, адвокатов, сотрудники ФСБ России и ФСО России рассматриваются в особом порядке с учетом ограничений, определенных законами об их деятельности. Жалобы на кандидата в президенты РФ рассматриваются с учетом положений Федерального закона «О выборах Президента Российской Федерации».

Например, в соответствии со ст. 5 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» гражданин имеет право обжалования в административном порядке решения любого должностного лица, однако ст. 5 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» не допускается вмешательство должностных лиц и давление на прокурора с целью повлиять на принимаемое им решение или воспрепятствование в какой-либо форме его деятельности, в том числе установлен особый порядок ознакомления с материалами проверки по обращению. Т. е. для решений прокурора, принятых в порядке общего прокурорского надзора, не допускается административный порядок обжалования. При этом по практике обычно другие органы власти не перенаправляют такие письма в прокуратуру, а сами вышестоящие прокуроры наоборот их рассматривают.

Первый и единственный раз за всю историю работы Федерального Собрания РФ 24.10.2019 г. была снята неприкосновенность с депутата Государственной Думы за совершение административного проступка (депутат Николай Герасименко, за совершение административного правонарушения по ч. 2 ст. 12.24 КОАП РФ «Нарушение ПДД, повлекшего причинения вреда здоровью средней тяжести» [2]). Так что ответственность к депутатам и сенаторам ФС РФ, установленная ст. 5.59 КОАП «нарушение порядка рассмотрения обращений граждан» не применяется, соответственно порядок рассмотрения обращений не работает должным образом.

Для рассмотрения жалоб на действия органов дознания и следствия, применяется *процессуальный порядок*, определенный УПК РФ, где четко ограничены процессуальные права всех лиц, сроки и основания обжалования. Поскольку УПК РФ имеет большую юридическую силу, то применяется именно он.

В частности, в соответствии со ст. 77.1 Регламента Государственной Думы: «Рассмотрение поступивших в Государственную Думу обращений граждан и проведение личного приема граждан в Государственной Думе осуществляются в соответствии с Федеральным законом «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», Федеральным законом «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», Порядком рассмотрения обращений граждан в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации и настоящим указанным Регламентом».

Таким образом, Государственная Дума считает Федеральный закон «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» более приоритетным по данному вопросу, чем Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» и при противоречии применяются нормы специального права. Несмотря на то что перечень жалоб, не подлежащих рассмотрению по существу исчерпывающе определен ст. 11 общего закона, при получении жалобы на процессуальные действия депутаты отказывают в ее рассмотрении в связи с ограничениями, определенными статьей 18 Федерального закона «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», т.е. по несуществующему в общем законе основанию.

Жалоба просто не поступает в органы прокуратуры и органы внутренних дел для рассмотрения, права граждан оказываются не защищенными. Граждане не понимают компетенции органов власти, специфики их рассмотрения и направляют обращения во все инстанции, мешая работе государственных органов. К примеру, в Государственную Думу поступает порядка 96.4% обращений не по вопросам ведения, из них 10,6% по вопросам правоохранительных и судебных органов (см. диаграмму № 1).

С этим вопросом связана другая правовая коллизия. Неясно в какой срок депутат, или иное должностное лицо, ограниченное в возможности перенаправления обращения, должен сообщить заявителю, что не может перенаправить обращение, полученное не по компетенции? В 7-дневный для направления по компетенции или в 30-дневный для рассмотрения по существу. Полагаю, что если вопрос о перенаправлении он должен рассмотреть в 7-дневный срок, то и отвечать должен в тот же срок.

КАС РФ предусмотрен *судебный порядок* рассмотрения жалоб. Данный порядок позволяет решать те же вопросы, что и при обращении в органы власти в соответствии Федеральным законом «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». Но сам порядок существенно отличается и процессуальные действия, регулируемые КАС РФ, нельзя обжаловать в общем порядке. Поскольку КАС РФ имеет большую юридическую силу, то применяется именно он.

Еще один порядок предусмотрен Федеральным законом «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» — *рассмотрение жалоб на нарушения прав граждан и организаций при предоставлении государственных и муниципальных услуг*. В соответствии с п. 10 ст. 11.2 вышеуказанного Федерального закона требования Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» не применяются при рассмотрении жалоб в данном порядке.

Использование этого порядка обычно дает более оперативный и качественный результат. Однако не совсем понятен правовой статус при пересылке такого обращения в другие органы согласно их компетенции, такой порядок Федеральным законом «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» не определен. Хотя в жалобе может содержаться ряд вопросов, входящих в компетенцию разных органов власти, и в административных регламентах государ-

Рис. 1. Тематика обращений, поступивших в Государственную Думу за весеннюю сессию 2020 года [3]

ственных услуг обычно содержатся положения по ее перенаправлению на рассмотрение как минимум в территориальные органы органа власти, рассматривающего жалобу. Практика в этом вопросе складывается по-разному. Обычно чиновники направляют такое обращение по компетенции в общем порядке, т.о. направляя на рассмотрение по компетенции документ не имеющий юридической силы.

В случае поступления электронного обращения, требующего проверки деятельности юридического лица, в общем порядке оно не рассматривается по существу, поскольку в соответствии с ч. 3 ст. 10 Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» проведение внеплановой проверки требует авторизацию заявителя в Единой системе идентификации и аутентификации (ЕСИА). Но в соответствии с ч. 3 ст. 7 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» такой порядок не применяется. При этом все муниципальные органы власти, к примеру Москвы, уже перешли на эту систему. Для совмещения этих порядков рассмотрения обращений необходимо включить в общий порядок рассмотрения обращений требования об аутентификации для обращений в форме электронного документа.

Для снижения нагрузки на судебную систему применяется *досудебный порядок урегулирования спора*. Досудебный порядок урегулирования споров — это закрепление в договоре или законе условий о направлении претензии или иного письменного уведомления от одной спорящей стороны другой, установление сроков для ответа и других условий, позволяющих разрешить конфликт без обращения в суд [4]. Соответственно это может быть обязательный и необязательный досудебный порядок.

Несоблюдение данного порядка в основном влияет только на последующий судебный спор. Если же стороны готовы к разрешению конфликта во внесудебном порядке, то они могут решить его и таким способом и в общем порядке рассмотрения обращений.

Вместе с тем, в действующем законодательстве нет четкого единого определения что такое претензия, как она оформляется и подается. Если до 1995 г. эти моменты регулировались Положением о претензионном порядке урегулирования споров, утвержденным постановлением Правительства РФ от 24.06.1992 № 3116–1, то теперь оно отменено, и порядок содержится в отдельных нормах АПК РФ и других федеральных законах. Суды нередко признают направленный документ не претензией, а обращением и отказывают в рассмотрении иска, требующего обязательный досудебный порядок, тем самым затягивая рассмотрение нарушенного права.

Так, например, Сергей Солдатенко, партнер Павлова и партнеры отмечает, что некоторые судьи могут не принять иск и по той причине, что сторона не указала в претензии точную сумму долга/неустойки или порядок ее расчета. Так, в деле

№ А40–206076/2017 истец направил ответчику документ, в котором указал сумму задолженности в 3 млн руб. Но в иске он дополнительно попросил взыскать неустойку на 551 346 руб., о которой не упоминал в письме контрагенту. Суд посчитал это нарушением досудебного порядка. [5].

Есть ряд случаев, когда недостаточно аргументированная претензия судом признавалась обращением, и выносилось определение об отказе в рассмотрении иска. Например, по этому основанию Арбитражный суд Московской области отказал Администрации Истринского муниципального района о расторжении договора аренды земельного участка с Ассоциацией по благоустройству земельных участков «Истринка» решением по делу № А41–39314/2016 [6], Арбитражный суд Московского округа по делу № А40–121534/2017 [7] и по делу А40–134126/2018 [8] вынесли аналогичные решения.

Не определено законом, что делать с претензией, поданной в ненадлежащий орган власти. С одной стороны, она также является обращением и должна быть перенаправлена в надлежащий орган власти. С другой стороны, суд не примет ее в качестве претензии в связи с тем, что заявитель не обращался в надлежащий орган власти для досудебного урегулирования. Для определенных претензий установлен короткий период обжа-

лования, например, жалоба на постановление по делу об административном правонарушении может быть подана в течение 10 суток со дня вручения или получения копии постановления (ст. 30.3 КОАП РФ), соответственно по штрафам за нарушение Правил дорожного движения даже нет смысла перенаправлять жалобу. Вместе с тем полагаю, что действующее претензионное законодательство не ограничивает право на подачу обращения и такая претензия, жалоба или другой предусмотренный документ должен быть направлен в орган, определенный для досудебного рассмотрения.

Другой законодательный пробел заключен в том, что в Российской Федерации множество органов власти с совпадающей компетенцией. Если еще лет 10 назад это приводило к более объективному рассмотрению обращений разными органами власти, то сейчас с развитием компьютерной грамотности населения это приводит к дополнительной ненужной нагрузке, когда существенная часть обращений рассматривается одновременно несколькими организациями.

Допустим Государственная Дума состоит из 450 депутатов, каждый из которых имеет одинаковую компетенцию. Для более сильного резонанса некоторые граждане направляют свое обращение сразу всем депутатам. При поступлении обращения не по региону, определенному для депутата, оно в соответствии с рекомендациями ст. 8 Федерального закона «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» перенаправляется на рассмотрение другому депутату по его одномандатному округу. Срок рассмотрения соответственно начинает течь заново, что противоречит ст. 8 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». Так поступают не все депутаты и несколько десятков обращений рассматриваются по существу параллельно, на что тратятся силы и средства органа власти. Если обращение находится в компетенции другого органа власти, то ему может быть перенаправлено до сотни одинаковых обращений из разных органов власти с требованием отчитаться о ходе выполнения каждому, что также затратная процедура.

Порядок, установленный Федеральным законом «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», не очень подходит для органов законодательной, судебной ветвей власти, муниципальных властей и организаций, осуществляющих публичные функции. Например, у ряда должностных лиц нет замещающего его другого должностного лица и непосредственного начальника. Речь о депутатах, сенаторах, руководителях законодательных комитетов, руководителях субъектов Российской Федерации, нотариусах, адвокатах и т. п. Соответственно обжаловать его действия можно только в судебном порядке или по факту совершения административного проступка или преступления. Срок рассмотрения часто не может быть продлен, поскольку эти полномочия ни на кого не возложены. И в ряде случаев нельзя соблюсти сроки направления по компетенции — 7 дней, и сроки рассмотрения — 30 дней, хотя за их несоблюдение установлена ответственность, предусмотренная ст. 5.59 КОАП РФ.

Например, продолжительность отпуска депутата Государственной Думы составляет 50 дней. Обычно отпуск отгулива-

ется в апреле и сентябре (перерывами между весенней и осенней сессиями), также сразу до или после идет региональная неделя, поскольку раз в месяц он работает с избирателями и проводит личный прием. Таким образом в связи с отпуском депутат отсутствует на своем рабочем месте в Государственной Думе 2 раза в году в среднем по 32 дня подряд. Делегировать свои полномочия по рассмотрению обращений граждан он никому не может, правом продления срока рассмотрения не наделен. База для регистрации обращений находится в Москве, а его избирательный округ может находиться в другой части страны. Получается, что в эти периоды ему невозможно соблюсти не только 7-ми дневный срок направления по компетенции, но и 30-дневный срок рассмотрения обращения.

Как указано в начале статьи самая большая категория организаций, рассматривающих обращения граждан — это организации, осуществляющие публично значимые функции. Обращения, поданные в эти организации рассматриваются в общем порядке, что подтверждено постановлением Конституционного Суда РФ от 18.07.2012 № 19-П [9]. Таким образом внутренние инструкции по рассмотрению обращений граждан фондов, коллегий адвокатов, нотариусов, банков, аудиторских организаций и т. п. являются подзаконными правовыми актами и применяются в части не противоречащей Федеральному закону «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». Но при этом перечень этих органов не определен действующим законодательством, в этих организациях действуют свои подзаконные акты и общий порядок фактически не применяется (например, срок направления обращения по компетенции в Московской городской нотариальной палате не установлен [10], для нотариусов-членов Нотариальной палаты ХМАО-Югры составляет 10 дней [11], а по Федеральному закону — 7 дней).

В 2010 году в Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» была добавлена электронная форма подачи обращения, но не учтено, что согласно ст. 190 ГК РФ сроки исчисляются в календарных днях. Соответственно если письменное обращение могло поступить на рассмотрение только в рабочие дни и рабочее время, из-за особенностей работы экспедиции, то электронное может в любой день и время. Поэтому положение ч. 2 ст. 8 основного федерального закона о регистрации обращения в трехдневный срок не может быть выполнено для обращений, поданных во время длинных периодов выходных и нерабочих дней, а при подаче обращения в пятницу реальный срок регистрации сокращается до суток. Данный вопрос необходимо отрегулировать федеральным законом.

Не проработанность порядка подачи электронного обращения отмечают и другие авторы. По мнению Изотовой В. Ф. и Бочкарева И.Е. несмотря на крайнюю актуальность и востребованность информации об электронных способах подачи и рассмотрения обращений граждан, комплексные научные изыскания на эту тематику все еще отсутствуют, а имеющихся публикаций явно недостаточно [12, 13].

По мнению Савоськина А. В. ни Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ», ни какой-либо иной закон не устанавливают перечня способов подачи элек-

тронного обращения. Однако на практике таких способов существует четыре. Первый и наиболее традиционный — направление обращения по электронной почте, второй — направление обращения через электронную приемную официального сайта органа власти в сети Интернет, третий — посредством специализированных государственных интернет-порталов; четвертый (и наименее используемый) — направление обращений через специальные электронные терминалы, установленные в помещениях органов власти или многофункциональных центров.

Согласно ч. 1 ст. 10 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» и ч. 1 ст. 10 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», все органы власти обязаны создать в сети Интернет свои сайты и адреса электронной почты. Однако какого-либо дополнительного регулирования Закон не содержит, оставляя его на усмотрение самих органов власти [14].

Аналогичной позиции придерживается автор Бывальцева С. Г., указывая что прокуроры обращаются с заявлениями об обязанности государственного органа создать сайт с необходимой для направления обращений информацией, и в том числе адресом электронной почты для направления обращений. Суды выносят противоречивые решения (кассационное определение Оренбургского областного суда от 15.06.2011 по делу № 33–3735/2011 и определение Волгоградского областного суда от 30.05.2013 г. по делу № 33–5429/2013), поскольку Федеральный закон № 59-ФЗ этот вопрос не регулирует, а Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», содержащий некоторую информацию по этому вопросу, указывает, что его действие не распространяется на порядок рассмотрения государственными органами и органами местного самоуправления обращений граждан (п. 2 ч. 5 ст. 2).

Также прокуроры оспаривают положения нормативных актов государственных органов, устанавливающих порядок подачи электронного обращения только каким-то одним способом, например, только при помощи специального электронного сервиса на сайте, и лишаящих граждан возможности направить обращение по электронной почте, указывая на то, что они противоречат ч. 3 ст. 7 Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ, по правилам которой в порядке, предусмотренном названным Федеральным законом, подлежат рассмотрению любые обращения в форме электронного документа (решение Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 28.07.2015 по делу № 3–41/15). Подобные нормативные акты нарушают, по мнению граждан, их права (решение Санкт-Петербургского городского суда от 21.09.2017 по делу № 3а-128/2017), поскольку, в отличие от электронной почты или съемных устройств, используемых для хранения информации, большинство сайтов государственных органов содержат существенные ограничения по размеру обращения, не позволяющие изложить его суть, и по размеру прикрепляемых документов. [15].

Исчисление сроков для регистрации и рассмотрения обращений необходимо привести к одному порядку и нужен закон,

определяющий порядок работы с электронным ящиком. В настоящий момент с правовой точки зрения не урегулированы: как уведомляется заявитель о получении обращения, формы подачи обращения, что обращения рассматриваются, только поступившие на специально определенный для этого электронный адрес, порядок работы электронных приемных, ограничения к объему и форматам электронных документов, использование внешних ресурсов для обработки и ряд других вопросов.

Полагаю, что поток обращений, поступающих в органы власти не по компетенции парализует их работу. Основные причины этого потока заключаются в самом порядке их рассмотрения: в отсутствии адекватной ответственности для граждан и должностных лиц, в запутанности действующего законодательства по определению компетенции, в многочисленных противоречиях правовых актов, неопределенности порядка рассмотрения обращений организациями публичной администрации, неполноте порядка рассмотрения отдельных обращений (определенных ст. 11 закона), неадаптированности к современным технологиям и ориентированности законодательства к формальному рассмотрению обращений.

Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» необходимо существенно переработать, в том числе:

1) ввести аутентификацию заявителя в единой системе идентификации и аутентификации (ЕСИА) при подаче обращения в форме электронного документа;

2) указать, что иные порядки рассмотрения обращений имеют приоритет над общим порядком, а именно: рассмотрение обращения при оказании государственных и муниципальных услуг, процессуальный, особый (включая импичмент), досудебный, судебный, и какими законодательными актами они регулируются;

3) в п. 3 ст. 8 закона необходимо изменить обязанность органа власти направлять обращения по компетенции на право: перенаправлять обращения или разъяснять порядок обращения, при этом разъяснение также должно быть дано в 7-дневный срок;

4) для тех лиц, что не имеют заместителей и начальников (депутаты, сенаторы, нотариусы, адвокаты и т. д.) предусмотреть увеличенный срок рассмотрения обращений по существу до 45 дней, а в 7-дневный срок рассмотрения вопроса о направлении по компетенции не включать периоды отсутствия на рабочем месте по уважительной причине;

5) в ст. 8 закона установить порядок регистрации электронных обращений, указав в ч. 2, что «обращение подлежит обязательной регистрации в течение трех рабочих дней с момента поступления в государственный орган, орган местного самоуправления или должностному лицу, о поступлении обращения в форме электронного документа направляется автоматическое уведомление о получении»;

6) определить способы подачи обращения;

7) указать ограничения для обращений в форме электронного документа: до 2000 знаков и 10 Мб, но не более 50 листов приложений в формате.ODF,DOCx,PDF;

Для повышения роли общественных организаций в механизме административной защиты дать членам общественных

палат и общественным советникам право представлять интересы других граждан. Также, например, можно предусмотреть некую компенсационную выплату правозащитникам за выигрыш административного спора в пользу гражданина по аналогии как это сделано в ст. 13 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» или как альтернатива расширить виды бесплатной юридической помощи в Федеральном законе «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», оказываемой органами власти гражданам, для добавления функционала по помощи в составлении жалоб.

Устранить несоответствия между различными законодательными актами в том числе:

1) в Федеральном законе «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» указать, что решения прокурора, принятые в порядке общего надзора, и решения руководителя субъекта Российской Федерации обжалуются только в судебном порядке, или установить внесудебный порядок;

2) изменить ряд положений об органах власти по возможности устранив пересечение их компетенций, в частности определить в Федеральном законе «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального

Собрания Российской Федерации» преимущественную компетенцию депутата по одномандатному округу и федеральному списку, а также что обращения направляются депутату из других органов власти и от должностных лиц по преимущественной компетенции;

3) в Федеральном законе «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» предусмотреть возможность направления жалобы по компетенции в другой орган власти, указав, что при этом она приобретает правовой статус обращения гражданина;

4) установить единые требования к получению персональных данных по запросу должностного лица или органа власти в Федеральном законе «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», Федеральном законе «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» и Федеральном законе «О персональных данных».

5) Предусмотреть общие требования к досудебной претензии и досудебной жалобе, например переиздав Положение о претензионном порядке урегулирования споров, ранее утвержденное постановлением Правительства РФ от 24.06.1992

6) № 3116-1, с учетом изменений в НК РФ и других законодательных актах.

Литература:

1. Степкин с. П. Проблемы злоупотребления правом при реализации права граждан на обращения. / Российский юридический журнал, № 1, 2019. [Электронный ресурс]: Парламентская библиотека, URL: parlib.duma.gov.ru (доступ ограничен).
2. Случаи лишения неприкосновенности депутатов Госдумы. / РГИА ТАСС. [Электронный ресурс]: URL: tass.ru/info/7041759.
3. По данным Аналитического отчета Управления по работе с обращениями граждан Государственной Думы ФС РФ «Сведения об обращениях граждан, поступивших в Государственную Думу за весеннюю сессию 2020 г. (январь — август)». [Электронный ресурс]: URL: intranet.duma.gov.ru/prigemnaia (доступ ограничен).
4. Ковалева О. А. Внесудебные формы защиты гражданских прав: учебное пособие. / Ковалева О. А., Носенко Л. И., Шагивалеева И. З. — Оренбург: ОГУ, 2012. С. 15.
5. Правильная претензия: как соблюсти досудебный порядок. / Право^{RU}. [Электронный ресурс]: URL: pravo.ru/story/207195.
6. Определение АС Московской области от 19.09.16 по делу № А41-39314/2016. / ГАС Правосудие. [Электронный ресурс]: URL: kad.arbitr.ru.
7. Постановление АС Московского округа от 20.04.18 по делу № А40-121534/2017. / ГАС Правосудие. [Электронный ресурс]: URL: kad.arbitr.ru.
8. Постановление АС Московского округа от 20.10.18 по делу № А40-134126/2018. / ГАС Правосудие. [Электронный ресурс]: URL: kad.arbitr.ru.
9. Постановление КС РФ от 18.07.2012 № 19-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1, части 1 статьи 2 и статьи 3 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» в связи с запросом Законодательного Собрания Ростовской области». / СПС «Консультант Плюс».
10. Порядок приёма и рассмотрения электронных обращений в МГНП. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.mgnp.info/rogyadok-priyoma-i-rassmotreniya-elektronnykh-obrashhenij-v-mgnp>.
11. Порядок организации работы с обращениями граждан и юридических лиц на действия (бездействие) нотариусов — членов Нотариальной палаты ХМАО-Югры. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.nphmao.ru/lokal-akt/191-poradok-obraschenia-gragdan.html>.
12. Изотова В. Ф., Изотова Е. В. Информационное взаимодействие власти и общества: повышение роли официального сайта / Вестник Саратовской государственной юридической академии, 2013, № 1. С. 210
13. Бочкарев И. Е. О праве на обращение в форме электронного документа. / СПС «Консультант Плюс».
14. Савоськин А. В. Проблемы злоупотребления правом при реализации права граждан на обращения. / Информационное право. № 3. 2016. [Электронный ресурс]: Парламентская библиотека, URL: parlib.duma.gov.ru (доступ ограничен).
15. Бывальцева с. Г. Обеспечение реализации конституционного права граждан на обращение органами прокуратуры: проблемы правового регулирования. / СПС «Консультант Плюс».

Проблема соотношения цены и качества поставляемой продукции в государственных закупках РФ

Байрит Андрей Вячеславович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматривается вопрос соотношения цены и качества поставляемой продукции, приводящий к поставкам некачественных товаров, работ, услуг, ряд причин ее возникновения и предполагаемые методы преодоления данной проблемы.

Ключевые слова: государственный заказ, государственные закупки, проблема соотношения цены и качества, контрактная система.

The problem of price-quality ratio of delivered products in public procurement of the Russian Federation

Bajrit Andrej Vjacheslavovich, student master's degree programs
Moscow University of Finance and Law

The article discusses the issue of the ratio of price and quality of the supplied products, leading to the supply of low-quality goods, works, services, a number of reasons for its occurrence and the proposed methods of overcoming this problem.

Key words: government order, government procurement, the problem of the ratio of price and quality, the contract system.

Неизбежная необходимость в совершенствовании законодательства, обусловленная наличием пробелов в нормативно-правовом регулировании госзаказа, представленного в контрактной системе государственных закупок, присутствует и на стадии исполнения контракта.

В частности, одной из проблем государственных закупок, характерной не только для стадии приемки товаров, но и для всего процесса закупки, является соотношение цены и качества поставляемой продукции. Рядом правовых норм перед заказчиком поставлена задача максимально сэкономить бюджетные средства, как например ст. 34 Бюджетного Кодекса РФ или ст. 68 Закона № 44-ФЗ, что приводит к формированию у заказчиков обязанности отдавать предпочтение самому низкому ценовому предложению. В результате чего нередко страдает качество поставляемой продукции, что, по нашему мнению, является недопустимым, в связи с тем, что закупаемые в рамках государственного заказа товары, работы, услуги в большинстве своем предназначены для удовлетворения наиболее важнейших потребностей общества — в здоровье, в качестве жизни, в безопасности. Следовательно, от того, насколько качественным будет закупленный товар, зависит благополучие граждан.

Согласно ГОСТ Р ИСО 9000–2001 «Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь», «качество» определяется как, «совокупность характеристик объекта, относящихся к его способности удовлетворять установленные и предполагаемые потребности» [1]. Анализируя данное определение, можно сформулировать главный признак некачественного товара — это невозможность с помощью данного товара удовлетворить потребности отдельного лица, группы лиц или организации.

Для того чтобы сформулировать предложения по преодолению данной проблемы необходимо определить каковы при-

чины поставки некачественных товаров. Автор считает, что в данном случае необходимо не анализировать коррупционные схемы или должностные преступления, относящиеся к умышленным деяниям лица или группы лиц, а сосредоточиться на ряде ситуаций, при которых некачественные товары попадают к заказчикам без злого умысла со стороны последних.

Первой причиной подобной проблемы является разработка заказчиком некорректного технического задания. Как отмечает А. с. Федотов, наиболее ярко данный аспект выражен «при разработке заданий на технически сложные товары» [7, стр.70], с чем нельзя не согласиться, так как сотрудники, работающие в контрактных службах, сталкиваются с огромным разнообразием закупаемой продукции, а закупка мебели и закупка томографов совершенно несоизмеримы по сложности. Решением данной проблемы можно считать разработку типовых технических заданий для различных товарных групп, которые позволят облегчить процесс подбора сложных товаров.

Кроме того, еще одним вариантом решения данной проблемы может стать введение обязательной частичная централизация закупок, при которой приобретением товаров определенной категории будут заниматься специалисты в этой сфере деятельности, например, закупкой сложного медицинского оборудования будут заниматься специалисты крупного регионального медицинского учреждения для нужд медицинских учреждений всего региона.

Второй же причиной поставки некачественной продукции могут являться ошибки при приемке товара. Анализируя этапы исполнения контракта в совокупности с данной проблемой можно прийти к выводу, что приемка, по своей сути, является последним барьером, не позволяющим некачественному товару попасть к заказчику, т. к. вопросы по качеству или количеству поставляемого товара могут быть урегулированы в про-

цессе приемки значительно быстрее, нежели после подписания акт приемки-передачи. К числу распространенных ошибок при приемке товара можно отнести:

1. Нарушение численности состава приемной комиссии [2].
2. Несоответствие товаров требованиям, установленным техническим заданием [5].
3. Приемка товара без сопроводительной документации или приемка с нарушениями в ней [3].

Таким образом, главной причиной возникновения ошибок при приемке товара является низкий уровень подготовки кадров. В ч. 6 ст. 38 Закона № 44-ФЗ прописаны требования к профессиональной переподготовке и квалификации контрактного управляющего и работников контрактной службы, согласно которым контрактный управляющий и члены закупочных комиссий обязаны проходить профессиональную переподготовку и/или повышение квалификации в сфере госзакупок.

Однако, как отмечает Фахретдинов с. Б., «утвержденные приказами Минтруда России профессиональные стандарты «Специалист в сфере закупок» и «Эксперт в сфере закупок» по сути, копируют Типовое положение (регламент) о контрактной службе (утв. приказом Минэкономразвития от 29.10.2013 № 631)» [8], что крайне отрицательно сказывается на практическом применении данных профстандартов. Так же к недостаткам подготовки квалифицированных кадров можно отнести «отсутствие надлежащих требований к учебному процессу и квалификации преподавателей» [7]. Для решения данной проблемы и повышения качества поставляемой продукции необходимо повысить требования к подготовке кадров:

- Реализовав программы подготовки профессионалов в области закупок и снабжения в учебных заведениях: от специалиста в области закупок и снабжения до программ MBA.
- Актуализировав профессиональные стандарты и обеспечив их качественное внедрение.
- Сформировать систему оценки профессиональных качеств сотрудников компаний, и отделов закупок.
- Систематически проводить выборочные проверки качества обучения и проведения оценки квалификации.

Третьей же причиной поставки некачественных товаров, по нашему мнению, является вмешательство в закупочный процесс органов контроля.

Как отмечает А. с. Федотов, «достаточно распространена ситуация, когда недобросовестные поставщики подают жалобу в Федеральную антимонопольную службу, выигрывают дело и получают право на заключение контракта» [6, стр. 71]. Проведя анализ текущих данных можно прийти к выводу о том, что

данная схема выглядит следующим образом: поставщик, поставляющий товар, не отвечающий требованиям технического задания, обжалует данное техническое задание в Федеральную антимонопольную службу, как правило, на основании «завышенных требований к объекту закупки». Федеральная антимонопольная служба проводит расследование, на основании которого выносит предписание заказчику снизить требования в техническом задании. Заказчик снижает требования либо использует требования, выставленные Федеральной антимонопольной службой и текущий недобросовестный поставщик участвует в закупке.

Как можно понять, последствия такой ситуации могут быть самые разнообразные: от бесполезной траты денег до прямого ущерба здоровью людей. Как отмечает Д. Е. Шацкий, в своем исследовании о совершенствовании государственной контрактной системы, подобная ситуация произошла в Челябинской области: «через конкурс и по предписанию ФАС были закуплены диализаторы по цене в 4 раза ниже, чем аналогичные устройства. Результатом стало ухудшение самочувствия пациентов и срыв процедур гемодиализа» [7].

Решение данной причины является наиболее сложной задачей, так как требует достижения максимально идеального баланса между необходимым контролем и вмешательством контролирующих органов, при взаимодействии оных с заказчиками и поставщиками. Среди потенциальных мер, направленных на установление этого баланса, могут быть:

- Разработка процедур для обоснования требований технического задания, позволяющих обеспечить защиту от снижений требований в угоду недобросовестным поставщикам.
 - Установление приоритета не минимальной цены, а максимального качества поставляемой продукции, т. е. переход от электронных аукционов, составляющих более 70% от всех закупочных процедур в 2019 году [9], к иным способам определения поставщика, учитывающим не только минимальную цену, но и качество продукции, работ, услуг.
 - Разработка механизма экспертной оценки при рассмотрении дел в Федеральной антимонопольной службе, т. е. при осуществлении оценки спорного технического задания для вынесения обоснованного решения необходимо реализовать привлечение экспертов из соответствующих профильных организаций.
- На наш взгляд, указанные меры помогут не только повысить качество поставляемой продукции, но и защитить права заказчика, сэкономить бюджетные средства и поднять уровень системы госзаказа, выведя за границу непрофессионалов и недобросовестных поставщиков.

Литература:

1. ГОСТ Р ИСО 9000–2001 «Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь (с Изменением № 1)» // [Электронный ресурс]: Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации.— (<http://docs.cntd.ru/document/1200015260>) (дата обращения: 10.08.2020).
2. Акт администрации Сортавальского муниципального района Республики Карелия от 05.03.2018 № 02 // [Электронный ресурс]: Журнал «Главбух».— (https://www.glavbukh.ru/npd/edoc/97_435797#) (дата обращения: 10.08.2020).
3. Акт Службы финансово-экономического контроля и контроля в сфере закупок Красноярского края от 05.03.2018 № 6/н // [Электронный ресурс]: Журнал «Главбух».— (https://www.glavbukh.ru/npd/edoc/81_10801593) (дата обращения: 10.08.2020).

4. Акт Контрольного комитета Тульской области от 22.02.2018 № 01/ПЛ/2018 // [Электронный ресурс]: Журнал «Главбух». — (https://www.glavbukh.ru/npd/edoc/97_435806) (дата обращения: 10.08.2020).
5. Федотов, А. с. Государственная контрактная система, как инструмент управления государственной и муниципальной собственностью [Текст]: магистерская диссертация: 38.04.02 / А. с. Федотов., науч. рук. А. В. Лихтер — Красноярск: СФУ, 2016 г.
6. Шацкий, Д. Е. Совершенствование государственной контрактной системы: причины возникновения проблем и пути их решения [Электронный ресурс] // Вестник ГУУ. — 2018 г. — № 2. — (<https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-gosudarstvennoy-kontraktnoy-sistemy-prichiny-vozniknoveniya-problem-i-puti-ih-resheniya>) (дата обращения: 12.08.2020).
7. «Одна из проблем госзакупок — нет квалифицированных кадров» // [Электронный ресурс]: Общероссийская общественная организация «Деловая Россия». — 2017 г. — (<https://deloros.ru/odna-iz-problem-goszakupok-net-kvalificirovannyh-kadrov.html>) (дата обращения: 10.08.2020).
8. Итоги года: Госзакупки — упрощение как новый виток эволюции // [Электронный ресурс]: Аналитический Центр «Интерфакс-ProЗакупки». — 2019 г. — (<https://prozakupki.interfax.ru/articles/1588>) (дата обращения: 12.08.2020).

Система дополнительных наказаний по уголовному законодательству Республики Казахстан

Баткалова Гульнара Мухтаровна, магистрант
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (Беларусь)

В статье рассматривается система дополнительных наказаний по уголовному законодательству Республики Казахстан. Автором выработаны предложения по совершенствованию системы дополнительных наказаний.

Ключевые слова: система дополнительных наказаний, дополнительные наказания, наказание, уголовное законодательство.

Уголовное законодательство Республики Казахстан не содержит понятия системы наказаний. Действующий Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года (далее — Уголовный кодекс Республики Казахстан), как и предыдущие Уголовный кодекс Казахской ССР от 22 июля 1959 года и Уголовный кодекс Республики Казахстан от 16 июля 1997 года, содержит лишь уголовно-правовую норму под названием «Виды наказаний».

Вместе с тем, в юридической науке считается, что предусмотренный уголовным законом исчерпывающий перечень видов наказаний, которые могут содержаться в санкциях норм Особенной части Уголовный кодекс Республики Казахстан и назначаться по приговору суда за совершение уголовного правонарушения, представляет собой систему наказаний. Так, по мнению профессора с. М. Рахметова, «под системой наказаний понимается закрепленный уголовным законом исчерпывающий и обязательный для судов перечень видов наказаний, расположенных в определенном порядке с учетом их сравнительной тяжести» [1, с. 209].

Структура и содержание системы наказаний зависят от действующего политического строя государства, его экономического развития, мнения общества и иных социальных условий. «При этом система наказаний почти всегда соответствовала уровню нравственности, культуры и общей цивилизованности общества. Так, в Средние века доминирующее в обществе мнение об устрашающей силе наказания породило такие системы уголовных наказаний, которые были призваны запугать население своей жестокостью. Значительное место отводилось в этих системах квалифицированным видам

смертной казни, наказаниям, физически и духовно калечащим людей» [2, с. 48].

В последующем по мере развития цивилизованности общества и государства системы наказаний становились мягче и гуманней. Из них исключены такие варварские и садистские наказания как смертная казнь в виде четвертования, колесования, подвешивания на крюк за ребро, телесные наказания в виде ослепления, вырезания частей тела, отсечения конечностей, клеймения и др.

В современной теории уголовного права система наказаний рассматривается в узком смысле, указывая лишь на отдельные признаки системы уголовных наказаний («перечневый» подход), и в широком смысле слова. Так, Н. А. Стручков под системой уголовных наказаний понимал «установленный законом исчерпывающий перечень наказаний, строго обязательный для суда и расположенный в определенном порядке в зависимости от степени их тяжести» [3, с. 56]. Позднее профессор А. с. Михлин полагал, что «все наказания в УК образуют систему наказаний — исчерпывающий их перечень, включающий все виды наказаний в определенном порядке» [4, с. 117]. Данной позиции придерживаются и другие ученые.

В широком смысле система уголовных наказаний определяется с точки зрения философии. Так, профессор Н. Ф. Кузнецова полагает, что «система наказаний — это целостное множество видов наказания (элементов системы) и подсистем, включающих сгруппированные по различным основаниям виды наказания» [5, с. 24]. По мнению В. К. Дююнова, система наказаний — это «социально обусловленная целостная совокупность взаимодействующих видов уголовных наказаний, установленная

законом в форме исчерпывающего перечня с учетом их сравнительной тяжести» [6, с. 182]. Жалинский А. Э. справедливо отмечает, что система наказаний «не сводится к простому перечню видов наказания» [7, с. 381].

Профессор В. И. Селиверстов полагает, что «виды наказаний должны не просто входить в перечень, а образовывать систему наказаний. Для этого необходимо, чтобы предусмотренный уголовным законом перечень отвечал ряду основных требований к системе наказаний. По мнению автора, таковыми требованиями являются: 1) он должен быть внутренне упорядоченный и непротиворечивый; 2) нет одинаковых преступлений, также нет абсолютно схожих по степени общественной опасности преступников. Перечень наказаний должен учитывать это многообразие, должен быть соразмерным по своему карательному и воспитательному потенциалу. Между наказаниями, входящими в перечень, не должно быть больших различий по своему содержанию. В противном случае суд не сможет индивидуализировать ответственность и назначить соразмерное содержанию наказание; 3) перечень наказаний является исчерпывающим, он не подлежит произвольному толкованию» [8, с. 315].

Профессор С. М. Рахметов отмечает наличие двух систем наказаний. Так, по его мнению, «в уголовном законодательстве Республики Казахстан имеются две системы наказаний: система наказаний для уголовных проступков, которая находится в ч. 1 ст. 40 УК, и система наказаний для преступлений, которая находится в ч. 2 ст. 40 УК. Это связано с делением уголовных правонарушений на два вида: уголовные проступки и преступления» [1, с. 209].

Вместе с тем, следует отметить, что рассматриваемые положения (ч. 1 и ч. 2 ст. 40 Уголовного кодекса Республики Казахстан) определяют перечень только основных наказаний, которые могут применяться к лицам, признанным виновным в совершении уголовного проступка и преступления (*уголовного правонарушения*). В данном контексте остались без внимания дополнительные наказания, предусмотренные ч. 3 ст. 40 Уголовного кодекса Республики Казахстан.

Национальное уголовное законодательство не содержит понятие дополнительных наказаний. По своей сути данные виды наказания в отличие от основных наказаний являются вспомогательным средством принудительного воздействия к лицу, признанному виновным в совершении уголовного правонарушения (*уголовного проступка и преступления*), для достижения целей наказания. В ходе определения объема уголовной ответственности дополнительные наказания выполняют не основную, а вспомогательную роль. Дополнительные наказания не назначаются судом самостоятельно без основных. Применение дополнительных наказаний допускается только в сочетании с основными, увеличивая тем самым увеличивая объем лишения или ограничения прав и свобод лица, признанного виновным в совершении уголовного правонарушения.

Дополнительное наказание имеет характер вспомогательной меры государственного принуждения, назначаемой по приговору суда, присоединяемой к основному виду наказания лицу, признанному виновным в совершении уголовного правонарушения, которая заключается в лишении или ограничении прав и свобод (*материальных благ и в морально-психологиче-*

ском воздействии) этого лица. По мнению О. В. Постниковой «дополнительное наказание индивидуализирует наказание, воздействуя избирательно на отдельные негативные черты личности, обеспечивая тем самым максимальную соразмерность наказания совершенному преступлению с учетом всех обстоятельств дела. Тем самым, расширенный круг рассматриваемого наказания будет полностью соответствовать требованиям справедливости» [9].

Дополнительные наказания в определенных ситуациях могут иметь решающее значение для достижения целей восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения новых уголовных правонарушений как осужденным, так и другими лицами, и самое главное, не отделяя его от социума и не связывая с криминалом.

В соответствии с ч. 3 ст. 40 Уголовного кодекса Республики Казахстан «к лицу, признанному виновным в совершении уголовного правонарушения, наряду с основным наказанием могут применяться следующие дополнительные наказания: 1) конфискация имущества; 2) лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина, дипломатического ранга, квалификационного класса и государственных наград; 3) лишение права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью; 3–1) лишение гражданства Казахстана; 4) выдворение за пределы Казахстана иностранца или лица без гражданства».

По нашему мнению, при изложении данного перечня дополнительных наказаний имеются определенные противоречия. Так, ч. 3 ст. 40 Уголовного кодекса Республики Казахстан определяет исчерпывающий перечень дополнительных наказаний за совершение уголовных правонарушений. Вместе с тем, ч. 2 ст. 51 Уголовного кодекса Республики Казахстан «выдворение за пределы Республики Казахстан иностранца или лица без гражданства за совершение уголовного проступка может быть назначено в качестве как основного, так и дополнительного вида наказания». В то же время конфискация имущества; лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина, дипломатического ранга, квалификационного класса и государственных наград; лишение права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью; лишение гражданства могут назначаться только в качестве дополнительного наказания.

Таким образом, следует констатировать наличие не только основных и дополнительных наказаний, но и наличия наказания, способного выполнять роль основного и дополнительного, которое не предусмотрено в ст. 40 Уголовного кодекса Республики Казахстан. Полагаем, что данное положение должно найти свое отражение в ст. 40 Уголовного кодекса Республики Казахстан, определяющего виды наказаний.

Если основные наказания регламентируются в санкциях норм Особенной части Уголовного кодекса Республики Казахстан и могут назначаться только тогда, когда они предусмотрены соответствующей санкцией статьей Особенной части, то отдельные дополнительные наказания могут назначаться и тогда, когда они не предусмотрены соответствующей нормой Особенной части Уголовного кодекса (*лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной дея-*

тельностью и лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина, дипломатического ранга, квалификационного класса и государственных наград). Кроме того, следует отметить, что последнее не указано ни в одной из санкций статей Особенной части Уголовного кодекса Республики Казахстан.

В литературе обосновывается, что отдельные дополнительные наказания носят усложненный характер, фактически включают в себя несколько видов наказаний, отличающихся друг от друга по своему характеру или содержанию [10, с. 29]. Так, наказание в виде лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина, дипломатического ранга, квалификационного класса и государственных наград (ст. 49 Уголовного кодекса Республики Казахстан) включает в себя: 1) лишение специального звания; 2) лишение воинского звания; 3) лишение почетного звания; 4) лишение классного чина; 5) лишение дипломатического ранга; 6) лишение квалификаци-

онного класса; 7) лишение государственных наград. А лишение права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью (ст. 50 Уголовного кодекса Республики Казахстан) состоит из двух видов наказаний: 1) лишение права занимать определенную должность и 2) лишение права заниматься определенной деятельностью. В этой связи, Уголовный кодекс Республики Казахстан предусматривает не пять, а двенадцать дополнительных наказаний.

Таким образом, действующая система дополнительных наказаний, предусмотренная ч. 3 ст. 40 Уголовного кодекса Республики Казахстан нуждается в совершенствовании посредством включения в нее новых видов наказаний и более последовательной их систематизации. Наличие в уголовном законодательстве наказания, способного выполнять роль основного и дополнительного (так называемого смешанного наказания), противоречит действующей системе наказаний.

Литература:

1. Рахметов с. М. Уголовное право Республики Казахстан. Общая часть: Учебник. — Алматы: ТОО «Лантар Трейд», 2020. — С. 209.
2. Парфиненко И. П. Уголовное наказание в России: краткий историко-правовой обзор // Российский следователь.— 2015.— № 13. — С. 48–50.
3. Стручков Н. А. Общие положения / Курс советского уголовного права. — Т. 3. — М.: Наука, 1970. — С. 56.
4. Михлин А. с. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть. — М.: Юристъ, 2004. — С. 117.
5. Кузнецова Н. Ф. Система наказаний // Курс уголовного права. Общая часть. Т. 2 / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. — М., 1999. — С. 24.
6. Дуюнов В. К. Уголовно-правовое воздействие: теория и практика. — М.: Научная книга, 2003. — С. 182.
7. Жалинский А. Э. Понятие, виды и цели наказания // Уголовное право России: учеб. для вузов. В 2-х т. Т. 1. Общая часть / отв. ред. и руковод. авт. коллектива А. Н. Игнатов и Ю. А. Красиков. — М.: НОРМА, 2000. — С. 381.
8. Селиверстов В. И. Система наказаний и их классификация // Уголовное право. Общая часть: учебник / под общ. ред. В. И. Радченко. — М.: ЗАО Юстицинформ, 2004. — С. 314–315.
9. Постникова О. В. Направление совершенствования системы дополнительных наказаний в России // Научно-практический электронный журнал «Аллея Науки».— 2019.— № 11 (38) // Alley-science.ru.
10. Курс уголовного права. Т. 2: Общая часть. Учение о наказании. — М., 2002. — С. 29.

История института досудебного сотрудничества. Порядок заключения соглашения о сотрудничестве

Белов Артем Алексеевич, студент магистратуры
Центральный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Воронеж)

В статье рассматривается правовой институт досудебного соглашения о сотрудничестве. Отмечается, что досудебное соглашение о сотрудничестве обладает высокой значимостью и при выполнении его условий выступает в качестве смягчения виновному лицу уголовного наказания. Одновременно с этим, в статье выявляются пробелы и несовершенства норм действующего законодательства, регламентирующих данный правовой институт, а также предлагаются меры по их устранению.

Ключевые слова: соглашение, сотрудничество, наказание, приговор, ходатайство.

Правовой институт досудебного соглашения о сотрудничестве не имеет на территории нашей страны давней истории, так как на законодательном уровне он был закреплен только в 2009 году с принятием Федерального закона от

26.06.2009 года № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [1]. Впервые на практике он был использован Следственным комитетом по Кемеровской об-

ласти в рамках расследования уголовного дела, возбужденного по признакам преступления, которое содержится в ч. 1 ст. 124 Уголовного кодекса РФ (похищение человека). Один из обвиняемых по указанному делу заявил ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Правовой институт досудебного соглашения о сотрудничестве урегулирован нормами уголовно-процессуального законодательства. Так, в соответствии с п. 61 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса РФ, досудебное соглашение о сотрудничестве представляет собой соглашение между сторонами обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения [2]. Таким образом, суть соглашения о досудебном сотрудничестве заключается в том, что подозреваемый или обвиняемый лицо принимает на себя обязательства оказывать содействие следственным органам в обмен на снижение наказания, на основании правил, содержащихся в ч. 2 и ч. 4 ст. 62 УК РФ. Одновременно с этим, в практической деятельности осужденные, которые заключали досудебное соглашение о сотрудничестве, обжалуют приговор суда, ссылаясь на помощь следствию и ошибочно полагая, что наличие соглашения является основанием для освобождения от наказания или назначения минимально допустимого наказания. Представляется, что данное убеждение деструктивно в связи с тем, что соглашение не освобождает лицо от наказания, а только в некоторой степени смягчает его. В качестве примера такого обжалования можно привести Апелляционное определение Верховного Суда РФ по делу № 20-АПУ15–28 от 06.10.2015 г. Так, истец заявил требование смягчить назначенное ему приговором суда наказание в виде 10 лет лишения свободы. В обоснование своих требований заявил, что заключил со следствием досудебное соглашение о сотрудничестве, но полагает, что суд первой инстанции не учел данный фактор при назначении наказания. Рассмотрев материалы дела, судебная коллегия установила, что судом первой инстанции в полной мере были учтены смягчающие и отягчающие обстоятельства, а также тот факт, что лицо заключило досудебное соглашение и в полной мере выполнило его условия. Таким образом, приговор был расценен как законный и обоснованный, а в удовлетворении иска было отказано [5].

Порядок заключения соглашения о сотрудничестве регламентируется статьей 317.1 УПК РФ. Так, согласно ч. 1 ст. 317.1 УПК РФ ходатайство о заключении соглашения о сотрудничестве подается обвиняемым или подозреваемым лицом в письменном виде на имя прокурора и подписывается защитником лица и им самим. Моментом, когда подозреваемый или обвиняемый имеют право заявить ходатайство о заключении соглашения о сотрудничестве, является момент начала уголовного преследования, до момента объявления об окончании предварительного следствия. Подавая ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, подозреваемый или обвиняемый гражданин указывает, какие именно действия обязуется совершить для содействия следственным органам при расследовании и раскрытии преступления.

В результате анализа норм, регламентирующих соглашение о досудебном сотрудничестве, можно выявить определенное

противоречие между определением, которое содержится в п. 61 ст. 5 УПК РФ и пониманием соглашения в главе 40.1 УПК РФ. В частности, в п. 61 ст. 5 УПК РФ отмечается, что соглашение заключается между обвинением и защитой. Одновременно с этим не указывается, что к стороне обвинения относится не только следователь, руководитель следственного органа и прокурор, как это следует из статьи 317.1 УПК РФ, но и потерпевший, его законный представитель и гражданский истец. Более того, сторона защиты — это не только защитник обвиняемого и подозреваемого, но и гражданский ответчик, его представители. Однако в законодательстве не требуется, чтобы все стороны обвинения и защиты подписывали данный документ. Полагаем, что это не является существенным пробелом законодательства, но вносит некоторые противоречия в законодательные формулировки.

Ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и соответствующее постановление следователя прокурор рассматривает в течение трех суток, с момента его поступления [4]. В результате рассмотрения ходатайства прокурор выносит постановление об удовлетворении ходатайства или об отказе в удовлетворении такового. Если прокурором было принято положительное решение относительно удовлетворения полученного ходатайства, для его составления приглашается следователь, подозреваемый или обвиняемый и также защитник. Соглашение о сотрудничестве составляется прокурором при обязательном участии данных лиц. Особое внимание уделяется действиям, которые подозреваемый или обвиняемый обязуется совершить в целях оказания помощи следствию и смягчающим обстоятельствам, которые будут применены при выполнении условий соглашения. Из данной нормы следует, что досудебное соглашение о сотрудничестве нецелесообразно рассматривать в качестве мирового соглашения, характерного для гражданского процесса или сделки о признании вины, которая имеет место в английском уголовном судопроизводстве. В связи с этим, даже на фоне заключения указанного соглашения, следователь и прокурор не прекращают свою деятельность по осуществлению публичного уголовного преследования, необходимого при обнаружении признаков преступного деяния.

Также стоит принимать во внимание, что условием заключения соглашения, что уже было рассмотрено выше, является наличие подозрения или обвинения лица. В связи с этим, данное соглашение не заключается с лицом, доказательства вины которого, отсутствуют. Очевидно, что законодатель не дает ответа на вопрос, имеет ли право прокурор и следователь в рамках последующего производства по уголовному делу установить иные фактические обстоятельства дела, а также дать им юридическую оценку, по сравнению с теми, которые указаны в тексте заключенного соглашения. Неопределенность усугубляется тавтологией, которую можно наблюдать в п. 6 ч. 2 ст. 317.3 УПК РФ. Так, данный пункт указывает, что в соглашении указываются действия, которые подозреваемый или обвиняемый обязуется совершить при выполнении им обязательств, указанных в досудебном соглашении о сотрудничестве. Представляется, что в тексте соглашения наиболее целесообразно указывать непосредственно обязательства, а не действия, так как

эти обязательства могут состоять лишь в действиях подозреваемого или обвиняемого и ни в чем ином.

Особенности уголовного судопроизводства в отношении лица, которое заключило досудебное соглашение о сотрудничестве, проявляются, начиная со стадии предварительного следствия. Правовая регламентация особенностей данной стадии в случае заключения соглашения осуществляется статьей 317.4 УПК РФ, а общий порядок проведения предварительного следствия регламентируется главами 22–27 и 30 УПК РФ (ч. 1 ст. 317.4 УПК РФ) [3]. Очевидно, что в тексте ч. 1 ст. 317.4 УПК РФ содержится законодательный пробел, так как, указывая на общий порядок проведения предварительного следствия, законодатель отмечает только главы 22–27 и 30 УПК РФ. Представляется, что в данном случае ошибочно не указаны нормы, которые содержатся в иных главах и которые обязательны для применения в рамках указанной стадии. В частности, речь идет о статьях 151–152, 156–159 и 161 УПК РФ. Данные статьи регламентируют порядок проведения предварительного следствия, в связи с чем, также должны применяться по данной категории дел и указываться в содержании статьи 317.4 УПК РФ. На стадии предварительного следствия, все материалы, которые касаются заключения соглашения о сотрудничестве, приобщаются к уголовному делу.

Литература:

1. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 29.06.2009 № 141-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2009. — № 26. — Ст. 3139;
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 27.10.2020) // Парламентская газета. — 2001. — № 241–242;
3. Гусева Н. Н. Процессуальное обеспечение безопасности лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Н. Н. Гусева, Москва, 2018–185 с.;
4. Новицкий А. А. Досудебное соглашение о сотрудничестве в российском уголовном процессе / А. А. Новицкий // Скиф. Вопросы студенческой науки. — 2019. — № 12(40). — С. 82–85;
5. Апелляционное определение Верховного Суда РФ по делу № 20-АПУ15–28 от 06.10.2015 года [Электронный ресурс] URL: <https://www.zakonrf.info/suddoc/d6d544927cc43c04fdb18780eb6eacc0/> (дата обращения: 17.11.2020);

К вопросу о применении Конституции РФ в судебной практике

Бережной Артём Сергеевич, студент
Российский государственный университет правосудия (г. Москва)

Говоря о проблеме применения Конституции РФ [1] в судебной практике необходимо отметить то, что ссылки на основной документ нашего государства находят свое место в судебном решении, но есть определенные проблемы в использовании статей Конституции РФ в судебных решениях. Применение конституции представляет собой использование конкретных конституционных норм в определенных отношениях, где они выступают в качестве регулятора создавшихся общественных отношений.

В настоящее время в российской судебной практике сложилась устойчивая тенденция того, что судьи воздерживаются от применения конституционных предписаний в своих судебных

решениях, а именно в мотивировочной части, когда есть определенный пробел в законодательстве или сложность в подборе соответствующей нормы. Данная проблема связана с тем, что Конституция РФ обладает прямым действием, но не все ее положения понимаются, как нормы, носящий нормативный характер, а чаще как учреждающие или общие [2]. По мнению Шишлевской Я. Ф. Конституционный Суд Российской Федерации ссылаясь на ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» утверждает то, что суды общей юрисдикции не правомочны применять нормы конституции без согласования с Конституционным Судом Российской Федерации [3]. Это в значительной степени осложняет ситуацию в практике право-

Для судебного заседания и судебного решения в отношении лица, которое заключило досудебное соглашение о сотрудничестве, законодательством РФ также предусмотрен особый порядок. Так, как отмечалось ранее, при вынесении приговора суд учитывает выполнение условий соглашения о сотрудничестве и смягчает на этом основании уголовное наказание. При невыполнении условий основания для смягчения наказания будут отсутствовать. Стоит отметить, что соглашение о сотрудничестве не затрагивает исключительную компетенцию судебных органов, которые назначают уголовное наказание. В связи с этим, размер и вид наказания не является предметом соглашения, а текст документа не отменяет императивные требования, содержащиеся в ст. 62 УК РФ.

Таким образом, досудебное соглашение о сотрудничестве является важным правовым институтом, так как с его помощью оказывается содействие следствию в раскрытии преступлений. Более того, определенной значимостью он обладает и для виновных лиц, так как смягчает наказание при наличии деятельного раскаяния. Однако в результате исследования были выявлены определенные несовершенства правовой регламентации досудебного соглашения о сотрудничестве, требующие скорейшего устранения.

применения конституции судами. Таким образом, применение конституционных норм в РФ является сложным и долгим процессом так, как оперативность применения нивелируется тем, что решение нужно согласовывать с Конституционным Судом Российской Федерации. К примеру, при оценке законодательства, и его пробельности, как подчеркнул Зорькин В. Д., Конституционный Суд России в своей практике руководствуется, прежде всего, таким общеправовым принципом, как принцип верховенства права (the Rule of Law) [4], предполагающий правовой характер действующего законодательства, обеспечиваемый верховенством и непосредственным действием прав и свобод человека. Этот принцип выражен в Конституции, признающей права и свободы человека как высшую ценность, непосредственно действующее право, устанавливающие то, что они определяют смысл, содержание и характер применения законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, органов местного самоуправления и обеспечиваются правосудием (ст. 2, 18).

Данный подход является одним из основных для правового государства, что также отражается на органах власти, главная задача которых защита прав и свобод граждан. Конституция РФ, в которой прописаны эти права и свободы, безусловно должна быть задействована в судебных решениях, не только в Конституционном Суде Российской Федерации, но и во всех судах России. Это в свою очередь позволит более эффективно преодолевать пробелы в законодательстве. Применение конституционных норм судами, позволит укрепить аргументацию решений и правовую стабильность правоприменения, снизив пробельность в законодательстве. Используя интегративное правопонимание данные задачи вполне реализуемы [5].

Однако данные возможности еще не реализованы, а судьи воздерживаются от применения конституции в своей деятельности.

Такая тенденция вызвана целым рядом причин, таковыми являются:

- вероятность того, что данное решение будет отменено вышестоящей инстанцией;
- нет достаточной практики в этом направлении;
- недостаточность законодательного регулирования данного вопроса;
- нет общепринятого толкования того, как правильно применять конституционные предписания.

Таким образом, существуют определенные проблемы с применением норм Конституции в РФ. Так в силу части 5 статьи 125 Конституции РФ и развивающего его положения части 4 статьи 3 федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 29.07.2018) «О Конституционном Суде Российской Федерации» [6], Конституционный Суд Российской Федерации полномочен толковать Конституцию РФ. С точки зрения формально-юридического подхода это означает, что только Конституционный Суд Российской Федерации может толковать конституцию, но исходя из смысла законодательства иные суды судебной системы РФ также правомочны применять Конституцию РФ, в свою очередь судебные решения могут носить казуальный характер. Верховный Суд Российской Федерации дал весьма ограниченное и устаревшее, на сегодня

время, толкование положению о применении судами РФ конституции практически сведя их к строгим основаниям, а именно сводя их к определенным случаям [7]:

- Когда Конституция РФ не отсылает к принимаемым законодателем текущим законам;
- Когда Конституционный Суд Российской Федерации принял постановление, которое констатирует неконституционность нормы закона, в связи с чем судам следует руководствоваться и непосредственно применять нормы Конституции.

Таким образом, данная позиция Верховного Суда Российской Федерации ограничивает саму суть «прямого действия» Конституции РФ, «загоняя» суды в строгие рамки, когда суд может применить Конституцию РФ, а когда нет [7].

Исходя из этого, возможно решение данной проблемы: в виде дополнительного законодательного закрепления использования Конституции РФ и выработки единой концепции ее применения, для обеспечения единства судебной практики.

Закрепленное в Конституции Российской Федерации положение о высшей юридической силе и прямом действии Конституции означает, что все конституционные нормы имеют верховенство над законами и подзаконными актами, в силу чего суды при разбирательстве конкретных судебных дел должны руководствоваться Конституцией Российской Федерации. Верховный Суд Российской Федерации даёт разъяснение и толкование того, как нужно применять Конституцию РФ, но в связи с достаточно активным реформированием законодательства, включая Конституцию РФ, это постановление уже не полностью регулирует эту проблему так, как не в полной мере соответствует нынешнему законодательству [7]. Также нужно выработать единую концепцию применения, создать действующий механизм использования конституционных предписаний, основываясь на интегративном правопонимании нужно выработать модель и схему разрешения отношений, которые законодательно не урегулированы [8].

Таким образом, нивелируются большая часть проблем, связанных с пробелами в законодательстве. Этого можно добиться с помощью интеграции различных подходов правопонимания, которые во взаимосвязи смогут достичь беспробельности [9]. Помимо этого, некоторые нормы Конституции РФ имеют казуистическую форму изложения, что может создать условия для появления судебного прецедента в РФ, но важно отметить то, что в правовой базе РФ судебный прецедент не признаётся, что опять же требует принятия каких-либо решений законодательного характера, что обуславливается сложностью и некой своеобразностью правовой системы РФ, где основой служат нормативно-правовые акты, издаваемые законодательными органами РФ.

Система правовых принципов, основанная на общих принципах формального равенства и верховенства права, составляет ядро права. В силу этого право по своей природе представляет собой гомогенную (однородную) и беспробельную систему официально-властной регуляции. Именно беспробельный характер права позволяет восполнять пробелы в законодательстве на основе общих начал и смысла права [10].

Таким образом, потребуется правотворческая конкретизация конституционных норм, что позволит урегулировать проблемы судебной компетенции на конституционном уровне. Концепция

законодательного регулирования в виде закона «О конкретизации права» предложенная В. В. Ершовым и поддержанная О. И. Вилиаком вполне подходит для решения данных задач [11, 12].

Исходя из вышесказанного, данная проблема, является достаточно серьезной и ее решение, необходимо для повышения

эффективности и продуктивности правосудия в РФ. Полагаю, что главной проблемой здесь является недостаточное законодательное регулирование, данного вопроса и ряда теоретических проблем, связанных с концепциями правопонимания и правоприменения соответственно.

Литература:

1. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // СЗ РФ. 04.08.2014. № 31. ст. 4398.
2. Авакьян с. А. Конституция России: природа, эволюция, современность.— «Сашко», 2000 г. // URL: www.constitution.garant.ru/science-work/modern/1776651/
3. Шишлевская Я. Ф. Применение Конституции РФ в деятельности судов общей юрисдикции // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-konstitutsii-rf-v-deyatelnosti-sudov-obshchey-yurisdiktsii>
4. Зорькин В. Д. Выступление Председателя КС РФ. Аксиологические аспекты Конституции России // URL: www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=1
5. Сырых В. М. Занина М. А. Материалы III Международной научной конференции 2010 Современные теоретические и практические проблемы правопонимания, правотворчества и правоприменения // URL: https://vk.com/away.php?to=http%3A%2F%2Fwww.ksrf.ru%2Fru%2FInfo%2FConferences%2FDocuments%2F2016Yershov.docx&cc_key=
6. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 29.07.2018) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 03.11.2010 № 7. Ст. 5472.
7. Якименко Д. В. Применение судами Российской Федерации Конституции Российской Федерации балтийский гуманитарный журнал 2019 Ст. 198 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-sudami-rossiyskoj-federatsii-konstitutsii-rossiyskoj-federatsii>
8. Алешкова И. А. Применение конституционных предписаний судами российской федерации: Интегративный подход. — М. РГУП, 2017. Ст. 16
9. Залоило М. В. Черкашина-Смидт О. В. Интегративное правопонимание: новый подход 143–145 с, журнал российского права 2014 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integrativnoe-pravoponimanie-novyy-podhod>
10. Зорькин В. Д. Проблемы законодательных пробелов выступление председателя КС РФ 2008 Вильнюс // URL: www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=19
11. Вилиак О. И. Проблемы конституционного регулирования судебной компетенции // URL: www.4aas.arbitr.ru/sites/4aas.arbitr.ru/files/pdf/О.И.%20Вилиак%20-%20Проблемы%20конституционного%20регулирования.pdf
12. Ершов В. В. Конкретизация права: теоретические и практические проблемы // URL: https://studref.com/571652/pravo/obshchie_teoreticheskie_metodologicheskie_problemy_konkretizatsii_prava

Проведение досмотровых мероприятий на объектах железнодорожной инфраструктуры как мера предупреждения террористических актов

Березина Татьяна Александровна, студент магистратуры
Челябинский государственный педагогический университет

В последнее время объекты железнодорожной инфраструктуры действуют в условиях роста террористических угроз, недостаточности нормативной правовой базы и ограниченных финансовых средств. Террористические угрозы приобретают технологический аспект, когда террористы активней применяют самые современные технические устройства. Это в свою очередь повышает актуальность использования досмотровых мероприятий. В статье рассматриваются актуальная тема обеспечения антитеррористической защищенности объектов инфраструктуры железнодорожного транспорта и проблемы практической эффективности, реализуемых мер по досмотру.

Ключевые слова: железнодорожный транспорт, террористические акты, угрозы, безопасность, инфраструктура.

Общественная безопасность на железнодорожном транспорте включает не только его безаварийную эксплуатацию, но огромный комплекс мер защиты от угроз различного характера. Террористические акты во всех их видах и

проявлениях являются одной из угроз общественной безопасности и их предупреждение выступает одной из самых актуальных проблем на объектах железнодорожной инфраструктуры.

При этом, меры по предупреждению террористических актов, которые принимаются в последнее время, не всегда достаточно способствуют обеспечению общественной безопасности на железнодорожном транспорте. Это определяет актуальность темы исследования в данном вопросе и публикацию принятых результатов.

Железнодорожный транспорт всегда был объектом повышенного внимания лиц, совершающих такие преступления, как незаконная перевозка оружия, наркотиков, взрывчатых веществ, и является одной из излюбленной целью террористов, которые желают своими действиями вызвать глобальный общественный резонанс.

Объекты железнодорожной инфраструктуры представляют собой место стабильного и постоянного скопления огромного количества людей на относительно небольшой территории и в замкнутых помещениях, вокзалах, туннелях. Террористы зачастую используют смертников, подрывающих на себе взрывные устройства, и делают это, как правило, именно в закрытых помещениях железнодорожных вокзалов, мостов, вагонов и т. п.

По этому аспекту А. Б. Свистильников разъясняет, что «образовавшаяся в процессе взрыва взрывная волна, отражаясь от стен и иных преград замкнутого пространства, создает значительное избыточное давление, которое в 5–6 раз больше давления, возникающего при взрыве на открытой местности» [1, с. 6–10].

Тем самым единичным терактом террористы могут воздействовать сразу на большое количество людей и вызывать колоссальные жертвы. Также теракты в отношении объектов железнодорожного транспорта проявляются в виде подрывов железнодорожных путей и подвижного составов; в заведомо ложных сообщениях об актах терроризма. Таким терактам, как правило, предшествует тщательная подготовка и, как свидетельствуют события последних лет, используются новые технические способы их совершения, которым присуща такая качественная характеристика, как технологичность. В литературе их упоминают в качестве актов технологического терроризма [2, с. 38].

Серьезной проблемой выступает «телефонный» терроризм — ложное сообщение об акте терроризма, который парализует работу всего объекта, так как влечет эвакуацию пассажиров и работников вокзалов, станций, привлечение огромных сил и средств правоохранительных органов, осуществление сложных организационно-технических мероприятий по предупреждению и ликвидации вероятных последствий террористического акта. Это наносит перевозчикам колоссальный материальный ущерб в виде неполученной прибыли, которая почти никогда не возмещается им даже при раскрытом преступлении.

Объекты железнодорожной инфраструктуры по уровню возможных террористических угроз относятся к числу наиболее критических объектов и остаются слабо защищенными от таких угроз. Это определено и технологическими особенностями самого железнодорожного транспорта и самой спецификой железнодорожных перевозок.

Но все же за последние годы наблюдается определенный прогресс в развитии безопасности на железнодорожном транспорте «благодаря совершенствованию нормативной правовой

базы, появлению профессионального обучения и аттестации лиц, его обеспечивающих, оснащению инженерно-техническими средствами объектов транспортной инфраструктуры» [5, с. 62].

Принятые меры по антитеррористической защищенности позволили предупредить попытки актов незаконного вмешательства в деятельность транспортного комплекса.

Также следует выделить некоторые проблемы обеспечения антитеррористической безопасности на железнодорожном транспорте. Так, стоит отметить недостаточную эффективность осуществления пропускного режима и проведения мероприятий по досмотру на вокзалах.

Почти все вокзалы и станции в последнее время уже оборудованы досмотровыми зонами, оснащены металлодетекторами и прочими техническими средствами. Так на крупных вокзалах досмотровое оборудование в себя включает:

- аппаратуру радиационного контроля с функцией видеонаблюдения;
- стационарный многозонный металлообнаружитель;
- портативный обнаружитель паров взрывчатых веществ;
- портативную рентгено-телевизионную установку;
- стационарную сканирующую установку для досмотра багажа конвейерного типа;
- ручной металлоискатель.

Но в крупных городах при насыщенном и большом пассажиропотоке результативность проведения досмотра снижается. Огромное количество пассажиров вызывает большое скопление в местах досмотра и быстрое заполнение зоны досмотра, что вызывает затруднение в выявлении пассажиров для проведения тщательного досмотра, а при наличии подозрений и дополнительного осмотра.

Следует отметить, что законодательством утверждены Правила проведения досмотра, дополнительного досмотра, повторного досмотра в целях обеспечения транспортной безопасности [3] (далее — Правила № . 227).

Но стоит признать, что довольно часто такие мероприятия по досмотру имеют имитационный характер, и любой человек при всем желании может беспрепятственно пройти даже на крупнейшие железнодорожные станции со стороны входных и выходных путей, минуя процедуру досмотра, полицейских и охранников.

Также в литературе ученые признают, что Правила № 227 по своему содержанию являются запутанными и малосодержательными, а по объему очень громоздкие, и значительная часть предписаний, содержащихся в Правилах № 227, основывается на использовании понятий и терминов, лишенных какой-либо правовой основы [4]. Все это затрудняет их точное применение на практике.

Кроме того, ПАО «РЖД» как субъектом транспортной инфраструктуры до сих пор не в полной мере исполняются требования Правил № 227, что подтверждается судебной практикой по привлечению ПАО «РЖД» к административной ответственности по статье 11.15.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях «Нарушение установленных в области обеспечения транспортной безопасности порядков и правил» (Решение Арбитражного суда Хабаровского края от

23.09.2019 по делу № А73–13644/2019, Апелляционное определение Свердловского областного суда от 06.03.2019 по делу № 33а-2475/2019).

Стоит отметить, что процедуры досмотра, дополнительного досмотра, или повторного досмотра возлагаются на субъекты транспортной инфраструктуры и (или) перевозчиков и осуществляются работниками их подразделений транспортной безопасности, которые должны быть аттестованы соответствующим образом.

Но по факту нарушений Правил № 227, которые выявляются Ространснадзором в ходе контрольных (надзорных) проверок привлекаются субъекты транспортной инфраструктуры как юридические лица. Так, в 2019 году должностными лицами Ространснадзора было привлечено к административной ответственности по статье 11.15.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, 2 147 юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (по информации сайта <https://rostransnadzor.gov.ru>).

При этом применить административную ответственность непосредственно к работникам подразделений транспортной безопасности в том случае, когда такое невыполнение напрямую связано с их халатностью или неисполнением должностных обязанностей, невыполнимо, так как в силу требований статьи 2.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях они не отнесены к должностным лицам.

Поэтому считаем, что в статью 2.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях следует внести изменение и дополнить в ней перечень должностных лиц указанием на работника подразделений транспортной безопасности, аттестованного в соответствии с законодательством Российской Федерации на соответствие требованиям к работникам сил обеспечения транспортной безопасности, осуществляющим досмотр, дополнительный досмотр, повторный досмотр.

Литература:

1. Свистильников, А. Б. Некоторые вопросы проведения осмотра места взрыва при совершении террористических актов на транспорте / А. Б. Свистильников // Проблемы правоохранительной деятельности и образования: сборник научных трудов докторантов, адъюнктов, аспирантов. Белгород: БелЮИ МВД России им. И. Д. Путилина, 2016. С. 6–10.
2. Пестов, Н.Н., Соловьев А. А. Угрозы безопасности объектов железнодорожного, воздушного и водного транспорта. Основные направления деятельности по обеспечению транспортной безопасности органов внутренних дел на транспорте МВД России / Н. Н. Пестов, А. А. Соловьев // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 2 (34). С. 34–38.
3. Приказ Минтранса России от 23.07.2015 № 227 «Об утверждении Правил проведения досмотра, дополнительного досмотра, повторного досмотра в целях обеспечения транспортной безопасности» (ред. от 07.09.2020) (Зарегистрировано в Минюсте России 24.03.2016 № 41529). Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, (дата размещения 28.03.2016).
4. Дмитриев, с. Н. Дополнительный и повторный досмотр в целях обеспечения транспортной безопасности / с. Н. Дмитриев // Транспортное право. 2016. № 4. С. 3–8.
5. Тушко, И. с. Транспортная безопасность на железнодорожном транспорте: проблематика и пути решения / И. с. Тушко // Проблемы правоохранительной деятельности. 2019. № 4. С. 62–67.

Стоит также отметить, что наибольшая результативность проведения досмотров может быть достигнута за счет профессиональных знаний работников полиции, практикующих и обученных в сфере противодействия обнаружению предметов, запрещенных или ограниченных к обороту, а также умений и навыков по их обнаружению.

Роль полиции в обеспечении общественной безопасности является все-таки ведущей, и повышение уровня доверия населения к полиции является одной из приоритетных задач органов внутренних дел.

Тем самым вопрос о возможности прямого участия сотрудников полиции в проведении процедур досмотров на железнодорожном транспорте на входном контроле требует особой разработки.

Как вариант, в целях обеспечения антитеррористической безопасности считаем целесообразным в Правилах № 227 добавить сотрудников полиции как участников досмотра совместно с работниками подразделений транспортной безопасности.

Считаем, что это будет способствовать минимизации последствий в случае угрозы совершения террористического акта на объектах транспортной инфраструктуры и транспортных средствах железнодорожного подвижного состава.

Любая нормативно-правовая разработка правил совместных действий работников полиции и железнодорожного транспорта по выявлению и нейтрализации террористических угроз является основным путем решения проблем антитеррористической защищенности российского железнодорожного комплекса.

Тем самым, в связи с развитием технологического терроризма, когда в террористических акциях используются новейшие достижения науки и техники, которые имеют потенциально высокий уровень поражающего фактора, особую актуальность имеют организационные и правовые аспекты обеспечения антитеррористической защищенности.

Охрана прав потребителей в современном гражданском праве

Берзина Анна Игоревна, студент

Научный руководитель: Юзефович Жанна Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Вопрос эффективной реализации права на защиту интересов потребителей в случае причинения им вреда вследствие недостатков (дефектов) товаров, работ, услуг является актуальным на протяжении последних десятилетий. В настоящей статье рассмотрены права потребителей как объект правовой охраны.

Ключевые слова: потребитель, права потребителей, защита прав потребителей, гражданин-потребитель, гражданское право.

В Российской Федерации в период становления рыночной экономики происходят существенные преобразования, затрагивающие разнообразные стороны жизнедеятельности общества. Интересы граждан государства во многом связаны с процессами потребления различных видов товаров, а также использования разнообразных результатов значительного перечня работ. Кроме того, повседневная жизнедеятельность рядового члена общества объективно требует предоставления каждому человеку в Российской Федерации целого ряда услуг, необходимых для удовлетворения социальных запросов [3, с. 30].

Защита прав потребителей — одна из центральных проблем современной цивилистики. Практически каждый гражданин — это потребитель товаров, работ или услуг. Как «слабая» сторона в правоотношениях потребитель нуждается в защите своих прав и законных интересов.

В первую очередь следует остановиться на экономическом значении термина «потребитель». Как справедливо замечает О. с. Чурочкина «понятие »потребитель« берет свои истоки из положений экономической теории, которая оперировала им с момента своего появления» [6, с. 22].

В качестве объекта исследования в этой области наук потребитель, как некий субъект потребления, включен в процесс общественного материального воспроизводства рыночной экономики, он существует в определенной экономической ситуации, имеет развитые интеллектуальные способности и обладает в силу этого специфическими формами экономического поведения.

Экономическая теория дает следующее определение потребителя: потребитель — это «лицо, или организация, потребляющие продукты чьего-либо производства, чьей-либо деятельности».

Закон РФ от 07.02.1992 № 2300–1 «О защите прав потребителей» содержит следующее легально закрепленное понятие: «потребитель — гражданин, имеющий намерение заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий или использующий товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности» [1].

Таким образом, потребитель, это, прежде всего, гражданин. Но гражданин только в том случае будет признаваться законом в качестве потребителя, если будет приобретать продукцию (товары, работы, услуги) для нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельностью, а для личных бытовых нужд. Так, гражданин-индивидуальный предприниматель не приобретает статуса потребителя в случае совершения им

сделок в процессе осуществления им предпринимательской деятельности, но будет признаваться в качестве потребителя если он действует за пределами предпринимательской деятельности, совершая сделку для удовлетворения личных, семейных или домашних нужд. Поэтому в случаях, когда стороной спора является индивидуальный предприниматель, повышенное значение для решения вопроса о квалификации такого лица как потребителя имеет исследование другого потребительского признака — цели заказа, приобретения или использования товара.

Здесь возникает вопрос о том, признается ли потребителем лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность в соответствии с обновленными положениями ст. 2 и ст. 23 Гражданского кодекса РФ [2] без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. К ним относятся, в частности, так называемые «самозанятые граждане». Например, гражданин сдает внаем принадлежащее ему на праве собственности жилое помещение и стоит на учете в налоговых органах как самозанятый гражданин. При этом он потребляет и оплачивает коммунальные услуги.

Следует ли его в данной ситуации признать потребителем? На наш взгляд, разъяснения по данному вопросу должны быть сделаны на уровне высших судебных органов.

Что же касается высказанных в науке предложений о расширении категории «потребитель» за счет юридических лиц [4, с. 58], отметим, что, хотя подобный опыт и существует в ряде европейских стран, его заимствование представляется преждевременным. В частности, «целесообразность распространения потребительских предпочтений на юридических лиц вызывает сомнения как таковая, поскольку их отсутствие не лишает организацию возможности обратиться за защитой своих прав в качестве участника гражданско-правовых отношений. При этом любое юридическое лицо в отличие от гражданина является профессиональным участником оборота, а вопрос о сопоставимости его »слабости« в непрофильных сферах со »слабостью« гражданина-потребителя остается открытым» [5, с. 27].

Сделаем вывод о том, что в российском законодательстве определен подобный подход, что представляется оправданным. Однако следует разъяснить возможность или невозможность признания потребителями самозанятых граждан.

Таким образом, правовое положение потребителей в рамках сложившихся торгово-экономических отношений имеет различные грани, и оно отражает многообразие вариантов осуществления прав граждан на приобретение качественных товаров, результатов работ и услуг.

Литература:

1. Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 31.07.2020) // <http://www.consultant.ru>.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) от 30 ноября 1994 года (с изм. от 12.05.2020) N 51-ФЗ // <http://www.consultant.ru>.
3. Голенищева З. Ю. Защита прав потребителей по законодательству Российской Федерации // Актуальные проблемы корпоративного права. Вестник магистратуры Саратов, 2016. С. 29–34.
4. Ситдикова Л. Б. Гражданско-правовой статус потребителя в сфере оказания информационных услуг // Юридический мир. 2019. № 9. — С. 58–62.
5. Усачева Е. А. Правовые проблемы квалификации лица в качестве потребителя // Мировой судья. 2016. № 2. — С. 27–31.
6. Чурочкина О. с. Эволюция развития института защиты прав потребителей в России (исторический и нормативно-правовой аспекты) // Гражданское общество в России и за рубежом. 2019. № 4. — С. 22–26.
7. Юзефович Ж. Ю. Функции юридической ответственности и формы их реализации по российскому законодательству: диссертация [Текст] / Ж. Ю. Юзефович. — М., 2004. — 172 с.

Юридически заинтересованные в исходе дела лица в цивилистическом судопроизводстве

Бодакова Ольга Витальевна, кандидат юридических наук, доцент
Академия управления при Президенте Республики Беларусь (г. Минск, Беларусь)

Унификация гражданского и хозяйственного процесса имеет особую актуальность в связи с созданием с 1 января 2014 года единой системы судов общей юрисдикции, возглавляемой Верховным Судом Республики Беларусь. Однако несмотря на объединение общих и хозяйственных судов, судопроизводства продолжают регулироваться существенно различающимися нормами Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — ГПК [1]) и Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — ХПК [2]).

В связи с этим представляется актуальным и практически значимым системно проанализировать нормы ГПК и ХПК с позиции сравнения, выявления общих и специфических особенностей судопроизводств в общих и экономических судах с целью разработки рекомендаций для эффективной унификации гражданского и хозяйственного процессуального законодательства.

Если говорить об участниках судебного процесса в целом, то согласно ст. 54 ГПК всех участников гражданского судопроизводства условно можно разделить на две большие группы: юридически заинтересованные в исходе дела лица; лица, не имеющие юридической заинтересованности в исходе дела.

Группа заинтересованных в деле лиц разделена на две подгруппы. В первую входят те, кто лично заинтересован в исходе дела: истец, ответчик, третьи лица. Вторую подгруппу составляют те, кто участвует в процессе для защиты интересов других лиц и исполнения своего служебного долга. У них нет личного интереса в исходе дела. Они вступают в процесс или возбуждают его с целью помочь сторонам и третьим лицам отстоять их законные интересы, а суду — осуществить правосудие. Это, в частности, прокурор, государственные органы, юридические лица и граждане, от собственного имени защищающие права

других лиц; государственные органы, вступившие в процесс с целью дачи заключения по делу; представители юридически заинтересованных в исходе дела лиц (опекуны, попечители, адвокаты, юрисконсульты). Вторая группа субъектов гражданского процессуального правоотношения включает лиц, которые содействуют осуществлению правосудия: свидетели, эксперты, переводчики, специалисты, понятые, хранители арестованного или спорного имущества и представители общественности. Эти субъекты выполняют в процессе вспомогательную роль.

В хозяйственном процессе всех участников судопроизводства в экономическом суде можно разделить на три категории: лица, участвующие в деле (заинтересованные); иные участники хозяйственного процесса (незаинтересованные); представитель. Состав лиц, участвующих в деле, закреплен в ст. 54 ХПК.

Лицами, участвующими в деле, являются: стороны; третьи лица; прокурор, государственные органы и иные органы, предъявившие иск (заявление, жалобу) в экономический суд в случаях, предусмотренных ХПК и иными законодательными актами, в целях защиты государственных и общественных интересов, а также в целях защиты интересов юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и других лиц с их согласия (ч. 1 ст. 67 ХПК).

Также в хозяйственном процессе участвуют лица, содействующие осуществлению правосудия, то есть не имеющие юридической заинтересованности в исходе дела, поименованные в ст. 68 ХПК как иные участники хозяйственного процесса. Такими участниками являются: эксперты, специалисты, свидетели, переводчики, понятые, государственные органы и (или) иной орган (ч. 1 ст. 73 ХПК) — привлеченные экономическим судом к участию в хозяйственном процессе для дачи заключения по вопросам, относящимся к сфере деятельности

этого государственного или иного органа. Данные лица осуществляют вспомогательные для судебного процесса функции.

Наименования участников в гражданском судопроизводстве (юридически заинтересованные в исходе дела лица и юридически незаинтересованные в исходе дела лица) представляются более удачными, поскольку четко и конкретно определяют правовые роли субъектов в зависимости от цели участия в процессе. В свою очередь, словосочетание «лица, участвующие в деле», используемое в ХПК для обозначения заинтересованных участников, имеет достаточно широкое смысловое значение и по своей сути должно охватывать и поглощать всех лиц, которые вызваны судом для осуществления правосудия, в том числе и не заинтересованных в исходе дела. В судопроизводстве все без исключения лица участвуют в процессе независимо от наличия или отсутствия интереса.

Также в гражданском процессе государственные органы являются юридически заинтересованными в исходе дела лицами. В свою очередь, в ХПК законодатель наделяет государственные органы разным процессуальным положением в зависимости от цели участия в процессе. Если государственные органы обращаются в экономический суд с целью защиты государственных и общественных интересов, а также в целях защиты интересов других лиц, они являются лицами, участвующими в деле, или, другими словами, заинтересованными участниками. Если они привлечены экономическим судом в процесс для дачи заключения по вопросам, относящимся к сфере деятельности этого органа, они относятся к иным участникам процесса, или незаинтересованным.

Что касается такого участника, как представитель, то в ГПК представитель четко отнесен к юридически заинтересованным лицам, имеющим государственный, общественный или иной интерес в исходе дела. В свою очередь, в ХПК в главе 6 данный субъект вообще не перечислен ни среди лиц, участвующих в деле, ни среди иных участников процесса. Представителю посвящена отдельная Глава 7 ХПК «Представительство в суде, рассматривающем экономические дела». В связи с этим можно сделать вывод в хозяйственном судопроизводстве представитель занимает самостоятельное автономное процессуально-правовое положение.

Полагаем, что представитель не является лицом, юридически заинтересованным в исходе дела, и его нельзя отнести к лицам, содействующим осуществлению правосудия. Представитель в судопроизводстве занимает особое место в силу ряда объективных и субъективных факторов. Он, наряду с реализацией полномочий, предоставленных доверителем или законом, выступает носителем самостоятельных прав и обязанностей, а также имеет собственный специфический, служебный или общественный интерес в исходе дела. При обосновании наличия общественного интереса в процессе следует исходить из того, что обществу присущи коллективные ценности, посягательство на которые недопустимо с социальной точки зрения. Именно поэтому каждый представитель имеет общественный интерес в процессе. В частности, адвокат никогда не отождествляет себя с представляемым. Вынесение судом благоприятного решения является для адвоката лишь желательным результатом его профессиональной деятельности в процессе.

Таким образом, анализ различных подходов к определению правового положения представителя в гражданском и хозяйственном процессах позволил сделать вывод о том, что данный субъект занимает самостоятельное процессуальное положение в судопроизводстве и не может быть отнесен ни к лицам, юридически заинтересованным в исходе дела, ни к лицам, содействующим осуществлению правосудия.

Согласно ч. 1 ст. 72 и п. 1 ст. 73 ГПК представителем в суде может быть совершеннолетнее дееспособное лицо, имеющее надлежащим образом оформленное полномочие на ведение дел в суде.

В ч. 2 ст. 72 ГПК установлен закрытый перечень лиц, которые могут выступать представителями в суде могут быть: адвокаты; работники юридических лиц — по делам этих лиц; уполномоченные общественных объединений (организаций), которым законом предоставлено право представлять и защищать в суде права и законные интересы членов этих общественных объединений (организаций) и других лиц; уполномоченные организаций, которым законодательством предоставлено право представлять и защищать в суде права и законные интересы других лиц; законные представители; близкие родственники, супруг (супруга); представители, назначенные судом; один из процессуальных соучастников — по поручению этих соучастников; патентный поверенный.

В то же время согласно ч. 1 ст. 77 ХПК представитель — дееспособное физическое лицо, имеющее надлежащим образом оформленные полномочия на ведение дела в суде. Таким образом, в отличие от гражданского процесса в хозяйственном судопроизводстве отсутствует привязка к достижению представителем 18-тилетнего возраста. Также перечень лиц, которые могут быть представителями в экономическом суде, не является закрытым.

Принципиальное отличие в оформлении полномочий представителя в гражданском и хозяйственном процессе заключается в том, что в ХПК предусмотрена исключительно письменная форма удостоверения полномочий представителя. В то же время в ГПК (ч. 4 ст. 76) допускается устное наделение представителя рядом прав непосредственно во время судебного заседания. Бесспорно, последнее положение в большей мере соответствует принципу процессуальной экономии и позволяет сторонам полноценно реализовать право на помощь представителя без дополнительных материальных затрат.

Весьма отличается процессуально-правовое положение прокурора в гражданском и хозяйственном судопроизводстве.

По гражданским делам в суде первой инстанции можно выделить две формы участия прокурора в производстве: путем подачи заявления в суд в защиту прав и охраняемых законом интересов граждан, юридических лиц или государства; путем вступления в процесс, начавшийся по инициативе других лиц.

В хозяйственном процессе вторая форма участия прокурора при рассмотрении экономическими судами хозяйственных споров отсутствует. В хозяйственном судопроизводстве в целом несколько иные формы участия прокурора при рассмотрении экономическими судами хозяйственных споров по первой инстанции.

Прокурор при установлении нарушений законодательства в пределах своей компетенции: предъявляет в экономический суд иск (заявление) в целях защиты государственных и общественных интересов; предъявляет иск (заявление) в целях защиты интересов юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и других лиц с их согласия (ст. 66 ХПК).

В соответствии со ст. 66 ХПК необходимость получения согласия на подачу прокурором иска зависит: от субъекта, защищаемого прокурором, и категории дела. Наличие государственного и общественного интереса исключает обязанность прокурора истребовать согласие (ч. 1 ст. 66 ХПК), в то время как защита частного интереса субъекта хозяйствования допускается только при получении положительного волеизъявления последнего (ч. 2 ст. 66 ХПК).

В ч. 1 ст. 66 ХПК закреплены только две категории дел, которые отождествляются законодателем с государственными

или общественными интересами: об оспаривании ненормативных правовых актов государственных органов, органов местного управления и самоуправления, иных органов или должностных лиц, которыми затрагиваются права и законные интересы юридических лиц и граждан в сфере предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности; о признании недействительными сделок.

Таким образом, правовое положение прокурора в гражданском и хозяйственном процессах принципиально отличается тем, что в ГПК участие прокурора не обременено необходимостью получения на то согласия защищаемой стороны. Закрепление универсальных правил осуществления правосудия по гражданским и экономическим делам позволит обеспечить в будущем единообразие судебной практики и будет содействовать наиболее полной реализации конституционного права на судебную защиту.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 11 января 1999 г., № 238-З: принят Палатой представителей 10 декабря 1998 г.: одобр. Советом Республики 18 декабря 1998 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2020 г. № 233-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.
2. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 15 декабря 1998 г., № 219-З: принят Палатой представителей 11 ноября 1998 г.: одобр. Советом Республики 26 ноября 1998 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2020 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

Перспективы развития законодательства в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств

Бочарова Ирина Валерьевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Струков Александр Владимирович, кандидат юридических наук, доцент
Пермский государственный национальный исследовательский университет

Одной из основных международных проблем XXI века является незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров (НОН) и связанное с этим незаконное потребление этих наркотиков и веществ. Сложившиеся ситуация заставляет искать и применять адекватные и эффективные меры по борьбе с незаконным оборотом НОН.

Ключевые слова: наркотические средства, наркопреступность, незаконный оборот наркотиков (НОН), антинаркотическая политика, российское законодательство о наркотиках.

Prospects for the development of legislation in the field of combating illicit drug trafficking

One of the main international problems of the twenty-first century is the illicit traffic in narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors and the associated illicit consumption of these drugs and substances. In the last decade, the situation with illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors in Russia has worsened. This makes it necessary to seek and apply adequate and effective measures to combat their illicit trafficking.

Keywords: narcotic drugs, drug crime, drug trafficking, anti-drug policy, Russian drug legislation.

Проблема незаконного оборота, распространения и употребления наркотических веществ существует давно в Российской Федерации. Несмотря на нарастающую борьбу с этим

явлением, ситуация остается нерешенной, поскольку по-прежнему появляются новые наркотические средства и способы их распространения. Вопрос о степени опасности распростра-

нения, хранения, транспортировки, изготовления, переработки наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов поднимается очень давно.

Исследователи антинаркотической политики выделяют три этапа в эволюции российского законодательства о наркотиках [3]:

1. Этап контроля (1915–1990). Этот этап начинается с указа Николая II о борьбе с опиокурением, принятого в 1915 году. Дальнейшие законодательные акты были приняты советскими властями. Первый из них — Указы 1918 и 1924 годов — содержал положения о национализации аптек, торгующих наркотическими средствами, и об ответственности за распространение наркотических средств. В период с 1952 по 1962 год статьи об ответственности за употребление и распространение наркотиков были внесены в уголовные кодексы союзных республик.

Фактической основой советской наркополитики стал Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с наркоманией», вступивший в силу в 1974 году. Документ имел силу закона для регионов, был обязательным.

Таким образом, к началу девяностых годов в России сформировалась комплексная система наркоконтроля, в которой, помимо уголовной ответственности, добровольных и принудительных мер медицинского характера, предусматривалась еще и административная ответственность.

2. Этап либерализма и попыток декриминализации законодательства о наркотиках (1990–1998). Начало либерального поворота в наркополитике ознаменовалось Заключением № 8 (2–10) Комитета конституционного надзора СССР «О законодательстве о принудительном лечении и трудовом перевоспитании лиц, страдающих алкоголизмом и наркоманией», согласно которому «употребление наркотиков само по себе не должно рассматриваться как административное правонарушение или преступление». В декабре была отменена административная ответственность, санкция которой предусматривала штраф или административный арест на срок до 15 суток за употребление наркотиков без назначения врача. Одновременно была отменена уголовная ответственность за повторное потребление наркотиков в течение года после административного наказания.

В 1993 году медицинские и трудовые диспансеры были упразднены, и альтернативы им не было создано.

3. Этап начала возвращения к контролю над незаконным употреблением наркотиков (1998 г. — настоящее время). Начало этого этапа ознаменовалось принятием Федерального закона от 08.01.1998 N 3-ФЗ «О наркотических средствах и пси-

хотропных веществах», который вновь вернул запрет на употребление наркотических средств и психотропных веществ без назначения врача. Как справедливо отметили Н. А. Фролова и Г. А. Зазулин, «после этого изменения в законодательстве общество постепенно начало возвращаться к утраченному понятию необходимости практического контроля над самым незначительным, с точки зрения борьбы с незаконным оборотом наркотиков, и самый главный, с точки зрения эффективной профилактики наркомании, этап незаконного оборота наркотиков — их употребление без назначения врача» [3].

Принятый Федеральный закон от 08.01.1998 N 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» [2] официально признал на государственном уровне, что наркомания и связанные с ней преступления стали угрожающими для общества и граждан.

Анализ законодательства, принятого в этот период, позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, российский законодатель стал больше ориентироваться на международные договоры Российской Федерации. Это проявляется в широкомасштабной имплементации международного права: заимствования терминологии; прямое отражение в национальном законодательстве адаптированной версии международных норм; разработка иных юридических («охранных») материалов на основе рекомендаций международного сообщества и т. д.

Во-вторых, законодатель уделил пристальное внимание национальным особенностям незаконного оборота наркотиков, что позволило более четко выразить взгляды на средства уголовно-правового воздействия, которые включают как репрессивные, так и позитивные.

Это касалось, в частности: предмета преступления; количества наркотических средств или психотропных веществ; места и способа продажи наркотических средств или психотропных веществ; специализации на контрабанде наркотиков, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов.

Современная уголовная политика в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков ориентирована на создание конкретного прикладного, а значит, эффективного механизма сдерживания дальнейшего роста незаконного оборота наркотиков и связанной с ним преступности.

На сегодняшний день незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ (НОН) представляет угрозу для фундаментального устоя общества и государства, наносит вред здоровью и жизни граждан, ухудшает криминогенную ситуацию, что обуславливает необходимость активной борьбы с ним.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 27.10.2020) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
2. Федеральный закон «О наркотических средствах и психотропных веществах» от 08.01.1998 N 3-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17437/
3. Фролова Н. А., Зазулин Г. В. Актуальные вопросы антинаркотической политики: отечественный и зарубежный опыт / Н. А. Фролова, Г. В. Зазулин. — М.: Орбита, 2003. — 271с.

Основания прекращения полномочий нотариуса в России

Буганов Дмитрий Сергеевич, студент магистратуры
Тамбовский государственный технический университет

В статье подробно исследуются основания и порядок прекращения полномочий российских нотариусов. Анализируются особенности освобождения от полномочий государственных и частнопрактикующих нотариусов.

Ключевые слова: нотариус, нотариальные действия, нотариальные палаты, увольнение нотариуса, прекращение полномочий нотариуса.

Нотариат в России представляет собой общественно-государственный институт, в котором развито самоуправление в форме нотариальных палат. Уникальность института нотариата обусловлена его двойственной природой, включающей в себя частно-правовой и публично-правовой аспекты. С одной стороны, небюджетный (частнопрактикующий) нотариус является абсолютно самостоятельным, не зависящим от государства субъектом права, который самостоятельно организует и содержит нотариальную контору, отвечает всем своим имуществом за причиненный ущерб. С другой стороны, частнопрактикующий нотариус совершает нотариальные действия от имени Российской Федерации и контроль за его деятельностью осуществляют не только профессиональное сообщество в лице нотариальных палат, но и государственные органы исполнительной власти, в том числе и органы юстиции.

Наделение нотариуса полномочиями производится на основании рекомендации нотариальной палаты федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим правоприменительные функции и функции по контролю и надзору в сфере нотариата (или по его поручению его территориальными органами) на конкурсной основе из числа лиц, сдавших квалификационный экзамен и получивших лицензию на право нотариальной деятельности. Порядок учреждения и ликвидации должности нотариуса установлен Приказом Минюста РФ от 23 декабря 2009 года № 430 [5]. Решение о ликвидации должности нотариуса принимается территориальным органом Минюста РФ по согласованию с нотариальной палатой в субъекте Российской Федерации. Орган юстиции совместно с нотариальной палатой принимает решение о передаче документов, хранящихся у нотариуса, чьи полномочия прекращаются, другому нотариусу.

Основания прекращения полномочий нотариуса исчерпывающим образом перечислены в ст. 12 Основ законодательства о нотариате [4]. Прекращение полномочий нотариуса, работающего в государственной нотариальной конторе, осуществляется путем его увольнения с занимаемой должности по основаниям и в порядке, предусмотренными Трудовым кодексом РФ. Поэтому увольнение государственного нотариуса возможно по его собственному желанию либо по инициативе его работодателя (то есть территориального органа Минюста РФ). На нотариуса, занимающегося частной практикой, Трудовой кодекс РФ не распространяется. Поэтому прекращение полномочий частнопрактикующего нотариуса осуществляется по его собственному желанию (путем подачи заявления в территориальный

орган Минюста РФ), либо в судебном порядке. Решение суда о лишении нотариуса права нотариальной деятельности может быть принято в следующих случаях:

- 1) осуждения его за совершение умышленного преступления — после вступления приговора в законную силу;
- 2) ограничения дееспособности или признания недееспособным по основаниям, предусмотренным статьями 29, 30 ГК РФ [1], в порядке, установленном главой 31 ГПК РФ [2];
- 3) по ходатайству нотариальной палаты за неоднократное совершение дисциплинарных проступков, нарушение законодательства, а также в случае невозможности исполнять профессиональные обязанности по состоянию здоровья (при наличии медицинского заключения);
- 4) признания его банкротом в соответствии с законодательством Российской Федерации о несостоятельности (банкротстве);
- 5) сложение полномочий нотариуса по достижении им семидесятипятилетнего возраста.

Порядок и сроки сложения полномочий нотариуса, достигшего семидесятипятилетнего возраста, утверждены Приказом Минюста РФ от 29 июня 2015 года № 157, который предусматривает проведение конкурса на освободившуюся в этом случае должность. При достижении указанного возраста полномочия нотариуса прекращаются на следующий день. Соответственно, право нотариуса на совершение нотариальных действий прекращается [6].

Для минимизации нарушений в области законодательства о нотариате проводятся проверки профессиональной деятельности нотариусов. Контроль за исполнением профессиональных обязанностей нотариусами, работающими в государственных нотариальных конторах, осуществляют федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю в сфере нотариата, и его территориальные органы, а контроль за нотариусами, занимающимися частной практикой, — нотариальные палаты. Контроль за соблюдением налогового законодательства осуществляют налоговые органы в порядке и в сроки, предусмотренные законодательством Российской Федерации.

Ходатайство нотариальной палаты о лишении нотариуса права нотариальной деятельности может подано как в связи с уважительными причинами, например, невозможность осуществления нотариальной деятельности по состоянию здоровья или достижение нотариусом семидесятипятилетнего возраста, так и в связи с неуважительными причинами, например, за неоднократное совершение дисциплинарных проступков

или за грубое нарушение норм законодательства РФ. Перечень дисциплинарных проступков определен в главе 9 Кодекса профессиональной этики нотариусов в РФ [3]. На практике нотариальные палаты инициируют лишение нотариуса права нотариальной деятельности чаще всего в связи с нарушениями, выявленными при проверках профессиональной деятельности, или в связи с совершением отдельного грубого нарушения законодательства РФ.

Особенность освобождения от полномочий нотариуса на основании осуждения за совершение умышленного преступления состоит в том, что состав совершенного преступления не имеет большого значения, определяющее значение имеет наличие умысла. Поэтому практически любой приговор суда, вынесенный за совершение умышленного преступления, будет являться основанием для освобождения от полномочий нотариуса. Соответственно, осуждение нотариуса за преступление, совершенное по неосторожности, не является основанием для лишения его права нотариальной деятельности.

Существенное значение при разрешении таких дел имеет аргументированность представленных доказательств преступления, а также соблюдение формальной процедуры возбуждения дела, поскольку суды могут по-разному оценивать итоги проведенных профессиональных проверок нотариусов и доводы компетентных органов как истцов.

Анализ практики лишения частнопрактикующих нотариусов полномочий позволяет сделать вывод, что наиболее распространенным основанием прекращения полномочий нотариуса является обращение нотариальной палаты в суд с иском о лишении нотариуса права заниматься нотариальной деятельностью как за неоднократное совершение дисциплинарных проступков, так и по результатам проверки профессиональной деятельности нотариуса. Увольнение государственного нотариуса производится в соответствии с законодательством Российской Федерации о труде. Увольнение иных должностных лиц, уполномоченных осуществлять нотариальные действия, производится в соответствии с их правовым статусом.

Как видно из проведенного исследования, прекращение полномочий нотариуса возможно по ряду оснований, предусмотренных законодательством РФ, с наступлением которых нотариус не может продолжать осуществлять свои полномочия. Поэтому задача уполномоченных контролирующих органов состоит в том, чтобы вовремя установить наличие нарушений законодательства РФ нотариусами и предотвратить нарушение прав и законных интересов граждан путем подачи иска о лишении нотариуса права осуществлять нотариальные действия. Соответственно, для более быстрого и своевременного разрешения данных вопросов, на мой взгляд, необходимо урегулировать вопрос круга субъектов, компетентных в области подачи искового заявления о лишении нотариуса полномочий.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ.— 1994.— № 32.— Ст. 3301.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ.— 2002.— № 46.— Ст. 4532.
3. Кодекс профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации (утв. Минюстом России 12.08.2019, 19.01.2016) (ред. от 23.04.2019). [Электронный ресурс]: URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=FD18C81A-27F5EA300BD3D5A9692E70A4&SORTTYPE=0&BASENODE=1&ts=87684626602259461692741518&base=LAW&n=333978&rnd=7F3891C6735001B15E5811B55F29F465#1ga3zm6oks3> (дата обращения: 09.11.2020).
4. Основы законодательства РФ о нотариате от 11.02.1993 № 4462-1 (ред. от 27.12.2019) // Ведомости Съезда НД РФ и ВС РФ.— 1993.— № 10.— Ст. 357.
5. Об утверждении Порядка учреждения и ликвидации должности нотариуса (вместе с Порядком, утв. Приказом Минюста России от 23.12.2009 № 430, Решением Правления ФНП от 28.08.2009) (Зарегистрировано в Минюсте России 02.02.2010 № 16190): Приказ Минюста России от 23.12.2009 № 430 (ред. от 26.12.2019) // Российская газета.— 2010.— № 33.— 17 февр.
6. Об утверждении Порядка и сроков сложения полномочий нотариуса, достигшего семидесятипятилетнего возраста, а также проведения конкурса для назначения на освободившуюся в этом случае должность (вместе с «Порядком и сроками сложения полномочий нотариуса, достигшего семидесятипятилетнего возраста, а также проведения конкурса на освободившуюся в этом случае должность», утв. решением правления ФНП 18.05.2015, приказом Минюста России от 29.06.2015 № 157) (Зарегистрировано в Минюсте России 30.06.2015 № 37818): Приказ Минюста России от 29.06.2015 № 157. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=B932AB31D70D58C7C-CAE0200E8018A5F&SORTTYPE=0&BASENODE=1&ts=139494278806764587166431784&base=LAW&n=181884&rnd=D-5D929CC7012DAC9207980A9EDBC6AD6#6jsb9kmu2r4> (дата обращения: 16.11.2020).
7. <https://scienceforum.ru/2019/article/2018015920???history=7&pfid=1&sample=31&ref=0>

Этапы формирования правового статуса нотариусов в России

Буганов Дмитрий Сергеевич, студент магистратуры
Тамбовский государственный технический университет

В статье исследуется возникновение и развитие в России общественно-государственного института нотариата, прослеживаются основные этапы эволюции правового статуса российских нотариусов.

Ключевые слова: нотариат, нотариусы, правовой статус нотариусов, нотариальная деятельность, нотариальные учреждения, гражданский оборот.

Нотариат возник в силу объективного исторического процесса в связи с развитием гражданского оборота, необходимостью содействия участникам гражданского оборота и обеспечения беспорядности их имущественных и других прав. Российский нотариат проходил основные стадии формирования в тесном взаимодействии с экономическим развитием страны, соответствующими государственными учреждениями. Развитие гражданского оборота привело к появлению специальных лиц, занимающихся оформлением сделок и иных гражданско-правовых отношений. Соответственно, возникла и необходимость государственного регулирования нотариальной деятельности, с определением полномочий лиц, совершающих нотариальные действия, а также установлением правил совершения нотариальных действий. Данная статья посвящена исследованию эволюции правового статуса нотариусов в России.

В дореволюционной отечественной науке вопросы становления и развития института российского нотариата исследовались такими учеными, как А. Г. Гасман, Н. П. Ляпидевский, А. Ф. Мациевич, А. М. Фемелиди, Н. Д. Чичулин и др. В современной отечественной литературе проблемы становления российского нотариата и эволюции правового статуса нотариусов исследовались в работах Н. И. Авдеенко, С. С. Алексеева, М. А. Кабаковой, Б. М. Лазарева, А. А. Соловьева, К. Ф. Шеремета и многих других ученых.

Становление и развитие нотариата в России можно разделить на несколько этапов. Первый этап эволюции российского нотариата ограничен хронологическими рамками 1467–1649 годов. Этот этап характеризуется возникновением первых квазинотариальных учреждений во время правления Ивана III, то есть в конце XV века. В качестве обоснования такой точки зрения исследователи приводят нормы Псковской судной грамоты 1467 года, упоминающие об использовании в гражданском обороте письменных документов [3, С. 8–9]. По мнению А. Г. Гасмана, письменное оформление юридических сделок окончательно установилось лишь со времени Судебника Ивана III 1497 года [2, С. 32]. Этим Судебником вводилось сословие подьячих, которые только писали грамоты, но не имели права их удостоверения.

Второй этап ограничен хронологическими рамками 1649–1866 годов. Начальная дата этого периода связана с принятием царем Алексеем Михайловичем Соборного уложения 1649 года, которое внесло принципиальные изменения в общий ход развития истории российского нотариата. Согласно нормам Соборного уложения заключение сделок подвергалось особому регламентированию: теперь сделки могли быть совер-

шены только при участии площадных подьячих с составлением ими соответствующего письменного акта («крепости»). Письменный акт о совершенной сделке скреплялся подписью составившего акт площадного подьячего, а также подписями присутствовавших при составлении письменного акта свидетелей. Эти письменные акты регистрировались в специальных книгах в Поместном приказе, после чего предъявлялись в Печатный приказ для «прикладывания» к ним государственной печати. «На дому» возможно было составление лишь нескольких видов договоров: духовные завещания, о займе денег и хлеба, а также «стоворные свадебные записи». Площадные подьячие объединялись в артели с взаимной ответственностью по принципу круговой поруки. За свои услуги площадные подьячие брали плату с клиентов, так как жалованье от государства они не получали. Таким образом, Соборное уложение не предусматривало создание специального нотариального органа. Вместе с тем, оно закрепляло разделение функций органов, совершающих сделку, и органов, ее регистрирующих [1]. А. М. Фемелиди считал, что из сословия площадных подьячих и развился со временем отечественный нотариат как правовой институт [8, С. 61].

В период правления Петра I им был предпринят ряд мер по установлению строгих форм актов, закрепляющих различные сделки. Так, Указом от 9 декабря 1699 года предписывалось, что процедура составления документов, сопровождающих заключение сделки, не может быть начата без предварительного уведомления приказных судей. Особым условием становилось наличие свидетелей при оформлении договоренности. В последующих указах Петра I (1701, 1705 годы) со стороны государственной власти наблюдалась попытка дальнейшего регламентирования порядка записи крепостей или крепостных актов, то есть любых сделок, внесенных в книгу крепостных дел (аналог современного нотариального удостоверения), либо порядка регистрации прав собственности в Российской империи. В начале XVIII века все акты о сделках с недвижимостью в России делились на несколько видов, отличающихся особыми правилами записи и внесения в приказы.

С 1720 года, в российском праве появился термин «нотариус». В Регламенте 1720 года нотариус предстает не в современном понимании, а скорее, как чиновник канцелярского профиля. Термин имел латинское происхождение, что объяснялось использованием в качестве образца для реформируемой российской административной системы западноевропейской традиции [5, С. 149]. В период правления Екатерины II Юстиц-коллегия была ликвидирована, «нотариальное делопроизводство» перешло в ведение уездных судов и палат граждан-

ских судов. При них учреждались «крепостные отделения», состоящие из «крепостных писцов и надсмотрщиков». В конце XVIII века документальное сопровождение торговых сделок и посредничества передается в руки частных маклеров и нотариусов, которые спустя пятьдесят лет (в 1831 году) были заменены Александром I особыми биржевыми нотариусами и маклерами.

Характеризуя второй этап в истории становления и развития российского нотариата, следует отметить, что в период с 1649 по 1866 годы происходило постепенное формирование ранних нотариальных учреждений, создававшихся с целью регулирования различных правоотношений и осуществлявших свою деятельность под фактическим контролем государства. Одновременно с совершенствованием организации российского нотариата происходили расширение и систематизация полномочий российских нотариусов.

Третий этап эволюции российского нотариата ограничен хронологическими рамками 1866–1917 годов. 14 апреля 1866 года императором Александром II было утверждено Положение о нотариальной части [7, С. 193], которое действовало практически до Октябрьской революции 1917 года. Этот документ положил начало третьему этапу в истории становления и развития нотариата в России, характеризующемуся наличием унифицированного акта. Он учреждал стройную систему нотариальных органов и определял их компетенцию. С принятием Положения о нотариальной части были упразднены все «крепостные отделения», должности «крепостных писцов и надсмотрщиков», должности публичных нотариусов. Обязанности по составлению и удостоверению нотариальных актов возлагались на младших и старших нотариусов. Нормами Положения закреплялся двойственный статус нотариусов. Утвержденные в должности нотариусы (в столицах, губернских и уездных городах, а в случае необходимости — и в уездах) считались государственными служащими с присваиваемым им восьмым чином по должности, однако зарплату от государства они не получали. Плату за совершение нотариальных действий они получали с клиентов. То есть, нотариус являлся одновременно и чиновником, и свободным профессионалом.

Положением о нотариальной части значительно усложнялись требования к профессиональным и нравственным качествам претендентов на должность нотариуса. Претенденты должны были пройти испытание в окружном суде на знание гражданского законодательства и правил нотариального производства. Кроме того, претенденты должны были состоять в российском подданстве, достигнуть возраста 21 года, быть непорочными судебным или общественным приговором, быть незанятыми на другой государственной или общественной службе. Особо следует отметить обязанность нотариуса при вступлении в должность внести в окружной суд залог для обеспечения возмещения убытков, причиненных нотариусом при неправильном совершении нотариальных действий. По окончании карьеры неиспользованный залог возвращался нотариусу.

В дореволюционной России институт нотариата включал в себя особую группу биржевых нотариусов, деятельность которых регулировалась Торговым уставом [7, С. 650–661]. Положение о нотариальной части 1866 года в эволюции российского

нотариата играет особую роль как документ, закрепляющий основы функционирования единого универсального института нотариата. Однако это не решило всех проблем, связанных с организацией публичной деятельности независимых нотариусов.

В 1917 году завершился третий этап в истории становления российского нотариата. Четвертый этап ограничен хронологическими рамками 1917–1993 годов. 29 октября 1917 года был принят ленинский «Декрет о земле», который ознаменовал начало ликвидации частного гражданского права. 23 марта 1918 года вышел специальный документ, посвященный вопросу упразднения нотариата. Постановлением Совета Народных Комиссаров Москвы и Московской губернии институт нотариата был официально ликвидирован в связи с потерей актуальности выполнения ранее предписанных функций. В советском государстве нотариат практически создавался заново как государственный орган и в разные периоды своего существования подчинялся либо судебным органам, либо органам юстиции.

Постановлением ЦИК СССР от 14 мая 1926 года «Об общих принципах организации государственного нотариата» государственный нотариат вводился в подчинение судебных органов союзных республик [6]. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 10 июня 1936 года из ведения райгорсоветов изымались все нотариальные действия и передавались нотариальным конторам и нотариальным столам при народных судах, причем аналогичные положения были приняты и в других союзных республиках. Нотариат в советский период истории России представлял собой часть государственного аппарата, которому отводилась техническая функция свидетельствования документов, связанных с гражданским оборотом и гражданско-правовыми отношениями. Процесс «вымирания» нотариата в этот период представлял собой закономерный процесс, в основе которого было отсутствие частной собственности граждан СССР и, как следствие, снижение гражданского оборота.

Пятый этап эволюции российского нотариата начался в 1993 году, в связи с радикальными изменениями, произошедшими в политической и экономической сферах постсоветского общества. Развитие рыночных отношений в России в начале 90-х годов XX века предопределило реформирование института нотариата. Экономические реформы, процессы приватизации и изменения отношений собственности потребовали адекватных правовых способов защиты участников гражданского оборота, в том числе и путем развития института нотариата. Законодательной базой реформы стали принятые 11 февраля 1993 года Основы законодательства Российской Федерации о нотариате [4]. Документ установил современную систему организации нотариата, регламентировал деятельность Федеральной нотариальной палаты, а также региональных нотариальных палат в субъектах Российской Федерации. Главное изменение заключалось в появлении негосударственного нотариата. После введение в действие Основ большинство бывших государственных нотариусов перешло на частную практику. Сейчас в Российской Федерации осталось лишь незначительное число государственных нотариусов.

В заключение необходимо отметить, что нотариат в России прошел за несколько веков большой путь становления и раз-

вития как институт защиты имущественных и личных неимущественных прав населения страны. Правовой статус российских нотариусов постепенно развивался и совершенствовался. Современный российский нотариат представляет собой отдельный правовой институт, призванный защищать права и законные интересы личности, общества и государства. В конце

XX века произошла интеграция российского нотариата в мировое нотариальное сообщество. Федеральная нотариальная палата Российской Федерации была принята в качестве полноправного члена в Международный союз латинского нотариата, включающий нотариальные палаты семидесяти трех стран мира со всех пяти континентов.

Литература:

1. Абрамович Г. В. и др. Соборное уложение 1649 года. — Л.: Наука, 1987.— 448 с.
2. Гасман А. Г. Объяснительная записка к проекту новой редакции Положения о нотариальной части. — СПб.: Сенатская типография, 1904.— 336 с.
3. Комаров Н. И. Нотариат в Российской Федерации: курс лекций. — М.: Лекс-Книга, 2005.— 207 с.
4. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 № 4462-1 (ред. от 27.12.2019) // Ведомости Съезда НД РФ и ВС РФ.— 1993.— № 10. — Ст. 357.
5. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. — СПб., 1830. Т. VIII.— 1830 с.
6. Об общих принципах организации государственного нотариата: Постановление ЦИК СССР от 14.05.1926 // Собрание законодательства СССР.— 1926.— № 35. — Ст. 252.
7. Свод законов Российской империи. Т. 16. Ч. 1. — СПб., 1892.
8. Фемелиди А. М. Русский нотариат. История нотариата и действующее нотариальное положение 14 апреля 1866 года. — СПб.: Я. А. Канторович, 1902.— 264 с.

Применение названия «административно-правовой порядок ликвидации юридических лиц» для исключения недействующих юридических лиц из ЕГРЮЛ

Булгакова Светлана Юрьевна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Обозначена актуальность порядка исключения недействующих юридических лиц. Рассмотрен вопрос о применении названия «административно-правовой порядок ликвидации юридических лиц» для исключения недействующих юридических лиц из ЕГРЮЛ. Предложено внести на законодательном уровне употребление такого названия.

Ключевые слова: *единый государственный реестр юридических лиц, недействующее юридическое лицо, ликвидация.*

Application of the name «administrative and legal procedure for liquidation of a legal entity» to exclude an invalid legal entity from the unified state register of legal entities

Bulgakova Svetlana Yurevna, student master's degree programs
St. Petersburg State University of Economics

The relevance of the procedure for excluding an invalid legal entity is indicated. The issue of applying the name «administrative and legal procedure for liquidation of a legal entity» to exclude an invalid legal entity from the unified state register of legal entities is considered. It is proposed to introduce the use of this name at the legislative level.

Keywords: *unified state register of legal entities, invalid legal entity, liquidation.*

В наши дни, создавая организацию для работы, учредитель редко задумывается о том, что же его ждет при ее закрытии. Многие даже не представляют о том, что существует определенная процедура ликвидации предприятия, что у собственников фирмы есть обязательства. А создавая непосредственно

юридическое лицо, учредитель, а в некоторых случаях, и руководитель фирмы, берут на себя ответственность за ее будущее.

Проблема с брошенными организациями существует уже с давних времен. Если начать говорить о способах «очистения» Единого государственного реестра юридических лиц (далее —

ЕГРЮЛ), то самым верным оказывается прекращение деятельности юридических лиц в административном порядке.

Право на инициирование такой процедуры имеется у налогового органа, который является регистрирующим по отношению к юридическим лицам. Норма, которой предусмотрена вышеуказанная процедура, установлена Федеральным законом от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (далее — Закон № 129-ФЗ).

Статья 21.1 Закона № 129-ФЗ вводит определение недействующего юридического лица, которое может быть исключено из ЕГРЮЛ в порядке, предусмотренном этим же Федеральным законом.

Так, юридическое лицо, которое в течение последних двенадцати месяцев, предшествующих моменту принятия регистрирующим органом соответствующего решения, не представляло документы отчетности, предусмотренные законодательством Российской Федерации о налогах и сборах, и не осуществляло операций хотя бы по одному банковскому счету, признается фактически прекратившим свою деятельность, то есть недействующим юридическим лицом.

Достаточно интересным представляется дискуссия по поводу названия изучаемой процедуры. Во многих исследованиях и даже актах толкования норм права можно встретить различные интерпретации названия: от административной ликвидации по решению регистрирующего органа до просто ликвидации или же процедуры прекращения юридических лиц в принудительном порядке.

Например, согласно пункту первому Постановления Пленума ВАС РФ от 20.12.2006 № 67 «О некоторых вопросах практики применения положений законодательства о банкротстве отсутствующих должников и прекращении недействующих юридических лиц» процедура исключения недействующего юридического лица из ЕГРЮЛ является специальным основанием прекращения юридического лица, не связанным с его ликвидацией.

Фомина Л. считает, что исключение недействующих организаций из ЕГРЮЛ приравнивается к ликвидации, причем как для целей гражданского оборота, так и для целей налогообложения. Более того, по ее мнению, поступать с долгами недействующих компаний, исключенных из ЕГРЮЛ, можно так же, как и с долгами ликвидированных, их можно списать во внебюджетные расходы [2].

Согласно исследованию Казакова Е. С., изучаемую процедуру автор называет принудительным прекращением деятельности юридических лиц [1].

Таким образом, при изучении мнения различных ученых и практиков, мы видим недостаточно проработанным само понятие процедуры в законодательстве, которое согласно главному закону о ее применении, Закону № 129-ФЗ, называется лишь исключением недействующих юридических лиц из ЕГРЮЛ по решению регистрирующего органа.

Представляется, что само название «прекращение деятельности недействующих юридических лиц» является следствием применения процедуры исключения недействующих юридических лиц из ЕГРЮЛ.

Поэтому, разбирая весь этап исключения из ЕГРЮЛ недействующих юридических лиц, можно прийти к выводу о том, что все же, называть такую процедуру административно-правовым порядком ликвидации правильнее.

При наличии одновременно двух уже упомянутых признаков недействующего юридического лица регистрирующий орган принимает решение о предстоящем исключении юридического лица из ЕГРЮЛ (далее — Решение о предстоящем исключении). Решение о предстоящем исключении не принимается при наличии у регистрирующего органа сведений о начале процедуры банкротства и должно быть опубликовано в органах печати, в которых публикуются данные о государственной регистрации юридического лица, в течение трех дней с момента принятия такого решения.

По мнению Г. В. Цепова, в процессе ликвидации правоспособность юридического лица ограничивается и основной целью становится аккумулирование и распределение имущества в соответствии с установленной законом процедурой [3].

Поэтому особо интересными являются вопросы о судьбе задолженности юридического лица, его имуществе, об обязательствах перед третьими лицами.

Согласно практике осуществления регистрирующим органом процедуры исключения недействующих юридических лиц, может быть ситуация, когда задолженность организации перед государством списывается. Но ведь у государственного органа отсутствуют сведения о кредиторах компании.

Следует отметить важный момент, что одновременно с решением о предстоящем исключении должны быть опубликованы в журнале «Вестник государственной регистрации» сведения о порядке и сроках направления заявлений недействующим юридическим лицом, кредиторами или иными лицами, чьи права и законные интересы затрагиваются в связи с исключением недействующего юридического лица из ЕГРЮЛ с указанием адреса, по которому могут быть направлены заявления. То есть у заинтересованных лиц имеется законная возможность возразить против исключения юридического лица. Однако, возражения должны быть мотивированными и могут быть направлены или представлены в определенной форме и не позднее чем три месяца со дня опубликования решения о предстоящем исключении.

Изучая практику налогового органа, можно с уверенностью сказать, что задолженность юридических лиц перед бюджетом может быть списана. Приказом ФНС России от 12.05.2015 № ММВ-7-8/190@ утвержден перечень документов, при наличии которых принимается решение о признании недоимки, задолженности по пеням и штрафам безнадежными к взысканию и об их списании, и порядка списания указанных недоимки и задолженности.

Судьбу же распределения имущества недействующих юридических лиц, обязательств перед третьими лицами решает тот, кому это важно и необходимо.

То есть по логике законодателя, организации, которые имеют на балансе имущество и заинтересованы в его существовании, сами обязаны следить за процессом деятельности и действительности своей фирмы, а кредиторы, в свою очередь, которые заинтересованы в получении денежных средств, не ли-

шены заявить возражения против исключения того или иного юридического лица.

Весь процесс исключения недействующих юридических лиц из ЕГРЮЛ построен так, что назвать его «ликвидацией» даже на данный момент, не внося изменение в название на законодательном уровне, не является ошибкой.

В-первых, процесс включает в себя несколько этапов, как и ликвидация. Во-вторых, на каждом этапе любой участник гражданского оборота имеет право возразить против этой процедуры, что равнозначно заявлению кредиторов после объявления ликвидации. Более того, заинтересованные лица имеют право обжаловать исключение из ЕГРЮЛ. В-третьих, задолженность перед государством может идти под списание, таким об-

разом и решается судьба некоторых долгов. В-четвертых, решение о предстоящем исключении юридического лица, как и сообщение о ликвидации, публикуется в средствах массовой информации.

Таким образом, можно сделать вывод, что исключение недействующих юридических лиц из ЕГРЮЛ следует назвать, внося изменение в соответствующие нормы права, административно-правовым порядком ликвидации юридических лиц. Употребление словосочетания административно-правовой порядок со словом ликвидация — обязательно. Представляется, что связав вместе именно эти понятия, регистрирующему органу, самой организации дается законное право на невыполнение обязательных для ликвидации процедур.

Литература:

1. Казаков Е. с. Как из ЕГРЮЛ исключается недействующее лицо // Бухгалтер Крыма. 2019. № 6. С. 56–59.
2. Фомина Л. Порядки исключения. Как списать долг компании, вычеркнутой из ЕГРЮЛ // Финансовая газета. 2020. № 18. С. 8–9.
3. Цепов Г. В. Ответственность ликвидатора перед кредиторами после исключения юридического лица из ЕГРЮЛ // Юрист. 2018. № 4. С. 55–60.

Убийство в состоянии аффекта

Бурцева Арина Васильевна, студент

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова (г. Якутск)

Одним из наиболее тяжких преступлений в нашем обществе является убийство. Уголовный Кодекс Российской Федерации в особенной части на первое место определяет преступления против жизни и здоровья. В соответствии со статьей 2 Конституции Российской Федерации — человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Особенностью убийства является то, что виновный, совершая данное преступление, посягает на жизнь человека. Жизнь является одно из самых ценных благ человека.

Убийства подразделяются на простое, квалифицированное и привилегированное. Привилегированное убийство — это убийство, совершенное со смягчающими обстоятельствами. Убийство в состоянии аффекта относится именно к привилегированным видам.

Убийство в состоянии аффекта является привилегированным видом в силу особого психического состояния лица, виновного в совершении преступления. Данное психическое состояние, обусловлено воздействием психических аномалий на поведенческие реакции человека.

Актуальность заключается в том, что аффект имеет большое значение и играет важную роль при квалификации такого привилегированного состава преступления. Работники правоохранительных органов порой неправильно понимают проблематику понятия аффекта и в силу чего совершаются ошибки при квалификации данного преступления.

Как уже было сказано, убийство, совершенное в состоянии аффекта, относится к преступлениям с привилегированным составом. Общественная опасность данного преступления считается значительно ниже, чем убийство, совершенное в обычном состоянии. В уголовном праве само понятие «аффект» определяется как внезапное сильное душевное волнение. Понятие «аффект» и «сильное душевное волнение» рассматриваются как взаимозаменяемые и являются тождественными. С момента введения понятия «аффекта» в диспозицию статьи 107 УК РФ, данное понятие приобретает юридическое значение. Для того, чтобы более детально разобрать понятие аффекта необходимо определить разграничение его на виды. Уголовное право обращает внимание на два вида аффекта — это патологический и физиологический аффект.

Патологический аффект представляет собой как глубокое помрачение сознания и парализация воли человека. При данном аффекте человек теряет способность осознавать и контролировать свои действия. Данный вид аффекта негативно воздействует на сознание человека и в результате может привести к полной невменяемости человека. Патологический аффект встречается в судебной практике довольно не часто. Судебно-медицинская экспертиза должна проводить комплексные психолого-психиатрические экспертизы для того, чтобы точно определить патологический аффект у человека, который совершил преступление. Если лицо совершает убийство в состо-

янии патологического аффекта по заключению судебно-психиатрической экспертизы может быть признано как невменяемое лицо. В данном случае виновного не привлекают к уголовной ответственности, так как по общему правилу в уголовном законодательстве, невменяемое лицо не подлежит к уголовной ответственности. К данному лицу могут применить только принудительные меры медицинского характера.

Физиологический аффект. Данный вид аффекта тоже имеет значение на психику человека, но в отличие от патологического, физиологический аффект не лишает его возможности осознавать и контролировать свои действия. Когда лицо совершает преступление в состоянии физиологического аффекта не исключается применение его к уголовной ответственности. Внезапность возникновения физиологического аффекта можно объяснить, как отсутствие временного разрыва между провоцирующим характером поведения потерпевшего и ответным поведением в состоянии аффекта виновного. Допустим если все же будет проходить значительный промежуток времени между провоцирующим характером поведения потерпевшего и причинением ему смерти, где виновный в течение данного промежутка времени будет обдумывать убийство и готовиться к нему, то в данном случае статья 107 УК РФ не будет применена. Также аффект может сопровождаться возбуждением. Данная особенность аффекта может провоцировать резкое усиление двигательной активности. Человек может сделать много лишних движений, либо также может нанести множественно ранений потерпевшему. Виновный может выбрать любое орудие преступления, им может быть любой предмет, который попадет в поле зрения.

Физиологический аффект рассматривается в двух категориях. Во-первых, классический аффект, во-вторых, кумулятивный аффект или по-другому можно назвать накопительный аффект. Классический физиологический аффект представляет собой возникновение в результате ряда противоправных или аморальных действий со стороны потерпевшего. А вот кумулятивный аффект отличается от классического тем, что у виновного накапливается эмоциональное напряжение — от нескольких дней до месяцев. Кумулятивный аффект предполагает формирование «накопительной фазы», длящейся в течение нескольких дней, месяцев и даже лет, которая в определенный момент внезапно вырывается наружу.

Таким образом, основное отличие физиологического от патологического аффекта заключается в степени их воздействия на сознание человека. Если говорить о значении аффекта в уголовном праве, физиологический аффект выступает как обстоятельство, которое смягчает уголовную ответственность, а патологический аффект является обстоятельством, которое исключает уголовную ответственность, его наступление влечет применение принудительных мер медицинского характера. Со стороны следственных и судебных органов допускаются ошибки при установлении определенного вида аффекта у виновного лица, из этого исходит проблематика назначения наказания за такие преступления как убийство, совершенное в состоянии аффекта. Для правильной квалификации данного преступления необходимо исследовать всю совокупность объективных и субъективных признаков, дать им правильную оценку.

Для правильной квалификации преступления по статье 107 УК РФ, необходимо установить еще один признак: причина его возникновения. Для возникновения аффекта требуются специальные основания, которые предусматриваются законодательством. Данные основания определены в самой статье об убийстве в состоянии аффекта. Отсутствие данных оснований возникновения аффекта исключает возможность квалифицировать данное преступление по статье 107 УК РФ. Основаниями сильного душевного волнения уголовное законодательство признает: насилие, издевательство, тяжкое оскорбление, иные противоправные или аморальные действия (бездействие) потерпевшего, длительная психотравмирующая ситуация, возникшая с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего.

Следующий момент — это как же отграничивается убийство в состоянии аффекта от других убийств, например, от убийства предусмотренные статьями 105 и 108 УК РФ. Начнем со статьи 105 УК РФ. Во-первых, убийство, предусмотренное статьей 105 УК РФ, является как простое убийство. Во-вторых, главное отличие является в объективной и субъективной сторонах преступления. По статье 107 УК РФ «убийство в состоянии аффекта», необходимо установить сам факт того, что действительно ли потерпевший совершил по отношению к виновному издевательство, насилие, тяжкое оскорбление, иные противоправные или аморальные действия. Если потерпевший не совершал данные действия и его действия не заключались в противоправном характере, то тогда действия виновного будут квалифицировать по статье 105 УК РФ, то есть как простое убийство. По статье 108 УК РФ, убийство при превышении пределов необходимой обороны возможно только в процессе нападения, а убийство в состоянии аффекта совершается после применения в отношении лица насилия и иных противоправных действий. Субъективная сторона заключается в том, что мотив виновного по статье 107 УК РФ будет являться, месть, обида и т. п., а по статье 108 УК РФ мотив будет заключаться именно в защите своих прав и законных интересов.

Таким образом, мы пришли к таким выводам:

- 1) «Аффект» определяется как внезапное сильное душевное волнение.
- 2) Уголовное право обращает внимание на два вида аффекта — это патологический и физиологический аффект.
- 3) Основное отличие физиологического от патологического аффекта заключается в степени их воздействия на сознание человека.
- 4) Физиологический аффект выступает как обстоятельство, которое смягчает уголовную ответственность, а патологический аффект является обстоятельством, которое исключает уголовную ответственность, его наступление влечет применение принудительных мер медицинского характера.
- 5) Для того, чтобы привлечь виновного к уголовной ответственности по статье 107 УК РФ, необходимо виновному назначить комплексную психолого-психиатрическую экспертизу. Это нужно для того, чтобы правильно квалифицировать данное преступление, находился ли виновный в состоянии аффекта и в каком виде аффекта он находился.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.10.2020)
3. «Особенности квалификации убийства в состоянии аффекта», Бугаев В. А. Мельников Д. В. 2018
4. Проблемы квалификации убийства, совершенного в состоянии аффекта, В. Ю. Казанков, год 2018
5. Сапожникова К. А. «Проблемы квалификации и разграничения убийства, совершенного в состоянии аффекта», 2017 г.
6. Чучаев А. И., Уголовное право. Особенная часть, учебник для бакалавров. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Проект, 2019.

Естественная монополия в России: проблемы государственного регулирования

Бутырина Кристина Алексеевна, студент;

Краснова Алена Сергеевна, студент

Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Иркутск)

В данной статье приведены результаты исследования на тему: «Проблемы государственного регулирования естественных монополий в России». В ходе работы были рассмотрены проблемы регулирования и возможные пути их решения.

Ключевые слова: естественная монополия, проблемы регулирования, экономика, конкуренция, ценообразование, тарифообразование.

This article presents the results of research on the topic: «Problems of state regulation of natural monopolies in Russia». In the course of the work, the problems of regulation and possible ways of solving them were considered.

Keywords: natural monopoly, regulation problems, economics, competition, pricing, tariff setting.

Естественная монополия — состояние товарного рынка, при котором удовлетворение спроса на этом рынке эффективнее в отсутствие конкуренции в силу технологических особенностей производства (в связи с существенным понижением издержек производства на единицу товара по мере увеличения объема производства), а товары, производимые субъектами естественной монополии, не могут быть заменены в потреблении другими товарами, в связи с чем спрос на данном товарном рынке на товары, производимые субъектами естественных монополий, в меньшей степени зависит от изменения цены на этот товар, чем спрос на другие виды товаров. [1, Ст. 3]

Исходя из этого определения, мы понимаем, что естественная монополия — это производственная отрасль, занятая компанией, способной нормально работать только в том случае, если нет конкуренции. Если появится конкуренция, то издержки перестанут быть минимальными и в конечном счете, это приведёт лишь к уменьшению доходности. На рынке естественная монополия занимает специфическое положение, особенность которой проявляется в ее производстве, необходимости использовать дорогое оборудование, единоличное владение природными ресурсами и т. д.

Рассмотрим примеры естественных монополий в России на 2020 год. На данный момент в России естественными монополиями являются ОАО «РЖД», ПАО «Газпром», РАО «ЕЭС России», АО «Почта России», а также ПАО «Транснефть».

В каждом регионе существуют свои локальные монополии, поставляющие тепловую и электрическую энергию, обеспечивающие водоснабжение и водоотведение.

Естественные монополии обладают как плюсами, так и минусами. Плюсами являются: возможность максимально использовать эффект от масштаба производства, что приводит к снижению издержек на производство единицы продукции; возможность мобилизации значительных финансовых ресурсов для поддержания средств производства на должном уровне; возможность использования достижений научно-технического прогресса; возможность следования единым стандартам на производимую продукцию и предоставляемые услуги; возможность замены рыночного механизма, т. е. рыночной экономической организации. А также присутствуют и минусы: возможность определять уровень продажной цены, создавать искушение переложить издержки в значительной мере на конечного потребителя, который не в состоянии оказывать обратного влияния на производителя; возможность блокировать технический прогресс; возможность «экономить» за счет снижения качества производимой продукции и предоставляемых услуг. [2, С. 149–150]

Невозможно в данном случае определить, что перевешивает — плюсы или минусы. Рыночная форма организации не в состоянии преодолеть или даже ослабить действия негативных факторов естественной монополии, потому что механизм распределения ресурсов в данном случае не работает, а разрешить

противоречия общество может только одним способом — регулированием естественной монополии.

Существует несколько способов регулирования естественных монополий: прямое государственное регулирование, торги за франшизу, ценовая дискриминация.

Естественные монополии довольно часто прибегают к практике ценовых дискриминаций для максимизации своего чистого дохода. Для этого они делят рынок. Примером такого подхода может быть практика установления более высоких тарифов на электроэнергию, газ, услуги связи, коммунальные услуги для предприятий и организаций и, должным образом, пониженных тарифов — для граждан. Однако механизм может быть задействован не только естественным монополистом, но и обществом, которое стремится облегчить бремя, связанное с монополией. Оно может устанавливать понижающиеся тарифы для социально незащищенных групп населения, таких как: пенсионеров, инвалидов и др. Например, широко применяемая практика льготных тарифов на различные виды услуг, предоставляемых естественными монополистами. Здесь важным является источник покрытия этих льгот. Очень часто в России он не определяется без соответствующих расчетов, бесосновательно перекладывается на производителя. Самый распространенный пример — льготы за коммунальные услуги. Количество льготников у сопоставимо с количеством людей, льгот не имеющих. Это не способствует ни стабилизации социальной обстановки, ни нормальному воспроизводству капитала предприятия естественного монополиста.

Теперь нужно перейти к главной задаче данной статьи, выяснению проблемы регулирования естественных монополий. Но для начала разберемся с самим регулированием естественных монополий, которое является важным фактором обеспечения и нормального функционирования экономики. Поэтому реализация антимонопольного законодательства должна быть умеренной, так как жесткий контроль приведёт лишь к дисбалансу данных рыночных отношений.

Цель у государственного регулирования поставлена на сохранение и достижение равенства интересов потребителей и субъектов естественных монополий, а также на регулирование их функционирования посредством определенных норм поведения.

Также имеются законы и подзаконные акты, которые регулируют деятельность естественных монополий и причем имеют важнейшее значение, но их применение встречается с различными трудностями.

Исходя из всего выше сказанного, мы выявили такие проблемы как:

Понятие естественной монополии, которое представлено в ФЗ «О естественных монополиях», допускает неоднозначную

трактовку. В законе противопоставляются понятия естественной монополии и конкуренции.

Что касается ценообразования, чаще всего в отраслях общественного потребления (коммунальное хозяйство) существует возможность злоупотребления со стороны естественных монополий, что может негативно сказаться на уровне жизни населения. В первую очередь речь идет о повышении тарифов и цен предприятиями-монополистами. Это приводит к росту издержек производства в других отраслях, а значит и к росту цен на другие товары. (Именно такую картину можно наблюдать в случае увеличения цен главными естественными монополистами в России — РАО «Газпром», РАО «Единая энергетическая система России», Министерством путей и сообщений). Данные факты обуславливают необходимость государственного регулирования таких фирм со стороны специальных административных органов. Существует два возможных варианта действий государства в этом случае:

1. Установление государственной собственности на предприятия-естественные монополии, а следовательно, и государственных цен на их продукцию.

2. Государственное регулирование естественных монополий с помощью установления предельного уровня рентабельности или с помощью прямого ограничения уровня цен на продукцию естественных монополий. [3, С. 213–214]

Следующей проблемой является отсутствие результативного механизма тарифообразования. Происходит это из-за бесконтрольного завышения цен на нерегулируемые услуги, игнорирования интересов естественных монополий, низкое состояние инфраструктуры субъектов естественных монополий, а также отсутствие права у потребителя обжаловать установленный административным путем размер тарифа. К основному пути решений данной проблемы относится сохранение тарифов на услуги естественных монополий на наиболее лучшем для экономики и населения уровне, т. к. неконтролируемое повышение может привести к замедлению или прекращению экономического роста в стране. Вследствие чего произойдет снижение потребительского спроса со стороны населения, а также снижение конкурентоспособности некоторых отраслей экономики.

В заключении мы хотим выразить своё мнение на эту тему, так как, для нормального регулирования естественных монополий, нужно совершенствовать законодательство, которое регулирует деятельность естественных монополий, на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Правовое регулирование не должно быть направлено только на то, чтобы устанавливать цены и тарифы и конечно же не должно сводиться лишь к контролю за деятельностью естественных монополий.

Литература:

1. Федеральный закон от 17 августа 1995 г. № 147-ФЗ «О естественных монополиях» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 21 августа 1995 г. — № 34. — Ст. 3
2. Басовский, Л. Е. Экономика отрасли: учебное пособие / Л. Е. Басовский. — Москва: ИНФРА-М, 2020. — С. 149–150
3. Бардовский, В. П. Экономика: учебник / В. П. Бардовский, О. В. Рудакова, Е. М. Самородова. — Москва: Форум: ИНФРА-М, 2020. — С. 213–214

Деятельность социально ориентированных некоммерческих организаций как института развития социального государства

Варламов Егор Игоревич, студент магистратуры
Костромской государственной университет

В данной работе предпринята попытка анализа современного положения социально ориентированных некоммерческих организаций, указаны причины развития данного социального института, раскрыта его важность для граждан Российской Федерации. Предложена возможность закрепления преимущественного права на приобретение арендуемого социально ориентированными некоммерческими организациями недвижимого имущества при его возмездном отчуждении из государственной собственности субъекта Российской Федерации или муниципальной собственности по цене, равной рыночной стоимости.

Ключевые слова: социально ориентированная некоммерческая организация, социальное государство, поддержка.

26 декабря 1991 года Советом Республик Верховного Совета СССР была принята декларация, согласно которой Союз ССР прекратил своё существование как социалистическое федеративное государство. С принятием Конституции Российская Федерация определила себя как «демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления» [1, с. 4398]. В статье 7 закреплено, что «Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». Безусловно, декларирование лишь определяет путь, но непосредственно формирование сильного государства зависит как от самой власти, так и от общества в целом.

Социализм в Советском Союзе основывался на контроле государства над всеми сферами жизни общества, будь то производственная, хозяйственная, финансовая деятельность государственных органов, корпоративных и иных общественных организаций, которые подвергались жёсткому нормативному регламентированию, строгой подотчётности. Государственный контроль был направлен на укрепление социалистического правопорядка. Падение подобного режима не могло не привести к острым социальным и экономическим проблемам, таким как гиперинфляция, массовая безработица, обнищание населения, а многие государственные системы потеряли возможность выполнять свои основные функции, вследствие, социальная незащищённость многих слоёв населения стала массовым явлением. Однако вплоть до конца 90-х годов не наблюдалось планомерных шагов по развитию в рамках рыночной экономики эффективной системы социальной защиты.

С наступлением нового тысячелетия создание основ социального государства стало одной из главных целей Российской Федерации [2, с. 104]. Само по себе социальное государство ставит перед собой задачи гарантирования каждому гражданину достойного уровня жизни и доступа к обширному набору социальных благ: качественная медицинская помощь, всеобщее образование, обеспечение занятости населения, возможность получения личного жилья, достойные пенсии и так далее. Решение данных задач, по нашему мнению, возможно при целенаправленном подходе к осуществлению социальной политики.

Важным институтом для реализации настоящего подхода является деятельность социально ориентированных некоммерческих организаций. Впервые термин «социально ориентированной некоммерческой организации» в российском

законодательстве был введён Федеральным законом № 40-ФЗ от 05.04.2010 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций», к подобным субъектам были отнесены некоммерческие организации, осуществляющие свою деятельность, направленную на решение социальных проблем, развитие гражданского общества в Российской Федерации, а также иные виды деятельности, перечисленные в пункте 1 статьи 31.1 Федерального закона «О некоммерческих организациях» [4, с. 145]. Перечень таких видов деятельности ограничен, к ним относятся, в том числе социальное обслуживание, социальная поддержка и защита граждан, благотворительная деятельность, профилактика социально опасных форм поведения граждан, деятельность в области образования, просвещения, науки, культуры, искусства, здравоохранения, профилактики и охраны здоровья, пропаганды здорового образа жизни, мероприятия по медицинской и социальной реабилитации, социальной и трудовой реинтеграции и другие. Представленная выше статья также устанавливает, что органы государственной власти и органы местного самоуправления могут оказывать поддержку СО НКО в определённых формах: оказание имущественной, финансовой, информационной поддержки, предоставление льгот по уплате налогов и сборов как самим организациям, так и юридическим лицам, оказывающим им материальную поддержку, а также принятие особого порядка осуществления закупок товаров, работ и услуг у данных организаций, во многом ограниченность форм поддержки не отражает всей полноты запроса на её достаточность.

Современная система социальной политики в Российской Федерации предусматривает наличие нескольких её субъектов. Главным из них, определённо, выступает государство, устанавливающее административные, финансовые и стратегические основы проводимых мероприятий, однако институты гражданского общества, профсоюзы, общественные организации, политические партии выполняют функции адаптации социальной политики к конкретным потребностям общества, обеспечивают взаимодействие широких слоёв социума и власти в проблемах социального совершенствования, осуществления контрольных функций над эффективностью социальных программ. Эффективное взаимодействие общественных образований, социально ориентированных некоммерческих организаций и органов государственной власти способно обеспечить адресную

социальную защиту, высокое качество социального обслуживания с целью максимального учёта интересов и потребностей различных слоёв населения. Важным является пропагандирование деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций среди граждан, учитывая, что многие из них, нуждающиеся в оказании социальной помощи, причисляются к группе населения старшего возраста, которым более доступной является информация предоставляемая государственными средствами массовой информации, а также листовки, размещённые в поликлиниках, на остановках и в салонах общественного транспорта. Также мы считаем целесообразным организовать на базе высших и средних учебных заведений дополнительную подготовку кадров для социально ориентированных некоммерческих организаций, так как объёмный спектр их деятельности предполагает наличие особых навыков и умений.

В настоящее время происходит активное вовлечение социально ориентированных некоммерческих организаций в оказание государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере, что предопределяет такие положительные тенденции в данной сфере как: повышение качества и доступности предоставляемых услуг; создание возможности восполнения непредставленных со стороны государственного сектора социальных услуг; развитие «здоровой конкуренции» благодаря одновременному участию государственных органов и некоммерческих организаций в оказании услуг в социальной сфере.

Вместе с тем, социально ориентированные некоммерческие организации поставлены в неравное имущественное по-

ложение с другими участниками сферы оказания социальных услуг. В настоящее время имущественная поддержка социально ориентированным некоммерческим организациям осуществляется органами государственной власти и органами местного самоуправления путем передачи им во владение и (или) в пользование государственного или муниципального имущества. По факту социально ориентированные некоммерческие организации являются арендаторами, зачастую проводят капитальный ремонт помещений, прилегающих территорий, вкладывают значительные средства в арендуемые помещения, а договора аренды не всегда продляются и организации вынуждены вновь обустроить свою деятельность. Направленность на расширение имущественной поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций в части предоставления им преимущественного права на приобретение арендуемого ими имущества при его возмездном отчуждении из государственной собственности субъекта Российской Федерации или муниципальной собственности по цене, равной рыночной стоимости, а также установление порядка реализации имущественного права, условия, при соблюдении которых оно реализуется, основания отказа в предоставлении и прекращения преимущественного права приведёт к более устойчивому положению таких организаций, так как при наличии права собственности на недвижимое имущество в котором они обустроили свою деятельность повлечёт их имущественную самостоятельность, что позволит оказывать социальные услуги населению более своевременно и качественно.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) по состоянию на 01.07.2020 // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 31. — с. 4398.
2. Симонова С. С., Олейникова Е. Г. Социальные приоритеты в программах политических партий России // С. С. Симонова, Е. Г. Олейникова — Текст: непосредственный // Философия социальных коммуникаций. — 2012. — № 4 (21). — с. 104.
3. Указ Президента РФ от 08.08.2016 г. № 398 (в ред. от 01.07.2017) «Об утверждении приоритетных направлений деятельности в сфере оказания общественно полезных услуг». — // Информационно-правовая система «Законодательство России». — URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.11.2020).
4. Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (в ред. от 08.06.2020) // Информационно-правовая система «Законодательство России». — URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.11.2020).
5. Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (в ред. от 13.07.2020) // Информационно-правовая система «Законодательство России». — URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.11.2020).

Изъятие земельных участков, используемых не по целевому назначению

Васильев Андрей Юрьевич, студент магистратуры
Тверской государственной технической университет

В статье рассматриваются ситуации, в которых земельные участки используются собственниками не по целевому назначению, а также последствия, ожидаемые данных собственников.

Ключевые слова: земельный участок, изъятие, целевое назначение.

Земельный участок — это недвижимая вещь, которая представляет собой часть земной поверхности и имеет харак-

теристики, позволяющие определить ее в качестве индивидуально определенной вещи [1]. Каждый участок земли имеет

определенное целевое назначение или вид разрешенного использования.

Целевое назначение земель — это особое направление использования земель, которые выделены в соответствии с их категориями. Эти категории описаны в статье 7 Земельного Кодекса Российской Федерации. Функции земель в общественных отношениях: средство производства, база для развития промышленности, место проживания людей и расположения всех существующих природных объектов.

Кроме целевого назначения, существует ещё такое понятие, как вид разрешённое использование земель — это установленное в публичном порядке допустимое функциональное использование земельного участка, существующих и возводимых на нем капитальных объектов, т. е. тот вид деятельности, для ведения которой может использоваться земельный участок и размещенные на нем объекты недвижимости [2].

Например, на земельном участке с таким видом использования как «для индивидуального жилищного строительства», возможно строительство индивидуальных жилых домов, предназначенных для проживания одной семьи, а на участках — «для сельскохозяйственного использования» возможно только осуществление деятельности по выращиванию и/или переработке сельскохозяйственной продукции и т. д.

Помимо базовых определений и аспектов собственник земельного участка, землепользователь, землевладелец или арендатор земельных участков при использовании таковых должен знать свои права и обязанности.

Собственник земельного участка имеет право [1]:

1) использовать в установленном порядке для собственных нужд имеющиеся на земельном участке общераспространенные полезные ископаемые, пресные подземные воды, а также пруды, обводненные карьеры в соответствии с законодательством Российской Федерации;

2) возводить жилые, производственные, культурно-бытовые и иные здания, сооружения в соответствии с целевым назначением земельного участка и его разрешенным использованием с соблюдением требований градостроительных регламентов, строительных, экологических, санитарно-гигиенических, противопожарных и иных правил, нормативов;

3) проводить в соответствии с разрешенным использованием оросительные, осушительные, культуротехнические и другие мелиоративные работы, строить пруды и иные водные объекты в соответствии с установленными законодательством экологическими, строительными, санитарно-гигиеническими и иными специальными требованиями;

4) осуществлять другие права на использование земельного участка, предусмотренные законодательством».

Таким образом, законодательство дает ясно понять, что земельные участки, находящиеся в собственности, не могут использоваться только по усмотрению землевладельца, поскольку такое использование земель может привести к печальным последствиям — наложение административного штрафа или же вовсе изъятие.

Изъятие земельного участка — это обращение в собственность государства земельного участка без выкупа его у собственника.

Один из случаев изъятия земельного участка у собственника — изъятие участка, используемого с нарушением требований законодательства Российской Федерации, в частности, если участок используется не по целевому назначению или его использование приводит к существенному снижению плодородия земель сельскохозяйственного назначения либо причинению вреда окружающей среде [3].

Стоит отметить, что процедура принудительного изъятия проводится только при отказе (уклонении) устранить выявленное нарушение и привлечении к административной ответственности.

Установление факта нецелевого использования участка может осуществляться:

– по заявлению от соседей или председателя садоводческого некоммерческого товарищества (собственники соседних земель обычно заинтересованы в надлежащем использовании земель и недопущении длительного не возделывания участков);

– по информации, поступившей от федеральной налоговой службы или органов прокуратуры;

– в результате внеплановой проверки уполномоченных структур.

В последнее время начинает набирать обороты административная практика по привлечению предпринимателей по части 1 статьи 8.8 КоАП [4] за нецелевое использование земельных участков. Не смотря на то, что в названии статьи фигурирует слово «земельный участок» эта статья применяется чаще всего к собственникам объектов недвижимости.

Порой возникают ситуации, когда у собственника вид разрешенного использования здания один, а по документу указан совсем другой. Например, при оформлении земельного участка как правило указывали один вид разрешенного использования, например, постройка АЗС, при этом на территории данного земельного участка вместе с АЗС размещается магазин. Подтвердить законность ваших действий может проектная документация, на основе которой и был построен данный объект недвижимости, и если она была утверждена и в ней предполагалась постройка магазина, то это не является нарушением законодательства.

В ситуации, когда вид разрешенного использования здания не соответствует виду разрешенного использования в проектной документации, тогда стоит обратить внимание на территориальную зону, в которой расположен земельный участок. Определить это можно с помощью Правил Землепользования и застройки муниципального образования, в котором расположен земельный участок. Для каждой территориальной зоны обозначаются основные и вспомогательные виды разрешенного использования земельных участков. И если для соответствующей территориальной зоны одним из основных видов является тот, который не обозначен в документе, то это все равно не должно считаться нарушением, так как, Правила Землепользования и Застройки это документ, принятый собранием депутатов муниципального образования, и в данном собрании были согласованы все основные и вспомогательные виды разрешенного использования земельных участков для соответствующей территориальной зоны. Поэтому чтобы собственнику привести все в соответствие, достаточно обратиться в Росреестр с заявлением о внесении изменений в ЕГРН и внести виды разрешен-

ного использования в соответствии с Правилами Землепользования и застройки.

На основании проведенного анализа можно сделать вывод, что были рассмотрены конкретные ситуации, при которых

может произойти изъятие земельного участка при использовании не по целевому назначению. Земля является ценнейшим ресурсом, поэтому необходимо использовать её в соответствии с принятыми законодательными актами.

Литература:

1. «Земельный кодекс Российской Федерации» от 25.10.2001 г. № 136-ФЗ (ред. от 18.03.2020 г.) // Консультант плюс: справочная правовая система [электрон. текстовые данные] — режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/ (дата обращения: 20.06.2020);
2. Официальный сайт Росреестра [электрон. текстовые данные]. — Режим доступа: <https://rosreestr.ru/site/press/news/izyatie-zemelno-uchastka/?contrast> (дата обращения: 15.06.2020);
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) [электрон. текстовые данные]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW (дата обращения: 13.06.2020)
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 03.04.2017) [электрон. текстовые данные]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661 (дата обращения: 23.06.2020);

Развитие уголовного законодательства об ответственности за хищение

Вершинина Юлия Александровна, студент магистратуры

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

Изучение исторических аспектов развития и становления уголовной ответственности за хищения в различные периоды российской истории позволяет проанализировать уровень и направления развития современного законодательства, устанавливающего ответственность за данные деяния. Исторический опыт в уголовно-правовой защите имущественных интересов личности и государства позволяет эффективно реформировать и вносить новшества в современные нормы о преступлениях против собственности.

Мы согласны с мнением М. Таганцева, что «любое правовое положение, что действует в данном государстве, безусловно, имеет свои корни в прошлой истории этого народа. Если мы намерены изучить любой юридический институт, который существует в настоящее время, то для правильного его понимания мы должны исследовать его историческую судьбу, то есть те причины, которые обусловили появление этого образования, и те видоизменения, которые оно понесло в своем историческом развитии» [29].

Уголовная ответственность за хищение чужого имущества в российском законодательстве имеет более чем тысячелетнюю историю. Положения, устанавливающие ответственность за такого рода деяния, обнаруживаются уже в самых ранних письменных источниках права Киевской Руси, упоминание о которых дошли до наших дней, — договорах киевских князей с Византией, заключенных в X веке. Схожие нормы позднее в начале XI века были включены в Краткую редакцию Русской Правды — первый письменный сборник правовых актов, составленный в период правления киевского князя Ярослава Владимировича, известного в истории как Ярослав Мудрый.

Отсутствие дошедших до нас более ранних, чем Русская Правда, письменных источников внутреннего законодательства свидетельствует, по мнению А. В. Архипова, о том, что до начала X века на территории Киевской Руси, вероятнее всего, действовало обычное право, существовавшее только в устной форме [1]. О наличии обычного права у народов Древнерусского государства имеются указания в письменных исторических памятниках той эпохи. Так, Нестор в «Повести временных лет», приводя текст договора, заключенного в 945 году киевским князем Игорем, указывает, что в случае кражи у греков русский должен понести наказание «по закону русскому» [22, с. 35]. О наличии определенных правил наказания преступников (взимания виры с разбойников) упоминает Нестор и при описании более поздних периодов, в частности периода правления князя Владимира Святославовича, относящегося к концу X века [22, с. 88].

Несмотря на отсутствие письменных источников внутреннего законодательства данного периода, имеется возможность судить о существовавших на Руси на тот момент имущественных преступлениях и наказаниях за них, исходя из текстов международных договоров киевских князей. Наиболее информативными из них являются договор, заключенный с Византией киевским правителем Олегом в 912 году (далее — Договор 912 года), и договор, заключенный с Византией киевским князем Игорем в 945 году (далее — Договор 945 года).

Указанными выше договорами устанавливалось наказание в виде денежных выплат кратных стоимости похищенного имущества.

Анализ договоров, о содержании которых мы можем судить только из записей Нестора, так как их тексты в подлинниках

до нашего времени не дошли, показал, что в рассматриваемый нами период выделялись две формы хищения — это кража и грабеж.

Договор 912 года устанавливал право потерпевшего убить вора, если тот будет пойман в момент совершения кражи или при подготовке к ней, в том же случае, если вор сдастся, то на него накладывалась обязанность выплатить возмещение в тройном размере.

От кражи отличался грабеж, который в Договоре 912 года описывался следующим образом: «если кто из христиан или из русских посредством побоев покусится и явно силою возьмет что-либо, принадлежащее другому, то пусть вернет в тройном размере» [22, с. 26].

Более полно об ответственности за имущественные преступления на территории Древнерусского государства можно судить по первому письменному источнику внутреннего права Киевской Руси — Русской Правде, нормы которой действовали с начала XI века до конца XV — середины XVI века вплоть до издания судебных первых русских царей Ивана III (1497 год) и Ивана IV (1550 год).

Известны три редакции Русской Правды. Первая — Краткая редакция, согласно Новгородской первой летописи, была создана в 1016 году.

Само хищение в Краткой редакции Русской Правды никак не именовалось, оно включалось в общее понятие преступления, которое определялось как «обида». Для его описания использовался глагол «крадеть» или «оукрадеть» (ст.ст. 29, 34), сам же вор именовался «тать» (ст. 38).

Наказания, назначавшиеся за кражу, позволяют сделать вывод о том, что кража рассматривалась в большей степени как частный деликт, поскольку основным наказанием за нее была определенная выплата потерпевшим, вместе с тем в ряде случаев виновный наряду с возмещением вреда должен был заплатить штраф князю, именованный «продажей» (ст. 34).

Уже на данном этапе развития древнерусского законодательства можно выделить квалифицирующие обстоятельства кражи, при наличии которых назначалось существенно более строгое наказание. К таким обстоятельствам относятся совершение кражи группой и совершение кражи из «клетки» (ст. 29) [4]. Кроме того, повышенная ответственность устанавливалась за кражу некоторых видов имущества, таких, как лошади, оружие, одежда (ст. 12), собаки, ловчие птицы (ст. 37).

Вторая редакция Русской Правды — Пространная редакция, в части ответственности за воровство в целом соответствует нормам, указанным в Краткой редакции, вместе с тем, как отмечают В. Е. Лоба и С. Н. Малахов, имели место и некоторые изменения [8]. Для обозначения хищения был введен термин «татьба». Также был расширен перечень наказаний за имущественные преступления. Наряду с указанной в Краткой редакции «продажей» [4, с.85], в Пространной редакции упоминается и такое наказание как «поток», представляющий собой наказание в виде лишения преступника защиты его жизни, жизни его близких родственников и имущества со стороны властей и верви [4, с. 81].

Существенным образом изменились нормы об ответственности за имущественные преступления с изданием Судебников 1497 и 1550 годов.

В Судебнике 1497 года [24], изданном в период правления Великого князя московского Василия III, прослеживается совершенно иной, по сравнению с Русской Правдой, подход к имущественным преступлениям. Н. Д. Эриашвили отмечает, что такие преступления рассматриваются уже не как частный деликт («обида»), а как публичное правонарушение («лихое дело»). Надлежащим образом и система наказаний за такие преступления смещается от кратного возмещения ущерба и штрафа в сторону ужесточения [36]. Так, согласно ст. 10, за впервые совершенную кражу («татьбу») виновный подлежал наказанию посредством торговой казни — поркой кнутом на торговой площади, за повторную кражу в качестве наказания предусматривалась смертная казнь (ст. 11). Смертной казнью наказывалась и кража, совершенная в церкви, а также кража, совершенная особо опасным преступником («ведомым лихим человеком») (ст. 9).

Некоторые изменения претерпела и система преступлений. В отличие от Русской Правды в Судебнике 1497 года отсутствуют нормы, посвященные кражам отдельных видов имущества.

Приведенные положения Судебника 1497 года позже перешли в Судебник 1550 года, принятый в период правления Ивана IV.

Далее Соборное Уложение 1649 г. значительно расширяет уголовно-правовую охрану объектов собственности (особо выделяя кражу с государева двора, церковную татьбу).

Далее основы правовой охраны имущественных отношений получили свое развитие в Своде законов Российской империи [25] и Уложении о наказаниях уголовных и исправительных [33]. Различая частную, государственную и общественную собственность разработчики этих правовых актов, по мнению А. Ю. Филаненко, конструировали составы данных преступлений с учетом их направленности на конкретные интересы [34]. Наиболее важным представляются положения, характеризующие раздел Особенной части Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (1885 г.), именуемый «О преступлениях и проступках против собственности частных лиц». *Как нам представляется, в Уложении похищение имущества выражалось исключительно в деяниях, понимаемых в современной юриспруденции, как кража, грабёж, разбой и мошенничество.*

Развитие учений о преступлениях против собственности просматривается в Уложении 1903 г. [30], содержащем родовое понятие «похищение» или «имущественное хищничество», близкое к существующему в настоящее время общему понятию хищения. *Как нам представляется, система видов (форм) хищения (похищения) закреплённая в данном Уложении оказала значительное влияние на всё последующее развитие российского законодательства об имущественных преступлениях.*

По мнению В. Д. Меньшагина, А. А. Пионтковского [7], С. М. Кочои [5], термин «хищение» был введен в понятийный аппарат российского законодательства после Великой Октябрьской Социалистической Революции в 1917 г.

С приходом новой социалистической власти, приведшей к смене общественного строя, изменилось и отношение к социалистической собственности. Ключевыми задачами на тот мо-

мент, по мнению О. А. Солиной, являлись ее защита и уголовно-правовая охрана [26].

В российском уголовном законодательстве этот термин первоначально подлежал использованию применительно к обозначению соответствующих преступлений в Декрете СНК от 21 октября 1919 г. «О борьбе со спекуляцией, хищениями в государственных складах, подлогами и другими злоупотреблениями по должности в хозяйственных и распределительных органах» [9] и Декрете ВЦИК и СНК РСФСР от 1 июня 1921 г. «О мерах борьбы с хищением из государственных складов и должностными преступлениями, способствующими хищениям» [15].

Согласно Декрета от 1 июня 1921 года за получение заведомо незаконным способом товаров из государственных баз, складов в целях спекуляции; содействие хищениям со стороны лиц, охраняющих складские помещения, наказание предусматривалось от лишения свободы со строгой изоляцией до расстрела при наличии отягчающих вину обстоятельств. Такие же жесткие меры наказания устанавливались и за хищения социалистической собственности декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 1 сентября 1921 года «Об установлении усиленной ответственности лиц, виновных в хищении грузов во время перевозки их» [21].

Употребление названного термина прослеживается и в последующих законах, в том числе УК РСФСР 1922 г. (ст. 180а) [10], УК РСФСР 1926 г. [11], Указе Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» [18]), УК РСФСР 1960 г. [32] и УК РФ 1996 г. [31].

Четкое определение понятия хищения чужого имущества в российском уголовном законодательстве — УК РСФСР 1922 г., УК РСФСР 1926 г. и УК РСФСР 1960 г. — отсутствовало до конца первого полугодия 1994 г. Определение это понятие получило только на доктринальном уровне, т. е. на уровне теории отечественного уголовного права, и применялось изначально и в последующем во всех научных трудах относительно хищения социалистического — государственного и общественного — имущества.

1932–1934 годы были периодом ужесточения уголовной ответственности за хищения социалистической собственности. И. В. Сталин в своем выступлении на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б) 7 января 1933 года дал установку, согласно которой «...допускать воровство и хищение социалистической собственности — все равно идет ли дело о собственности государственной или собственности кооперативной и колхозной, — и проходить мимо подобных контрреволюционных безобразий — значит содействовать подрыву советского строя» [27]. Как в последствии отмечал И. В. Сталин, это дало в дальнейшем своеобразный толчок в борьбе за охрану общественной собственности как одной из приоритетных задач партии [28].

Направления развития правопорядка Советского государства были предопределены социалистической системой хозяйства, что вызвало отход охраны личной собственности на второй план и повышение законодательной защиты государственной собственности.

М. Н. Потёмкина и В. В. Филатов отмечают, что наравне с УК РСФСР 1926 года применению подлежало постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 года «Об охране имуще-

ства государственных предприятий, колхозов и коопераций и укреплении общественной (социалистической) собственности» [17], устанавливающее жесткие меры борьбы с хищениями социалистической собственности, вплоть до смертной казни [23]. А. Д. Гагулина указывает, что в случае наличия смягчающих вину обстоятельств за указанные деяния предусматривалось лишение свободы не менее 10 лет, конфискация имущества, отсутствие права на амнистию [3].

Данное постановление подлежало применению по отношению к наиболее опасным имущественным преступлениям, посягающим на государственную собственность. К указанной категории преступлений относились, в том числе, хищения колхозной, совхозной, кооперативной собственности, имущества государственных торговых организаций, совершенные в составе организованной группы, систематически или в крупном размере. А. Ю. Филаненко указывает, что в случае хищений личного имущества граждан применению подлежали нормы УК РСФСР 1926 года [35].

Н. Д. Эриашвили отмечает, что период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов ознаменовался изданием ряда законодательных актов, действие которых было направлено на усиление ответственности за некоторые виды преступлений против социалистической собственности, увеличение размера наказания за хищения личной собственности, расширительное толкование закона в соответствии с условиями военного времени [37].

Например, согласно положениям постановления Пленума Верховного суда СССР от 8 января 1942 года № 1/1/у «О квалификации некоторых видов кражи личного имущества граждан в условиях военного времени» [14] кражи, совершенные в военное время, подлежали квалификации по пункту «г» статьи 162 УК РСФСР, то есть как совершенные во время общественного бедствия. Кражи, совершенные неоднократно, группой лиц, рецидивистами или при иных особо отягчающих обстоятельствах, подлежали квалификации по аналогии с бандализмом по статье 59.3 УК РСФСР [6].

По мнению В. В. Блиновой, увеличению количества преступлений в системе хозяйственно-корыстных преступлений в годы ВОВ способствовало введение карточной системы распределения продуктов. Следствием введения указанной системы стало увеличение числа присвоений и растрат должностными лицами нормируемых продуктов [2]. В связи с этим 22 января 1943 года было принято постановление ГКО СССР «Об усилении борьбы с расхищением и разбазариванием продовольственных и промышленных товаров», создавшее правовую основу для борьбы с подобными хищениями. Как нам представляется, важной особенностью указанного постановления стало не только привлечение виновных лиц к уголовной ответственности, но и обязанность полностью возместить причиненный ущерб, наложение ареста на имущество преступников.

После завершения войны произошло обострение проблемы существования огромного разрыва между санкциями за совершение преступлений против различных форм собственности. Решение указанной проблемы было достигнуто изданием ряда послевоенных указов, в которых также была продолжена тенденция усиления репрессивности наказаний за преступления

против собственности с разграничением охраны личного и общественного имущества.

Ужесточению борьбы с хищениями государственного и общественного имущества, явившихся следствием роста экономической преступности в годы послевоенной разрухи, способствовало принятие указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года [18], которым было введено широкое понятие хищения. Данное понятие охватывало растрату, присвоение, кражу и ряд иных посягательств на социалистическую собственность. *По нашему мнению, новшеством, направленным на уголовно-правовую борьбу с хищениями государственной собственности, явилось привлечение к ответственности лиц, не дошедших о преступлении указанной категории.*

Проведенный анализ развития уголовного законодательства об ответственности позволил сделать вывод, что совершенствование его в дальнейшем шло по пути усиления уголовной ответственности за хищение. Так, в частности, в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 05 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с особо опасными преступлениями» [20] за хищения социалистического имущества в особо крупном размере допускалось применение такой меры наказания как смертная казнь. Датой отмены указанной меры наказания стало 5 декабря 1991 года.

Ужесточение ответственности достигалось также посредством введения новых квалифицирующих признаков, повышающих общественную опасность некоторых видов посягательств на социалистическую и личную собственность. Данный вывод можно сделать исходя из анализа Указа Президиума ВС РСФСР от 16 января 1965 г. «Об усилении материальной ответственности за хищения государственного и общественного имущества» [20], Постановления Пленума Верховного суда СССР от 11 июля 1972 года № 4 «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества» [16],

Указа Президиума ВС РСФСР от 13 декабря 1977 г. О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РСФСР [12].

Понятие «хищения», близкое к современному получило законодательную формулировку и закрепление в Федеральном законе РФ от 1 июля 1994 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» [13] (ч. 1 изложенного в новой редакции примечания к ст. 144 УК РСФСР).

Как нам представляется, формулировка понятия хищения в указанном нормативном акте является практически идентичной формулировке понятия хищения, определенного в примечании 1 к ст. 158 УК РФ 1996 г. [31]. Отличием указанных формулировок является определение понятия хищения применительно к группе преступлений против собственности (ч. 1 примечания к ст. 144 УК РСФСР 1960 г.) и определение понятия хищения применительно к любым хищениям (примечание 1 к ст. 158 УК РФ 1996 г.).

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

1. На протяжении длительного времени в российской юриспруденции наблюдалась традиционная оценка объекта имущественного преступления как общественного отношения, а при определении понятия собственности просматривалось выделение его сущности как экономического отношения.

2. Начиная с 80-х гг. XX в. содержание собственности подлежало рассмотрению в марксистско-ленинском ракурсе, а родовым объектом преступления против собственности была признана собственность только как экономическое отношение.

3. В постсоветском периоде анализ собственности как экономической категории заметно сократился и собственность стала рассматриваться как экономическая и правовая категория.

Литература:

1. Архипов, А.В. Развитие российского законодательства об уголовной ответственности за хищения в период правления династии Рюриковичей (IX–XVI века) // Уголовная юстиция.— 2017.— № 2 (10). — С. 5.
2. Блинова В.В. Реформирование уголовного права в чрезвычайных условиях войны / Россия в условиях кризисов XIX–XX веков: сборник статей Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Русской революции 1917 г. и 75-летию начала Сталинградской битвы. В 2-х томах. Научный редактор Р.Р. Хисамутдинова. — Оренбург: Оренбургский государственный педагогический университет, 2017. — С. 86.
3. Гагулина, А.Д. Становление российского законодательства об ответственности за хищения / Социально-гуманитарное знание как катализатор общественного развития: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. — Белгород: ООО «Агентство перспективных научных исследований (АПНИ)», 2019. — С. 29.
4. Исаев М.А. Толковый словарь древнерусских юридических терминов. М.: Спарк, 2001. — С. 52.
5. Кочои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. Учебно-практическое пособие.— 2-е изд., доп. и перераб. — М., 2000. — С. 37.
6. Куйбеда, Д.И. Развитие российского уголовного законодательства об ответственности за хищение в советский период / Наука и образование на рубеже тысячелетий: сборник научно-исследовательских работ. — Кисловодск: НОО ВПО (НП) «Кисловодский гуманитарно-технический институт», 2013. — С. 188.
7. Курс советского уголовного права: Государственные преступления и преступления против социалистической собственности. В 6-ти томах: Часть особенная. Т. 4 / Меньшагин В.Д., Пионтковский А.А.; Редкол.: Пионтковский А.А., Ромашкин П.С., Чхиквадзе В.М. — М.: Наука, 1970. — С. 288.
8. Лоба, В.Е., Малахов, С.Н. Уголовное право Древней Руси XI–XII вв. (по данным Русской правды). — Армавир: Армавирский государственный педагогический университет, 2011. — С. 89.

9. О борьбе со спекуляцией, хищениями в государственных складах, подлогами и другими злоупотреблениями по должности в хозяйственных и распределительных органах: декрет СНК от 21 октября 1919 г. // СУ РСФСР.— 1919.— № 53. — Ст. 504.
10. О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.»): Постановление ВЦИК от 01 июня 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.
11. О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.»): Постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 г. (в ред. от 27 апреля 1959 г.) // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.
12. О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РСФСР: Указ Президиума ВС РСФСР от 13 декабря 1977 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1977. № 51. Ст. 1217.
13. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: Федеральный закон от 01 июля 1994 г. № 10-ФЗ (в ред. от 18 декабря 2001 г.) // СЗ РФ. 1994. № 10. Ст. 1109.
14. О квалификации некоторых видов кражи личного имущества граждан в условиях военного времени: постановление Пленума Верховного суда СССР от 8 января 1942 г. № 1/1/у // Социалистическая законность. 1942. № 2. С. 30–31.
15. О мерах борьбы с хищениями из государственных складов и должностными преступлениями, способствующими хищениям: декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 1 июня 1921 г. // СУ РСФСР.— 1921.— № 49.
16. О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. № 4 // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924–1973, 1974.
17. Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности: Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 07 августа 1932 г. // СЗ СССР. 1932. № 62. Ст. 360.
18. Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества: Указ Президиума ВС СССР от 04 июня 1947 г. // Ведомости ВС СССР. 1947. № 19.
19. Об усилении борьбы с особо опасными преступлениями: Указ Президиума ВС СССР от 05 мая 1961 г. // Ведомости ВС СССР. 1961. № 19. Ст. 207.
20. Об усилении материальной ответственности за хищения государственного и общественного имущества: Указ Президиума ВС РСФСР от 16 января 1965 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1965. № 4. Ст. 83.
21. Об установлении усиленной ответственности для лиц, виновных в хищении грузов во время перевозки их: декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 1 сентября 1921 г. // СУ РСФСР.— 1921.— № 62.
22. Повесть временных лет / пер. с древнерусского Д.С. Лихачева. СПб.: Вита Нова, 2012. — С. 26.
23. Потёмкина, М.Н., Филатов, В.В. Применение закона «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и коопераций и укреплении общественной (социалистической) собственности» в уральской деревне в 1932–1933 годах // Вестник Удмуртского университета 2018. — Т. 28. — Вып. 4. — С. 542.
24. Российское законодательство X–XX веков: Тексты и коммент. В 9 т. / Под общ. ред. и с предисл. О.И. Чистякова. — Т. 2. — М.: Юрид. лит., 1984–1994. — С. 54–62.
25. Свод законов Российской империи [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://civil.consultant.ru/code/>
26. Солина, О.А. Развитие ответственности за хищения государственной собственности после 1917 года // Вестник Нижегородской академии МВД России.— 2016.— № 4 (36). — С. 263.
27. Сталин И.В. Вопросы ленинизма.— 11-е изд. — М.: Госполитиздат, 1945.— 611 с.
28. Сталин И.В. Сочинения. — Т. 13. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. с. V–X.
29. Таганцев, Н.С. Уголовное уложение. 22 марта 1903 г. — С.-Петербург, типография М. Меркушева, 1911 г. — С. 37.
30. Уголовное уложение 1903 года // Вестник Университета имени О.А. Кутафина.— 2017.— № 7. — С. 222-С. 245.
31. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 02.08.2019 г. № 308-ФЗ) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; 2019, № 31. Ст. 4467.
32. Уголовный кодекс РСФСР 1960 года (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.
33. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года.— 6-е изд., пересмотр. и доп. — С.-Пб.: Изд. Н.С. Таганцева, 1889.— 775 с.
34. Филаненко, А.Ю. Законодательное определение понятия хищения чужого имущества: исторический и теоретический аспект // Право и государство: теория и практика.— 2012.— № 2 (86). — С. 80.
35. Филаненко, А.Ю. Присвоение и растрата. Теоретическое обоснование её декриминализации // Право и государство: теория и практика.— 2018.— № 3 (87). — С. 118.
36. Эриашвили, Н.Д. Периодизация истории развития уголовного законодательства России о присвоении и растрате чужого имущества // Вестник экономической безопасности.— 2015.— № 6. — С. 126.
37. Эриашвили, Н.Д. Уголовное законодательство о присвоении и растрате чужого имущества в советской России // Закон и право.— 2015. № 7. — С. 112.

Теоретический анализ правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации

Гавриленко Наталья Михайловна, студент магистратуры
Астраханский государственный университет

В статье автор пытается провести теоретический анализ правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации, рассматривает права и ограничения для иностранных граждан и лиц без гражданства, пребывающих в Российской Федерации.

Ключевые слова: права, ограничения, иностранные граждане.

Миграция — важный аспект в жизни государства. Иностранные граждане играют важную роль в экономическом и демографическом положении внутри государства. Положение иностранных граждан и лиц без гражданства регламентировано Конституцией Российской Федерации [1] и Федеральным законом ФЗ-115 «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» [2]. Конституция Российской Федерации устанавливает равенство иностранных граждан и лиц без гражданства с гражданами Российской Федерации, за исключением случаев, предусмотренных законодательством Российской Федерации. Наличие у гражданина иного гражданства не умаляет его прав и обязанностей в Российской Федерации.

Страны, иностранные граждане которых могут прибыть в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы — страны ближнего зарубежья и бывшего СССР. Граждане стран дальнего зарубежья могут прибыть в Российскую Федерацию посредством приглашения и последующего оформления визы для въезда.

Иностранные граждане, находящиеся в Российской Федерации делятся на временно пребывающих иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации, временно проживающих и постоянно проживающих. В юридической литературе выделяют еще четвертую категорию иностранных граждан и лиц без гражданства: незаконно пребывающие. Незаконно пребывающие иностранные граждане и лица без гражданства не имеют разрешения на пребывание либо проживание на территории Российской Федерации.

Временно пребывающие иностранные граждане и лица без гражданства подлежат постоянному надзору со стороны исполнительных органов — иностранный гражданин или лицо без гражданства, прибывшие в Российскую Федерацию подлежат постановке на миграционный учет по месту пребывания в течение 7-ми рабочих дней с момента пересечения границы Российской Федерации.

Иностранный гражданин или лицо без гражданства не может самостоятельно менять место своего пребывания. Во время пребывания на территории РФ, иностранный гражданин вправе осуществлять трудовую деятельность в Российской Федерации на основании патента или разрешения на работу — документов, дающих право иностранному гражданину работать на территории РФ.

В случае наличия у иностранного гражданина или лица без гражданства разрешения на временное проживание, он под-

лежит постоянной регистрации по месту жительства на срок действия разрешения на временное проживание. Разрешение на временное проживание выдается сроком на 3 года, иностранный гражданин вправе находиться в Российской Федерации без выезда до истечения срока действия разрешения. Документ даёт право работать без патента и разрешения на работу, но ограничивает иностранного гражданина или лицо без гражданства в выборе места проживания и работы — проживание и трудовая деятельность должны быть в регионе получения разрешения на временное проживание. Одновременно с разрешением на временное проживание иностранному гражданину дальнего зарубежья оформляется виза на срок действия разрешения.

Постоянно проживающий в Российской Федерации иностранный гражданин — лицо, получившее вид на жительство. Постоянно проживающие имеют национальные документы или вид на жительство. Это наиболее желанный статус для иностранца на территории России. Они свободно выбирают место жительства в Российской Федерации. Особую категорию постоянно проживающих составляют получившие политическое убежище в Российской Федерации. Их правовое положение дополнительно регулируется Указом Президента Российской Федерации от 21 июля 1997 года № 746. Кроме вида на жительство им выдается еще свидетельство о предоставлении политического убежища. Они имеют право свободно выбирать место жительства в Российской Федерации. Вид на жительство иностранного гражданина или лица без гражданства является бессрочным документом.

Таким образом, для каждой из перечисленных выше первых трех категорий предусматриваются особые основания пребывания или проживания в Российской Федерации. Так, для временно пребывающих иностранцев, как правило, необходима въездная виза (п. 1 ст. 5 ФЗ). Для временно проживающих граждан — разрешение на временное проживание (п. 1 ст. 6 ФЗ). А иностранцам, входящим в третью группу, закон предписывает иметь вид на жительство (п. 1 ст. 8 ФЗ). Итак, проблемы иностранных граждан и лиц без гражданства сегодня стали неотъемлемым атрибутом демократичности и открытости российского общества, свидетельством установления Россией принципиально новых отношений с государствами мирового сообщества и все более усиливающегося проявления демократического и гуманного отношения к человеку вообще, вне зависимости от его национальности и наличия гражданства.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета.— 1993.— 25 декабря.
2. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (принят ГД ФС РФ 21.06.2002).
3. О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации: Федеральный закон от 18.07.2006 № 109-ФЗ (принят ГД ФС РФ 30.06.2006) //СЗ РФ.— 2006.— № 30. — Ст. 3285.
4. О беженцах: Федеральный закон от 19 февраля 1993 г. № 4528-1 (в ред. от 18.07.2006 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации.— 1993.— № 12. — Ст. 425.
5. Об утверждении Положения о порядке предоставления Российской Федерацией политического убежища: Указ Президента РФ от 21 июля 1997 г. № 746 (в ред. от 21.07.1997 г.) //СЗ РФ.— 1997.— № 30. — Ст. 3601.
6. Макарейко Н. В. Административное право / Н. В. Макарейко. — М.: Юрайт-Издат, 2005.
7. Попов Л. Л. Административное право: учебник для вузов / Л. Л. Попов. — М.: Юристъ.

История развития законодательства об уголовной ответственности за мошенничество

Гаджиомаров Рамазан Салавудинович, студент

Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В данной статье проводится анализ исторических аспектов становления уголовно-правовых норм, регулирующих ответственность за мошенничество в России. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что в России значимость борьбы с мошенничеством осознавалась на всех этапах исторического развития. Уголовная ответственность за совершение обмана существует очень давно и отношение к структуре этого преступления менялось в процессе развития. Этот исторический опыт говорит о необходимости разработки гибких методов борьбы с новыми видами мошенничества.

Ключевые слова: преступление, мошенничество, обман, злоупотребление доверием, квалификация мошенничества, уголовная ответственность.

Актуальность исследования ответственности за мошенничество обусловлена тем фактом, что имущественные отношения в ходе экономических преобразований в России усложняются. Эти изменения диктуют своевременную необходимость в более точных толкованиях имущественных преступлений.

Важную роль в современных подходах к квалификации мошенничества играют исторические аспекты, которым посвящена данная статья.

Применение историко-правового метода, являющегося основным для историко-юридических наук, позволяет осуществить анализ особенностей закрепления ответственности за мошенничество в отечественном законодательстве на разных этапах развития.

В наиболее ранних памятниках права не содержится указаний на мошенничество. Известными эти деяния так и не стали, что, конечно же, было обусловлено, как политическим, так и общественным устройством страны. О мошенничестве не говорилось ни в одном нормативно-правовом акте того периода. Тем не менее, в Пространной редакции Русской Правды (точнее говоря, в ее статье 116) можно было встретить в некотором роде прообраз обмана, в том числе, здесь непосредственно говорилось о таком обмане, при помощи которого человек, находившийся в крепостнической зависимости, совершал хищение определенного имущества, которое принадлежало потерпевшему человеку [5, С. 143].

Что касается Судебника 1497 года, то в его статье 55 содержались такие положения, которые регулировали отношения, складывавшиеся между лицом, выступающим в качестве кредитора, и лицом, выступающим в качестве должника. Указанная выше статья не предусматривала наступление неблагоприятных последствий для должника, который намеренно заемный капитал обратил в собственную пользу.

Если говорить о таком нормативно-правовом акте, как Великокняжеский судебник, то он содержал в себе положения, которые касались ответственности лица, выступающего в качестве должника, исходя из умысла в совершаемых им действиях.

Такой нормативно-правовой акт как Судебник 1550 года криминализировал все напрямую связанные с обманом деяния. Стоит сказать, что обман рассматривался здесь как такой способ, который упрощал совершение кражи (иначе говоря, табы).

В Судебнике 1589 г. была осуществлена последующая регламентация юридической ответственности виновных лиц за совершение ими мошенничества. Согласно положениям статьи 112 этого Судебника ответственность возлагалась также на лицо, которое планировало приобрести имущество по более низкой стоимости (а не только на того лица, которым был совершен обман). Нужно сказать, что этот законодательный подход обуславливался следующим: данное лицо понимало, что стоимость получаемого им имущество является более вы-

сокой, и, вместе с тем, он принял данные условия, иначе говоря, данное лицо само себя дало возможность обмануть, стремясь нелегальным способом пополнить свой капитал [2, С. 29].

В статье 11 и в статье 15 такого нормативно-правового акта, как Соборное уложение 1649 года, анализируемое нами деяние рассматривается с точки зрения насильственной, принудительной татьбы, которая была совершена путем обмана.

Рассматривая научное определение понятия мошенничество, в соответствии с нормами Судебника 1550 года и Соборного уложения 1649 года, стоит отметить, что оно не было должным образом сформировано. И. Я. Фойницкий и М. И. Сизиков считают, что в этом аспекте «мошенничество представляет собой мелкую карманную кражу (от слова »мошна« — карман)».

Некоторые ученые утверждают следующее: в связи с тем, что в Судебнике 1550 года такое понятие, как «мошенник», стоит неподалеку от такого понятия, как «обманщик», то, таким образом, это преступное деяние целесообразно будет расценивать в качестве кражи чужих вещей за счет совершения обманных действий. То есть, указанное преступное деяние в этой ситуации расценивается как татьба. А что же касается обмана, то он в этой ситуации не выступает в качестве признака, который образует состав рассматриваемого нами преступного деяния, в связи с тем, что за его совершение было установлен другой вид наказания.

Итак, можно увидеть, что Судебник 1550 г. криминализировал такие противоправные действия, которые непосредственно были связаны с обманом. Нужно сказать, что составы преступных деяний в Судебнике 1550 года были разграничены следующим образом: мошенничество и татьба.

Стоит сказать также, что обман рассматривался здесь как такой способ, который упрощал совершение кражи (иначе говоря, татьбы) [3, С. 101].

В Соборном уложении 1649 г. были криминализированы следующие противоправные деяния виновных лиц: несоблюдение установленных правил торговли, умышленное (намеренное) уклонение виновных лиц от своевременной и полной уплаты установленных пошлин, подделка денежных знаков, контрабанда, и так далее. Отметим, что ответственность за совершение мошенничества наступала согласно положениям статьи 11 Соборного уложения 1649 года, тем не менее, здесь не давалось полного определения такого понятия, как обман.

Рассматривая отечественную историю правовой науки, можно выделить, что в Древнерусском государстве этого периода начала повсеместно распространяться торговля, которой занимались даже сановники как утверждали проезжающие иностранцы в XVI–XVII веках. Дальнейшее развитие законодательства, предусматривающего ответственность за мошенничество, связано с принятием в 1715 году Артикула Воинского Петра I. Данный документ не отменял Соборное уложение 1649 года, а применялся наряду с ним.

Законодательное определение данного термина можно было встретить в статье 5 Указа от 03.04. 1781 года. В этом определении есть признаки таких противоправных незаконных действий, как грабеж, кража, которые совершались виновными лицами за счет разбоя, либо за счет обмана. Тем не менее, в

официальном закреплении данного определения позитивный аспект состоит в следующем: был установлен главный признак мошенничества — иначе говоря, это совершение обманных действий, как метод перехода тех или иных ценностей законного собственника к виновному лицу. Конечно же, названный выше признак данного преступного деяния и на сегодняшний день отделяет его от иных разновидностей такого противоправного действия, как хищение [4, С. 851].

Что касается Уложения 1845 года, то этим нормативно-правовым актом были введены такие положения, которые предусматривали юридическую ответственность виновных лиц за мошенничество, которое было совершено указанными лицами в области страхования. Преступные деяния в данной области по Уложению 1845 года относятся к следующим противоправным деяниям виновных лиц: совершение деяний, совершенных в ходе выполнения своих служебных должностных обязанностей (ст. 294 Уложения 1845 года), совершение специальных преступных деяний (к примеру, ст. 1202 Уложения и т. д.). Первая группа преступлений в качестве своего субъекта определяла должностных лиц (специальный субъект преступления). Характерная особенность другой группы преступных деяний (специальных преступных деяний) состояла в наличии умышленной формы вины, кроме такого преступного деяния, которое было предусмотрено в нормах части 2 статьи 1681 названного выше нормативно-правового акта — это преступное деяние совершалось преступниками в форме легкомыслия.

В результате крестьянской реформы в 1861 году в Российской империи было отменено крепостное право, что послужило толчком к развитию капиталистических отношений. Страховой рынок в нашей стране на рубеже XIX–XX столетий являлся важной структурной составляющей финансово-кредитной сферы. Стоит сказать здесь о том, что государственная деятельность в конце XIX столетия ориентировалась на обеспечение устойчивой работы данного рынка, беря во внимание, при этом, очень большую важность страхования в общественном воспроизводстве. Нужно также отметить, что страховое дело в нашей стране в конце XIX столетия стало независимой сферой хозяйственного законодательства. Как следствие, возникла закономерная необходимость охраны общественных отношений в указанной сфере уголовно-правовыми средствами, что обусловило дальнейшее развитие уголовного законодательства [6, С. 24].

В частности, законодатель в ст. 1195 Уложения 1845 г. предусмотрел уголовную ответственность, к примеру, за совершение виновными лицами подлога либо за совершение ими обмана. В ст. 1196 данного нормативно-правового акта предусматривалась уголовная ответственность виновных лиц за намеренное истребление ими своих или застрахованных строений, сооружений, речных и морских судов, или тех или иных видов продукции. Вместе с тем, предусматривалась также и ответственность виновных лиц за намеренное уничтожение груза, находившегося на судне, пищевой продукции, а также за следование в неправильном направлении для дальнейшей конфискации корабельного судна. Нужно отметить, что уголовная ответственность в этой ситуации непосредственным образом возлагалась на корабельщика, которым были совершены ука-

занные действия (намеренное уничтожение груза, находившегося на судне, пищевой продукции, а также за следование в неправильном направлении для дальнейшей конфискации корабельного судна), либо для того, чтобы осуществить какой-то иной подлог [1, С. 64].

Итак, характерная особенность уголовной политики нашей страны в конце 19 столетия относительно противозаконных деяний, совершаемых в страховой области, состояла в следующем: криминализация в страховой области таких преступлений, которые приводили к возникновению ущерба для названного выше общества. Иначе говоря, криминализировались преступления, имевшие наибольший уровень опасности для гражданского общества того периода времени.

Определение такого понятия, как мошенничество, которое было подробно раскрыто в Уложении 1845 году, применялось также и в первой половине 20 столетия, точнее говоря, в Уложении 1903 года. Предметом мошенничества, согласно положениям российского законодательства, которое действовало в то время, являлось лишь движимое имущество. Что касается обмана, то оно положениями дореволюционного законодательства, рассматривалось как способ совершения мошенничества. Динамичное развитие рынка страхования обусловило возникновение новых видов страхования, в частности, появилось транспортное страхование судов и грузов, личное страхование, имущественное страхование. Тем самым расширение рынка страховых услуг стало причиной возрастания преступности в этой сфере.

Таким образом, к концу XIX века отечественное уголовное законодательство занимает уже определенную позицию в отношении мошенничества. Произошло отделение его от кражи и других хищений.

С началом первой мировой войны 1914 года и последующими революционными потрясениями, страховое дело подверглось существенным коррективам, в частности оно было национализировано советской властью, взявшей под государственный контроль все виды страхования и установившей таким образом государственную монополию в страховом деле.

Денежная форма государственного имущественного страхования была полностью отменена Декретом Совнаркома, принятым 18.12.1920 года. Вместо нее осуществлено установление бесплатной государственной натуральной помощи пострадавшим из-за стихийных бедствий хозяйствам.

После введения новой экономической политики государству потребовалось приложить существенные усилия при реализации реформ. В связи с этим 6 октября 1921 года был принят Декрет Совнаркома «О государственном имущественном страховании». Принятие указанного декрета стало началом фактического восстановления и дальнейшего развития в стране государственного имущественного страхования.

С 1928 года на этапе массовой коллективизации посредством имущественного страхования реализовывались имущественные цели. Политика государства сводилась к дифференциации и установлению тарифов страхования исходя из доходности хозяйств. Рынок страхования с 1930 по 1940 годы интенсивно развивался по причине появления коллективного страхования. Страхование приостанавливалось на период Ве-

ликой отечественной Войны и на военные нужды расходовались денежные средства из резерва.

Советское уголовное законодательство оказалось не в состоянии обезопасить граждан от новых видов обмана. Общественную опасность мошенничеств, совершаемых в банковской сфере, показывает размер ущерба, причиненного ими.

Далее с развитием рыночных отношений стало возможно появление новых видов мошенничества. Принятие в 1990 году Постановления «О мерах по демополизации народного хозяйства» предоставило возможности для функционирования негосударственных страховых организаций. Документ был направлен на создание на страховом рынке необходимых условий для осуществления деятельности конкурирующих между собой государственных, акционерных, взаимных и кооперативных обществ.

Появление различного рода страховых услуг, введение массового и рискованного страхования ОСАГО спровоцировало в определенный момент распространение мошенничества в страховании. Службами безопасности страховщиков при борьбе со страховыми мошенниками применялась 159 статья УК РФ, которая предусматривает уголовную ответственность за приобретение права на чужое имущество либо хищение чужого имущества посредством злоупотребления доверием или обмана.

Только в 1992–1995 годах отмечается более 1000 уголовных дел по мошенническим аферам на сумму в пределах 600 миллиардов рублей, совершенным с использованием фальшивых межбанковских платежных поручений. Очень большой резонанс имели дела о «финансовых пирамидах». К концу 1995 года было зафиксировано несколько сотен тысяч «пирамид», большая часть которых функционировали всего несколько месяцев. Всего на данном этапе оказались обмануты почти 30 млн человек. Следствием этого, возможно, стало такое событие, как провал нашей экономики в начале августа 1998 года, вследствие неспособности страны оплатить собственные долговые обязательства.

Как видим, история показывает, что мошенничество еще с древних времен является преступлением, которое появляется среди наказуемых действий при существенном развитии экономического оборота. Общество с натурально-общинной формой хозяйствования не знало имущественных обманов. То есть, при экономике в ее ранней стадии развития, мошенничество не является типичным преступлением.

Таким образом, можно сделать вывод, что в России значимость борьбы с мошенничеством осознавалась на всех этапах исторического развития. Уголовная ответственность за совершение обмана существует очень давно и отношение к структуре этого преступления менялось в процессе развития. Этот исторический опыт говорит о необходимости разработки гибких методов борьбы с новыми видами мошенничества. В преступную деятельность вовлекается всё большая доля населения, а затем количественные изменения преступности сопровождаются качественными изменениями, увеличивая общественную опасность и организованность преступности.

Таким образом, можно сделать выводы по результатам анализа истории уголовной ответственности за мошенничество в России:

– возникновение уголовных норм за мошенничество связано со стремительным развитием экономических отношений;

– долгое время, начиная со второй половины XVI века и до XIX века, мошенничество рассматривалось в России как разновидность кражи или иных форм хищений. Постепенно обособляясь от них, мошенничество выделяется в качестве одной из форм хищения;

– первоначально только обман вошел в перечень способов завладения имуществом, который впоследствии был дополнен за счет злоупотребления доверием; предмет мошенничества расширен за счет недвижимого имущества и имущественных прав;

– унифицирована ответственность за мошеннические посягательства на различные формы собственности.

Литература:

1. Бакрадзе А. А. Злоупотребление доверием как способ совершения мошенничества / А. А. Бакрадзе // Российский следователь.— 2018.— № 24. — С. 62–65.
2. Евтушенко И. И. Отдельные вопросы теории и практики квалификации мошенничеств. / И. И. Евтушенко. // Вестник Краснодарского университета МВД России. — Краснодар.: Краснодарский университет МВД России.— № 2(36).— 2017. — С. 27–31.
3. Сидорова О. Д. Борьба с мошенничеством в России в период XIX–XX веков / О. Д. Сидорова. // Государство, право, общество: проблемы взаимодействия (политология, юридические науки, история, религиоведение, социология) Сборник статей III Международной научно-практической конференции. Под ред. Н. Г. Карнишиной. 2016. — С. 98–102.
4. Тимофеева А. А. Мошенничество в предпринимательской деятельности: генезис криминализации экономики. // Вопросы российской юстиции.— 2019.— № 3. — С. 849–857.
5. Фефлов И. В. Происхождение и развитие российского и зарубежного законодательства о мошенничестве / И. В. Фефлов // Территория науки.— 2014.— № 4. — С. 141–152.
6. Южин А. А. Мошенничество и его виды в российском уголовном праве. / А. А. Южин. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. — М.: 2016.— 35 с.

К вопросу о концепте электронного правосудия в Российской Федерации

Гертнер Анастасия Вячеславовна, студент магистратуры
 Научный руководитель: Ефимова Влада Владиславовна, кандидат юридических наук, доцент
 Российский государственный университет правосудия (г. Москва)

В статье раскрывается понятие и основные компоненты электронного правосудия в Российской Федерации. Сделан вывод о том, что четкого определения термина «электронное правосудие» в российской науке не имеется, а существующие понятия не охватывают все признаки электронного правосудия в цивилистическом процессе. Представленные определения характеризуют термин исключительно по одному его элементу, в то время как информационно-коммуникационные технологии охватывают большую часть формальной стороны правосудия.

Ключевые слова: электронное правосудие, электронный документ, транспарентность судопроизводства, системы искусственного интеллекта.

On the concept of electronic justice in the Russian Federation

The article examines the concept and basic electronic justice in the light of the judicial reform carried out in the Russian Federation. The conclusion is made that there is no clear definition of the term «e-justice» in Russian science, and the existing concepts do not cover all the signs of electronic justice in the civil law process. The presented definitions characterize the term exclusively in one of its elements, while information and communication technologies cover most of the formal side of justice.

Keywords: e-justice, electronic document, transparency of legal proceedings, artificial intelligence systems.

Мир вокруг нас непрерывно меняется. Революционная эволюция информационной среды кардинально меняет окружающую реальность. Новые технологии властно вторгаются не только в область производства, коммерции, военную

сферу, но и в повседневную жизнь миллиардов людей по всей планете. Цифровая экономика, онлайн-торговля, удалённый контент, облачные технологии, электронное правительство — реалии электронного документооборота. Как видим, информа-

ционная и коммуникационная революция сегодня определяет развитие самых разных социальных взаимодействий. В этом контексте и система правосудия не может оставаться в стороне от этих трендов. Концепт электронного правосудия (e-justice — в зарубежных странах) выступает тому наиболее ярким подтверждением (иллюстрацией).

На сегодняшний день электронные системы проникли в каждый аспект жизни современного человека. В настоящее время никого не удивляют электронные взаимоотношения между органами государственной власти по электронной почте (e-mail), обменом информации через официальные интернет-страницы (web сайты), подписание договоров и согласование существенных условий по средствам IT-технологий.

Правосудие исторически относится к числу важнейших элементов государства, осуществление которого связано с правильной организацией функционирования судебной власти. В 2009 году Совет Европы издал рекомендации по улучшению «электронной демократии», которые направлены на развитие электронной демократии, редактирование имеющихся нормативно-правовых актов и адаптации их к стремительно развивающейся электронной системе. IT-инструментарий даёт возможность оптимизации судебных процедур, что, в свою очередь, закономерно способствует повышению эффективности отправлению правосудия.

Российская судебная система находится в начальной точке развития электронных инноваций в судебной системе. В настоящий момент электронные системы привлекательны для пользователей своей простотой и доступностью, а также тем потенциалом и возможностями, которые они предоставляют.

Технологические потребности социума требуют от судебной системы адаптации к требованиям информационной и цифровой революции, к внедрению в процесс новейших диджитал-технологий. В этом контексте появилась необходимость разработки соответствующего понятийно-категориального аппарата. Так образовались термины: «электронное государство», «электронное правительство», «электронное правосудие». В конституционном аспекте данные термины являются критерием эффективности социальной среды и предоставлением со стороны государства реальной возможности реализации современной (максимально эффективной) защиты прав/свобод человека посредством правосудия.

Современный участник судебного разбирательства требует от судебной системы верховенства права (Rule of Law), справедливости, прозрачности, эффективности, результативности, экономичности, мобильности, гласности. В этом контексте электронное правосудие является не только средством для отправления правосудия, но и регулятором отношений между всеми участниками судебного процесса вне зависимости от уровня и судебной инстанции.

В настоящее время концепт электронного правосудия не имеет официальной нормативной дефиниции. Действующее законодательство соответствующего определения не содержит. Такую дефиницию находим на подзаконном уровне и в программно-идеологических документах. Так, в постановлении Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–

2020 годы» [10] концепт электронного правосудия определяется посредством ряда последовательных мероприятий, функционально-целевое предназначение которых связано с внедрением «электронных» элементов в российское судопроизводство, включая материально-техническое оснащение судов, способное надлежаще обеспечить бесперебойное функционирование соответствующих программных продуктов и информационно-коммуникационных технологий.

Согласно Концепции развития информатизации судов до 2020 года, утверждённой Постановлением Президиума Совета судей РФ от 19.02.2015 № 439: концепт электронного правосудия представляет собой ничто иное, как способ и форму реализации процессуальных действий, которые основаны на использовании информационных технологий в деятельности судов, включая взаимодействие судов, граждан и организаций в электронных (цифровых) форматах. На наш взгляд, весьма принципиальна здесь программно-идеологическая установка на регламентацию совершения надлежащих действий через автоматизированные информационные системы со стороны закона, то есть обретение ими определённой процессуальной формы.

Анализ доктринальных источников показал, что единого, унифицированного определения концепта электронного правосудия в правовой науке не выработано. Отсутствие легальной дефиниции рассматриваемого термина в российском законодательстве повлекло за собой весьма различные предложения по его толкованию. Различные авторы вкладывают в это понятие свои признаки и атрибуты.

Так, по мнению Н. Н. Федосеевой, концепт электронного правосудия связан с совершением процессуальных действий участниками судопроизводства «в цифровой форме» [8].

Анализируя информационные технологии в судебной системе Сингапура, И. Ю. Носков полагает, что термин «электронное правосудие» означает все возможные способы отправления правосудия с использованием технических средств цифровой обработки данных [7].

Электронное правосудие, констатирует Ю. А. Жданова, нужно рассматривать в максимально широком значении, включая в это понятие разнообразный массив автоматизированных информационных инструментов (информ-площадки, публикующие данные судебных дел, ведущие «электронные дела», предоставляющие доступ участникам процесса к судебным материалам, и т. д.) [4].

В свою очередь с. Ю. Шараевым справедливо подчёркивается, что электронное правосудие представляет собой особую форму осуществления судопроизводства, которая базируется на применении цифровых технологий [9].

Как видно из приведённых определений, чёткого определения термина «электронное правосудие» в российской науке не имеется, а существующие понятия не охватывают все признаки электронного правосудия в цивилистическом процессе. Представленные определения характеризуют термин исключительно по одному его элементу, в то время как информационно-коммуникационные технологии охватывают большую часть формальной стороны правосудия.

По мнению автора наиболее подходящее определение даётся в трудах Е. А. Артеховой, которая определяет электронное

правосудие как «совершение процессуальных действий в цифровой форме» [11]. При этом, представленная автором дефиниция также не раскрывает все аспекты электронных систем в российском цивилистическом судопроизводстве.

По мнению В. А. Лаптева и Н. И. Соловяненко, единственное и безусловное различие традиционного и электронного правосудия между собой связано с использованием цифрового инструментария в процессе судопроизводства (точнее говоря, авторы имеют в виду — отправление правосудия) [6]. Тем самым, обоснованно полагают В. А. Лаптева и Н. И. Соловяненко в той же монографии, концепт электронного правосудия следует рассматривать в контексте деятельности судов по отправлению правосудия с применением информационнокоммуникационного инструментария, которым, в частности, обеспечивается электронный документооборот, формируются электронные дела и архивы, обеспечивается удалённая доступность к материалам судебных дел, в том числе — и в онлайн-режимах.

Акцентируем внимание, что ряд специалистов, на что указывает, в частности, Ш. Ш. Гасанадзе, допускают отождествление «электронного правосудия» с «электронным судопроизводством», причём — и в терминологическом (категориальном), и в содержательном контекстах [3]. При этом в доктринальных источниках встречается как узкий, так и широкий подходы. Широкий подход предполагает, что электронное правосудие (читай, электронное судопроизводство) суть комбинация разнообразных автоматизированных информационных продуктов — сервисов, позволяющих обнародовать материалы судебных дел (прежде всего, речь идёт о судебных актах, разрешающих споры по существу), вести «электронные дела», обеспечивать доступность релевантной информации для участников процесса в удалённом и онлайн-режимах. С позиций узкого подхода концепт электронного правосудия ограничен возможностью участников процесса влиять (инициировать) начало и ход судебных разбирательств (напр., через подачу исков и иных документов в суд в электронном виде или путём участия в судебных заседаниях по видеоконференцсвязи) [5].

Анализ доктринальных источников позволяет сделать обоснованный вывод, что подавляющим большинством специалистов (напр., Е. В. Базилевских, И. А. Блинков, Д. Х. Валеев, А. Н. Гулемин, А. Е. Солохин, А. П. Яковлева, и мн.др.), работающих над проблемами электронного правосудия, последнее рассматривается как относительно новая форма судопроизводства, которая базируется на использовании цифровых информационных и коммуникационных технологий, функционально-целевое предназначение которой — обеспечить наиболее полную реализацию принципов гласности, транспарентности, доступности и, в конечном счёте, справедливости и эффективности правосудия.

Полагаем, термины «электронное правосудие» и «цифровое правосудие» все же нельзя отождествлять. Действительно, применительно к «электронному правосудию» мы подразумеваем свойства носителей информации, в то время как применительно к «цифровому правосудию» — форму наличного существования (объективации) информации. В этом контексте, на наш взгляд, электронное правосудие суть важнейший этап на пути к собственно цифровому правосудию. В качестве на-

глядной иллюстрации приведём точку зрения Я. В. Антонова, который выделяет ряд базовых атрибутивных признака, которые должны быть присущи системе электронного правосудия, а именно:

- удалённый доступ к информационным контентам, связанным с функционированием судебной системы,
- «электронизация» судопроизводства путём фактической замены «физически-материальных» взаимоотношений участников «электронными» (в этом контексте, Я. В. Антоновым даже используется новаторский термин «дематериализация» судебного процесса),
- активное использование системы видеоконференцсвязи [1].

При этом Я. В. Антонов допускает, что на любой стадии процесса технические средства могут иметь как цифровой, так и аналоговый характер. Разумеется, стратегическое направление состоит в том/, чтобы всячески продвигать приоритетность именно цифровому инструментарю, так как указанные средства позволяют в максимальной степени задействовать возможности и преимущества виртуальной сети Интернет.

Предлагаем на законодательном уровне официально закрепить понятие электронного правосудия в цивилистическом процессе в широком смысле, а именно: как совокупность межведомственных электронных систем, основанных на новейших достижениях информационных технологий, позволяющих обеспечить улучшение качества, доступности и открытости (прозрачности) работы судебной системы, включая возможность повышения юридической грамотности населения в сфере защиты законных прав и свобод.

Данное определение охватывает множество аспектов с содержательной точки зрения. Так, данное определение учитывает возможное дальнейшее развитие и переход всех ветвей власти на «электронный формат». Дальнейшее использование информационных систем будет охватывать большую часть судебного делопроизводства, процесса и защиты прав и интересов граждан.

Комитет министров Совета Европы выделяет следующие задачи электронного правосудия: улучшение качества юридических услуг по средству ускорения судебных процедур, повышение прозрачности и общего качества услуг, наличие индивидуально учитывающий права физических и юридических лиц интерфейс к законодательной и юридической информации, наличие информационных сайтов судов, национальных и международных порталов, которые должны обеспечивать развитие информационно-коммуникационных технологий, использование вспомогательных систем при отправлении правосудия, таких как видеоконференцсвязь и иные стандарты для электронного обмена информацией, легализация и повсеместное использование электронного обмена данными, как внутри системы, так и при взаимодействии с иными учреждениями как на национальном уровне, так и на международном, создание доверия к консультациям, а также адекватного восприятия информации [12, pp 46–50].

Одной из задач электронных систем в судопроизводстве — это принципиально новая модель отправления правосудия, включающая в себя отличную от привычной модели взаимо-

действия граждан и судов, судов и государства, органов исполнительной власти и судов.

Концепт «электронное правосудие» обладает явными преимуществами над системой классического судопроизводства в режиме офлайн. В литературе приводятся ряд следующих его достоинств: сокращается время и ресурсы, на подачу в суд необходимых документов, возможность более оперативно решать вопросы существенно снижает риск пропустить сроки исковой давности, многократно увеличивается интенсивность обработки/рассмотрения жалоб и протестов, как верно заметила И. В. Воронцова, кардинально возрастают возможности такого направления деятельности, как судебная статистика [2].

Значимость внедрения концепта электронного правосудия чрезвычайно велика. Взаимодействие между участниками процесса начинает происходить более обезличено, что способствует реализации таких принципов судопроизводства как беспристрастность и справедливость.

Кроме того, для современного судебного процесса внедрение указанного концепта означает: сокращение длительности судопроизводства (экономия времени), повышение транспарентности (открытости, гласности) судебного процесса, улучшение возможностей по повышению единообразия правоприменительной практики, возможность оперативного электронного документооборота между судебными инстанциями, повышение доступности судебной защиты законных прав и свобод вне зависимости от местонахождения участника процесса и его положения, возможность более тщательного и удобного анализа материалов судебной практики.

Современные программные продукты, основанные на анализе судебных актов, способствуют повышению качества юридических услуг и как следствие эффективной защите законных прав и интересов граждан.

При этом переход на автоматизацию судебного делопроизводства является лишь «упрощением» и элементом ускорения при повышении эффективности деятельности судов. Например, современное делопроизводство позволяет информировать участников процесса посредством web-сайта или СМС-оповещения. Раньше для получения информации о ходе дела, сторона была вынуждена обращаться в суд лично, что создавало дополнительную нагрузку на специалистов суда. Или, аудио-протоколирование судебного процесса, которое снижает количество заседаний по представлению замечаний к протоколу судебного заседания.

Российская судебная система проходит этап реформирования и становления электронного правосудия, где процессуальная форма субъектов гражданского судопроизводства заменяется на дистанционную (интерактивную) и бездокументарную форму.

Акцентируем внимание, что электронные системы позволяют лицам с ограниченными возможностями, или лицам, проживающим в отдаленных, от судов местностях, защищать свои законные права и интересы. Возможность удаленного участия в судебном процессе позволяет обеспечить гарантированное Конституцией РФ право на доступ к правосудию.

Для цивилистического процесса электронные системы означают изменение роли суда в жизни общества. Граждане по-

лучают правовые знания, повышается уровень правовой культуры и правосознания нашего общества при обращении к web-сайтам судов.

Разумеется, внедрение информационных технологий и использование электронных процедур, включение новых способов и форм гражданского и арбитражного судопроизводства, влекут за собой не только новые возможности, но и являются основой для возникновения новых проблем и вызовов (напр., в части исследования электронных доказательств).

Таким образом, электронное правосудие в цивилистическом процессе — это деятельность по отправлению правосудия и участию в судебном процессе посредством электронных систем (информационных технологий). Дальнейшее использование информационных систем должно охватывать большую часть судебного делопроизводства, процесса и защиты прав и интересов граждан. К сожалению, концепт электронного правосудия не имеет официальной дефиниции.

Последовательная эволюция электронного правосудия представляет собой не сиюминутную прихоть руководства страны, но выступает веянием времени, обусловленным цифровой и информационной революцией, и, соответственно, повсеместной активизацией информационно-коммуникационных технологий. В процессе практического внедрения элементов электронного правосудия трансформируются формы судопроизводства, радикально повышается прозрачность, транспарентность судебного процесса, облегчается доступность правосудия, упрощаются процедуры ведения дел, эффективность их своевременного разрешения. Разумеется, национальная специфика отражается на характере и содержательных аспектах электронного правосудия в той или иной стране, включая Россию. Такую специфику определяют, в частности, территориальные масштабы страны, её государственное устройство, уровень развития судопроизводства, техническая оснащённость, развитость IT-технологий, соответствующая квалификация судей и иных участников судопроизводства, менталитет населения и т. п.

К сожалению, действующее законодательство соответствующего определения не содержит. Поэтому нужно закрепить понятие «электронного правосудия» в законодательном акте. То есть, нам представляется, что российскому законодателю необходимо официально закрепить понятие «электронного правосудия» в государственных программах развития.

Нужно изначально определить понятийно-категориальный аппарат, поскольку целый ряд релевантных терминов, пришедших из цифровой среды и носящих специализированный характер, до сих пор либо вовсе не имеют нормативно закреплённых дефиниций, либо в их правовой интерпретации присутствуют различные, подчас — даже разнонаправленные, трактовки (напр., в доктрине и судебной практике понятие электронного правосудия изначально трактовали ограничительно, отождествляя его исключительно с информатизацией деятельности судов). Например, термин «электронные системы» не находит своего законодательного закрепления.

Непосредственно на законодательном уровне, а именно процессуальными кодексами, в настоящее время подробно не регламентированы порядок и последствия обращения в суд в

электронной форме, правила обмена сторонами состязательными документами, ознакомления с материалами электронного дела, правила извещения и последствия неизвещения участников процесса в электронной форме, допустимость применения фикции извещения, порядок разрешения ходатайств, поданных в электронном виде, порядок исследования электронных доказательств, правила их оценки, возможность представления доказательств в ходе судебного заседания в формате видеоконференцсвязи и многие другие вопросы.

Указанные проблемы подлежат разрешению либо на уровне законодательства, либо путём издания новых разъяснений Верховным Судом Российской Федерации. Так, в настоящее время такая законодательная инициатива изложена в проекте Федерального закона «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и иные законодательные акты Российской Федерации» [13].

Литература:

1. Антонов Я. В. Электронная демократия как политико-правовой механизм согласования частных и публичных интересов / Я. В. Антонов // Российская юстиция.— 2017.— № 12. — С. 39–40.
2. Воронцова И. В. О соотношении понятий «электронный суд» и «электронное правосудие» / И. В. Воронцова // Правовая политика и правовая жизнь.— 2019.— № 3. — С. 167–169.
3. Гасанзаде Ш. Ш. Электронное правосудие и электронное судопроизводство / Ш. Ш. Гасанзаде // Научные горизонты.— 2019.— № 5–1 (21). — С. 118–122.
4. Жданова Ю. А. Правовая природа электронного правосудия и его место в системе институтов информационного общества / Ю. А. Жданова // Административное право и процесс.— 2015.— № 4. — С. 83.
5. Кириллов А. Е. Процессуальные основы электронного правосудия / А. Е. Кириллов // Вестник гражданского процесса.— 2018. — Т. 8.— № 1. — С. 220–228.
6. Лаптев В. А. Электронное правосудие. Электронный документооборот / В. А. Лаптев, Н. И. Соловяненко. Под общей редакцией с. Ю. Чучи. — Москва: Проспект, 2019.— 240 с.
7. Носков И. Ю. Информационные технологии в судебной системе Сингапура / И. Ю. Носков // Информационное право.— 2014.— № 2. — С. 120–122.
8. Федосеева Н. Н. Электронное правосудие в России: сущность, проблемы, перспективы / Н. Н. Федосеева // Администратор суда.— 2018.— № 3. — С. 77–78.
9. Шараев с. Ю. Электронное правосудие: итоги и перспективы / с. Ю. Шараев // Пермский юридический альманах.— 2019.— № 2. — С. 163–170.
10. Собрание законодательства Российской Федерации.— 2013.— № 1. — Ст. 13.
11. Правовые проблемы внедрения и использования электронного документооборота: Сборник материалов тематического круглого стола / Под ред. Д.В. Шибаева. — Вологда: ФГУ Вологодский ЦНТИ, 2010. — С. 9.
12. Рекомендации Комитета министров Совета Европы CM/Rec(2009) государствам-участникам Совета Европы по электронной демократии и пояснительная записка [электронный ресурс] URL: <https://publicsearch.coe.int/?lang=ru#k=рекомендации...> (дата обращения: 17.03.2020).
13. Официальный сайт Министерства Юстиции РФ. Интернет-ресурс URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/48163/> (дата обращения 05.11.2020).

К вопросу об использовании искусственного интеллекта в системе электронного правосудия: pro et contra

Гертнер Анастасия Вячеславовна, студент магистратуры
 Научный руководитель: Ефимова Влада Владиславовна, кандидат юридических наук, доцент
 Российский государственный университет правосудия (г. Москва)

В статье рассматривается проблематика использования систем искусственного интеллекта при отправлении правосудия. Сделан вывод о том, что дальнейшая эволюция судебной системы связана с развитием новых IT-технологий, снижающих потенциал для волокиты и коррупционности, повышающих доступность правосудия, его транспарентность, удобство, демократизм.

Ключевые слова: электронное правосудие, электронный документ, транспарентность судопроизводства, системы искусственного интеллекта.

On the issue of using artificial intelligence in the e-justice system: pro et contra

The article deals with the problems of using artificial intelligence systems in the administration of justice. It is concluded that the further evolution of the judicial system is associated with the development of new IT technologies that reduce the potential for red tape and corruption, increase the accessibility of justice, its transparency, convenience, democracy.

Key words: e-justice, electronic document, transparency of legal proceedings, artificial intelligence systems.

Судебная система, как демократический институт, активно развивает электронные системы, что способствует широкой транспарентности и подотчетности. Электронным правосудием охватываются разнообразные сегменты, например, электронные коммуникации, анализ Big Data, различные аспекты доступа к информационным контентам, релевантно значимым для отправления правосудия, и проч.

В этом контексте современный суд уже немыслим без компьютеризированных информационных систем и электронного документооборота. IT-технологии предоставляют возможность обращаться в судебные органы, получать достоверную информацию о ходе дела в режиме онлайн. В период коронавирусной инфекции более активно стали использоваться информационные системы, позволяющие проводить судебные заседания по видеоконференцсвязи, онлайн подача процессуальных документов и интернет извещения. Электронное правосудие повышает качество судебных услуг, включая в себя официальные веб-сайты (судов любого уровня), интернет-порталы и обновление информации по делу в режиме онлайн.

И эти процессы набирают обороты. В ближайшем будущем в каждом зале судебного заседания будет обязательная аудиозапись судебных процессов, а также автоматизированное распределение дел между судьями. В настоящее время такая возможность обеспечена только в некоторых регионах. В своём выступлении на ПМЭФ-2019, Владислав Онищенко (руководитель Аналитического центра при правительстве) озвучил инициативу о рассмотрении возможности создания программы по распределению дел по всей стране, а не только в рамках конкретного судебного органа. По мнению оратора, электронная система должна анализировать нагрузку суда и специализацию председательствующих. При этом, планируется, что программное обеспечение позволит рассматривать дела удалённо, дистанционно (системы электронного правосудия) [12].

Вопросам электронного правосудия в последние годы уделяется повышенное внимание как в научном сообществе, так и в среде практикующих специалистов. Указанная проблематика нашла отражение в трудах таких авторов, как В. К. Андреев, Ю. В. Архипова, А. Т. Боннер, Л. В. Борисова, А. П. Вершинин, В. А. Лаптев, П. Н. Морхат, М. Д. Омаров, Н. А. Петухов, В. И. Решетняк, С. В. Романенкова, Е. С. Смагина, А. В. Тищенко, М. В. Чижов, С. Ю. Чуча и др. Однако, многочисленные вопросы, связанные с концептуализацией и внедрением (апробацией) электронных систем и электронного документооборота в цивилистический процесс, в силу их новизны и повышенной сложности, до сих пор вызывают весьма острые дискуссии, споры и обсуждения. При этом особое внимание вызывает использование си-

стем искусственного интеллекта при отпращивании правосудия, которая в последние годы вызывает повышенный интерес как в научных сообществах, так и у специалистов-практиков.

Под искусственным интеллектом в специальной литературе и на практике, как правило, понимают набор концепций и технологий, с помощью которых функционируют искусственно созданные машины, способные в той или иной степени имитировать интеллектуальные возможности человека. В самом общем виде искусственный интеллект (далее — ИИ) или Artificial Intelligence представляет собой цифровую программу на базе заложенных ее разработчиками математических алгоритмов, вырабатывающей «новые» решения (т. н. машинное мышление) [1]. В данном контексте говорят об искусственной симуляции (моделировании) интеллектуальной деятельности (мышлении) человека, функционировании человеческого разума.

С точки зрения Европарламента, искусственный интеллект (ИИ) представляет собой киберфизическую (небиологическую) автономную, но нуждающуюся в материальной (энергетической) поддержке систему, которая наделена способностью получения, обмена и анализа информации, а также — способностью к самообучению на базе приобретаемых навыков (по аналогии — жизненный опыт) и взаимодействий с окружающей средой, и способностью адаптироваться к изменяющейся обстановке [13]. То есть, фактически, речь идёт о способности ИИ самостоятельно эволюционировать, развиваться.

Вопросы использования ИИ в судопроизводстве в последние годы вызывают повышенный интерес академической науки в нашей стране, и у наших зарубежных коллег [10]. При этом большинство вопросов находится в практической плоскости. Так, в Эстонии тестируют робота-судью для принятия решений по спорам, вытекающим из договорных отношений. Аналогичные программы используются или начинают использоваться во Франции, Сингапуре, Китае и других странах, однако пока, как правило, в качестве вспомогательного инструмента для анализа судебных документов [4]. В течении в 2018 года Аргентина использовала робота-судью Prometea, который на основе релевантных судебных актов, анализируемых в течении 10 секунд, выносил и оформлял решения по ряду гражданских и административных дел. Примечательно, что все вынесенные решения были утверждены местными судьями [14].

Некоторые зарубежные коллеги видят перспективу в том, чтобы — пусть и частично, но переходить к рассмотрению отдельных судебных споров искусственным интеллектом, а не судьёй-человеком [8]. Другие констатируют невозможность отделения судьи-человека от ИИ, особенно по сложным кейсам,

при этом — не отрицая целесообразности их сотрудничества, позволяющего судье-человеку контролировать ИИ; ключевым вопросом здесь выступает анализ алгоритма содействия коммуникации между искусственным интеллектом и человеком [9].

Думается, дискуссия о возможности замены судьи-человека на искусственный интеллект будет только нарастать. В качестве плюсов можно привести очевидные аргументы о беспристрастности «машинного разума», которому чужды эмоциональная неустойчивость, субъективизм, негативный личный опыт, политические, гендерные и социальные пристрастия. Машина не подвержена стрессам, не знает усталости, лишена проблем со здоровьем. И едва ли не самое главное — колоссальная пропасть между ИИ и человеческим мозгом в объёмах памяти, скорости обработки данных, поиске оптимального решения.

В то же время передача правосудия «в руки» ИИ чревата значительными рисками. Действительно, правосудие традиционно осуществляется судьей — конкретным человеком, обладающим высокими моральными качествами, являющимся специалистом высокой квалификации в области права; машина свободна от «уз морали», она вряд сможет осознать такие ценности как справедливость, совесть, этические требования, которые нередко приобретают юридически значимый характер. Кроме того, не исключена угроза кибер-атак с целью его манипуляцией искусственным интеллектом, несанкционированных вмешательств в его функционал или «вирусного заражения» со стороны хакерского сообщества. Нужно понимать, какие резонансные последствия может вызвать технические сбои в работе ИИ, осуществляющего правосудие.

Следует напомнить, что преступники постоянно совершенствуют свои «криминальные» навыки в части использования IT-технологий, подчас проявляя при этом недюжинную креативность. Примеры преступлений (особенно — мошенничество) с использованием информационных технологий освещаются новостными каналами практически ежедневно. Практически каждый встречался со взломом почтовых ящиков, баз данных, корпоративных систем, публичных сайтов и т. п. Преступники всё чаще покушаются непосредственно на электронные банковские счета, персональные данные, кражу электронных подписей. По свидетельству В. В. Апостоловой, сегодня встречаются случаи подделки и криминального дублирования веб-сайтов отдельных организаций, в том числе — государственных и муниципальных [3].

На наш взгляд, современный IT-инструментарий, подобно любому иному технологическому достижению, можно использовать как во благо, так и со злыми намерениями. Ситуация усложняется в случае судей, которые вводят мораль в закон — это сложная задача, потому что оспариваются этические ценности и истоки морали. Например, некоторые авторы полагают, что мораль имеет божественное происхождение, природы или какого-то другого трансцендентного источника. Программирование ИИ с практическим, осуждающим пониманием этих божественных или подобных Богу источников в изменяющемся человеческом обществе является чрезвычайно сложной задачей.

Более того, удивительный и непреднамеренный характер «обучения» ИИ может привести к четкой линии интерпре-

тации, своего рода «lex искусственный» [15]. В этом случае ИИ становится не просто помощником судьи, а фактически заменяет председательствующего при рассмотрении спора. С практической точки зрения, ИИ помогает людям анализировать судебную практику, оценивать риски на основе всероссийской судебной базы.

Еще один аспект в вопросе возможности полной замены судей ИИ связан с защитой и обработкой данных. Поскольку речь идет именно о вынесении судебных решений по делам, участниками которых являются физические лица, возникает проблема, связанная с обработкой персональных данных. В этой связи должны существовать строгие правила, регулирующие защиту персональных данных, а также большое значение должно быть уделено защите данных особого характера.

На наш взгляд, следует поддержать тех авторов, которые аргументируют за необходимость доверить ИИ разрешение не сложных, рутинных кейсов «при условии оптимальной и изначально математически верной организации технологической работы искусственного интеллекта» [2].

Возложение на искусственный интеллект как на «компаньона» судьи отдельных функций при отправлении правосудия, полагает П. Н. Морхат, позволяет разгрузить судью-человека от выполнения рутинной работы, включая внутренний контроль деятельности судьи, информационно-документальное, экспертно-аналитическое, лингвистическо-переводческое и организационное обеспечение судопроизводства [6].

По мнению В. К. Андреева, В. А. Лаптева и с. Ю. Чучи [2], возможны два основных направления применения ИИ в рамках гражданского и административного судопроизводства:

- в делопроизводстве и для разрешения общих вопросов судебного разбирательства;
- для оценки доказательств и установления юридически значимых обстоятельств по сложным кейсам.

К категории возможного применения искусственного интеллекта относятся любые суды российские суды, где искусственный интеллект может использоваться при рассмотрении практически любых как гражданских, так и уголовных споров, при условии совершения судьями соответствующих процессуальных действий или же при помощи аппарата суда. В другой сфере применения искусственного интеллекта, предполагается как проверка роботом-судьей заявленных доводов участников процесса и установлении объективной картины спорной ситуации по делу при рассмотрении усеченной категории споров.

Интересным представляется и то, что электронный судья не ограничивается перечисленным выше функционалом. На такого «помощника судьи» возможно возложить обработку поступающих в суд процессуальных документов и распределении их по отделениям суда; оказывать содействие при формировании проектов судебных актов и прочее [7].

ИИ может быть полезен для судебной системы. Прежде всего, речь идет об облегчении принятия решения конкретным судьей, а также — существенной информационной поддержке иных участников судопроизводства. К примеру, при разрешении сложного кейса судье уже не понадобится расходовать колос-

сальные энергозатраты на отбор, анализ и систематизацию правовых позиций, в той или иной степени релевантных для правильного разрешения рассматриваемого дела. При наличии различных правовых позиций по аналогичному вопросу (такие ситуации отнюдь не редки) ИИ способен выявить устойчивую тенденцию, которой судье следует придерживаться. Что касается частных лиц, то стороны смогут заранее выяснить потенциал выигрыша/проигрыша своего дела на основании анализа предшествующих дел подобного рода и — в случае отрицательных тенденций — либо отказаться от спора, либо внести коррективы в свои позиции.

В этом контексте целесообразно задействовать ИИ в такого рода работе, которая требует обработки большого объёма электронной информации, поступающая в суды по средству информационных технологий. Робот судья способен взять на себя львиную долю механической работы судебного аппарата, ускорить сроки рассмотрения споров путём безошибочного совершения математических вычислений и соблюдения заданных установок.

Кроме того применение ИИ способно обеспечить развитие технологической юриспруденции в России в части объективного установления юридических фактов, экономической ситуации в корпорации и показателей ее деятельности (валюты баланса, цены сделки, размера убытков и т. д.). Публичное раскрытие цифровых алгоритмов работы судебного ИИ придаст большую цифровую гласность отечественному судопроизводству, обеспечив прозрачность работы машинного интеллекта [5].

В целом же ИИ способен оказать судье неоценимую помощь при решении следующих вопросов:

- для замещения функций переводчика в части распознавания иностранных языков и их синхронного перевода на русский язык;
- для ведения «цифровых протоколов» судебных заседаний без синхронного дублирования на бумажных носителях;
- для автоматической классификации документов, формирования и документарном ведении дел, а также — для хранения цифровых данных в судебном «облачном» онлайн-хранилище данных;
- для определения «крупности» сделки по ее цене и установления «справедливой» цены сделки;
- для установления действительной стоимости доли в уставном капитале корпорации, а также — для расчёта корпоративных убытков, причинённых обществу;
- для проверки подлинности и аутентичности представленных в суд документов;
- для выявления обстоятельств, указывающих на возможные процессуальные злоупотребления, на факты недобро-

совестного затягивания цивилистического процесса, при применении манипулятивных приемов;

- для определения срока исковой давности;
- для выдачи оперативных экспертных оценок в рамках судебной экспертизы или мнения специалиста;
- для выявления ложных показаний/ фальсифицированных документов;
- для своевременной обработки ходатайств взыскателей (кредиторов) о выдаче исполнительных листов и/или их направлении на исполнение в Федеральную службу судебных приставов Российской Федерации или в банк.

Но в любом случае, судопроизводство с участием ИИ невозможно (и недопустимо) в отрыве от судьи-человека. Действующие программные продукты ИИ не могут работать автономно, принимая судебные акты на основании анализа судебной практики. Представляется, вопросы права и правовой квалификации нельзя передавать судье-машине без их согласования и последующей оценки судьей-человеком [3].

На основании вышеизложенного, резюмируя все за и против ИИ в вопросе вынесения судебных решений, следует указать, что ответ на данный вопрос является неоднозначным, предполагает решения не только информационных вопросов, проблем защиты информации и информационной безопасности, защиты системы ИИ от проникновений, но также вопросов обучения «электронного судьи», характеристик и систематизации самих данных в программах, критериев их обработки. Все эти проблемы требуют нормативного решения, определения критериев использования ИИ при вынесении судебных решений.

Очевидно, дальнейшая эволюция судебной системы связана с развитием новых IT-технологий, снижающих потенциал для волокиты и коррупционности, повышающих доступность правосудия, его транспарентность, удобство, демократизм. При этом, развитие цифровых технологий и активное внедрение их в деятельность судов опередило правовое регулирование. Правовая реальность обуславливает необходимость создать новую регуляторную среду для прогресса всех компонентов электронного правосудия, адекватную современным реалиям. Причём основным препятствием здесь считаем отсутствие централизованной унифицированной нормативной базы, регулирующей правоотношения, возникающие в ходе рассмотрения гражданских дел, а также исполнения судебных актов с применением цифровых технологий. Современное состояние правового регулирования на уровне кодифицированных нормативно-правовых актов следует охарактеризовать как точечное, восполненное при помощи разъяснений и приказов Верховного Суда РФ, носящих в большей степени технический характер.

Литература:

1. Амиянц К. А. Использование искусственного интеллекта в современной судебной системе и права человека / К. А. Амиянц, К. В. Чемеринский // Международный журнал гуманитарных и естественных наук.— 2019.— № — 11–3 (38). — С. 49–52.
2. Андреев В. К. Искусственный интеллект в системе электронного правосудия при рассмотрении корпоративных споров / В. К. Андреев, В. А. Лаптев, с. Ю. Чуча // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право.— 2020.— № 1. — С. 19–34.
3. Апостолова Н. Н. Искусственный интеллект в судопроизводстве / Н. Н. Апостолов // Северо-Кавказский юридический вестник.— 2019.— № 3. — С. 136.

4. Борисова Л. В. Об основных направлениях становления и развития электронного правосудия в современной России / Л. В. Борисова // Право и цифровая экономика.— 2020.— № 2.— С. 32–35.
5. Заплата Т. с. Искусственный интеллект в вопросе вынесения судебных решений, или ИИ-судья / Т. с. Заплата // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА).— 2019.— № 4 (56). — С. 160–168.
6. Морхат П. Н. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / П. Н. Морхат. — Москва, 2018. — С. 13.
7. Чурзина Л. Д. Искусственный интеллект: Робот и право. Может ли робот быть судьей? / Л. Д. Чурзина, И. В. Добряк // Неделя науки Санкт-Петербургского госуд. морского технического университета.— 2018.— № 1 (1). — С. 24–25;
8. Alarie B., Niblett A., Yoon A. How Artificial Intelligence Will Affect the Practice of Law // International Review of Intellectual Property and Competition Law (ИР).— 2017. — Vol. 43, № 5. — pp. 532–554.
9. Buocz Th. J. Artificial Intelligence in Court: Legitimacy Problems of AI Assistance in the Judiciary // Retskraft — Copenhagen Journal of Legal Studies.— 2018. — Vol. 2, № 1. — pp. 41–59.
10. Re R. M. and Solow-Niederman A. Developing Artificially Intelligent Justice // Stanford Technology Law Review.— 2019. — Vol. 22, № 1. — pp. 242–289
11. Zeleznikow J. Can Artificial Intelligence and Online Dispute Resolution Enhance Efficiency and Effectiveness in Courts // International Journal for Court Administration.— 2017. — Vol. 8, № 2. — pp. 30–45
12. Арбитраж на расстоянии. Сайт — Ведомости [Электронный ресурс] URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/09/16/811378-arbitrazh-rasstoyanii> (дата обращения: 04.04.2020).
13. Резолюции Европарламента от 16 февраля 2017 г. «Нормы гражданского права о робототехнике». [Электронный ресурс] URL: http://roborpravo.ru/riezoliutsiia_ies (дата обращения: 05.09.2020).
14. Решения робота-судьи полностью устраивают служащих Фемиды [Электронный ресурс] URL: <https://legal.report/resheniya-robota-sudji-polnostyu-ustraiwayut-sluzhitelej-femidy/> (дата обращения: 05.04.2020).
15. Имамеева Р.Д. Ответственность за деятельность искусственного интеллекта / Электронный периодический научный журнал SCI-ARTICLE.RU / [Электронный ресурс] URL: <http://sci-article.ru/stat.php?i=1591730306> (дата обращения 05.08.2020)

Право на судебную защиту

Головенков Андрей Владимирович, студент магистратуры
Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского

В статье автором рассматривается право на судебную защиту. Автором раскрываются правовые аспекты регламентации исследуемого права. Вместе с тем реализация прав в некоторых случаях представляется затруднительной, например, в связи с правонарушениями, и для того, чтобы обеспечить реализацию тех или иных прав и устранить препятствия в этом, устанавливаются определенные гарантии.

Ключевые слова: конституционные права, право на судебную защиту, гарантия прав.

Озабоченность государства в таком общественно значимом вопросе, как свобода и ее расширение прав, а также в необходимости защиты прав, проявляется на различных уровнях. Для решения данных вопросов создаются организационно-правовые институты, направленные на поддержку, развитие и защиту конституционных прав.

Права и свободы человека представляют собой единство трех элементов:

- во-первых, это возможности иметь блага, которые общество способно обеспечить каждому человеку;
- во-вторых, это конституционное закрепление прав человека;
- в-третьих, юридические механизмы их реализации и защиты.

Права человека являются основными и универсальными правами, которыми должны пользоваться все люди независимо от национальности, расы, этнической принадлежности и пола,

тогда как основные права принадлежат всем членам, которые подпадают под юрисдикцию конституции данной страны, без презумпции или стоимости привилегии. Основные права специфичны для страны и основаны на принципах индивидуальной свободы и самоопределения, наоборот, права человека признаны на международном уровне и основаны на идее цивилизованных обществ и на праве на достойную жизнь.

В целом осуществление и обеспечение соблюдения международных прав человека является более проблематичным, чем обеспечение соблюдения основных прав в силу самого характера международно-правовой базы. Хотя права человека имеют универсальный характер, юрисдикция различных пактов и договоров применяется только в странах, которые ратифицировали соответствующие конвенции и договоры. Кроме того, некоторые международные средства правовой защиты могут быть найдены только после исчерпания всех внутренних средств правовой защиты.

Проблема реализации права на судебную защиту остается одной из самых актуальных. Она привлекает интерес не только отечественных ученых-юристов, но все мировое сообщество. Общественная напряженность, ухудшение криминогенной ситуации, коррупция, правовой скептицизм, экономический кризис — все эти факторы препятствуют осуществлению правосудия.

Правовая и судебная система страны, правовое положение человека в государстве характеризуются и зависят от признания государством норм международного права

Право на объективное рассмотрение дела является одним из важных прав, которое указано в международном законодательстве, например, во Всеобщей Декларации прав человека 1948 года, в Конвенции 1950 года. Согласно пункту 1 которой «Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона».

Совокупность правовых способов защиты прав и интересов человека и гражданина неотъемлемая составная часть правового режима государства, установленного действующей Конституцией РФ, Гражданским кодексом и другими законодательными актами Российской Федерации. При этом различные формы и способы защиты прав и интересов личности включены в отдельные правовые институты, нормы которых регулируют отношения в области предпринимательской деятельности.

Таким образом, право на судебную защиту является фундаментальным и одним из основных прав человека. Оно закреплено в статье 46 Конституции РФ, которая гласит, что «Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод».

Проблема судебной защиты и права на ее реализацию широко изучается в науке, и, в силу своего комплексного характера, в разных областях юридического знания: теории и истории права, философии права, конституционного, административного права, уголовного, гражданского права и процесса и иных отраслей права.

Правовой институт судебной защиты имеет длительную историю формирования, поэтому особого внимания заслуживают исторические предпосылки, закономерности развития судебной защиты, которые обусловили современное состояние изучаемого явления. Этот вопрос исследуется в работах по истории государства и права России в трудах таких ученых, как Анисимов Е. В., Вершинин В. Б., Исаев И. А., Хрусталев Л. А., Юшков С. В. и др. В этих же целях необходимо обратить особое внимание на исследования дореволюционных ученых-процессуалистов и юристов-практиков: А. Л. Боровиковского, Е. В. Васильковского, Н. А. Гредескул, К. И. Малышева, И. Е. Энгельмана, Х. М. Яблочкова и др. Анализ данных работ показывает, что дореволюционные правоведы, как и современные ученые, отмечали особое место права на судебную защиту в системе гражданских прав человека.

Судебная защита, как правило, рассматривалась в процессуальном аспекте. Например, В. М. Гордон, Е. В. Васильковский понимают право на судебную защиту как самостоятельное публичное право, имеющее процессуальный характер, служащее основанием для принудительного (судебного) осуществления

других гражданских прав. При этом ученые отождествляют право на судебную защиту и право на иск, что расходится с современным пониманием названных категорий.

Однако стоит отметить, что большинство современных правоведов признают двойственную природу права на судебную защиту: она включает в себя как материальный аспект, т. е. право на удовлетворение материального требования, право на восстановление нарушенных прав, возмещение ущерба, так и процессуальный, т. е. право на обращение в судебные органы, право на судебное разбирательство заявленного требования, права на процесс и судебное решение. «Судебная защита находится на грани материального и процессуального права, отражает диалектическое взаимодействие между собой различных отраслевых сфер».

Право на справедливое судебное разбирательство включает в себя право на доступ к суду, на бесплатную правовую помощь, право требовать полного и неуклонного исполнения решений суда. Право обжаловать решения и определения суда является гарантией защиты от незаконных и необоснованных действий самой судебной системы, а также от судебных ошибок». Право на государственную, в том числе судебную защиту прав и свобод является одной из важнейших составляющих правового статуса личности в современном Российском государстве.

Одна из наиболее универсальных и действенных форм защиты права была и остается судебная форма защиты. Как отмечает Е. М. Хохлова, судебной формой является порядок применения судами РФ способов защиты, которые предусмотрены законодательством РФ. Данная форма защиты обладает универсальной, ведущей ролью, поскольку по своему статусу суд независим и подчиняется только закону, судебные процедуры максимально приспособлены к разрешению юридических дел (для чего законодательно закреплена специальная процессуальная форма), в судебном порядке защищается любое субъективное право.

В соответствии со статьей 4 Федерального Конституционного Закона «О судебной системе Российской Федерации», правосудие в Российской Федерации осуществляется только судами, учрежденными в соответствии с Конституцией Российской Федерации и настоящим Федеральным конституционным законом. К таким судам относится Конституционный Суд РФ, уставные конституционные суды РФ (суды конституционной юрисдикции), Верховный суд РФ, верховные суды республик, областные суды городов федерального значения, суды автономной области и автономных округов, районные суды, военные и специализированные суды, арбитражные суды округов, арбитражные апелляционные суды, арбитражные суды субъектов Российской Федерации и специализированные арбитражные суды, мировые судьи (суды общей юрисдикции).

Обеспечение права на судебную защиту возможно лишь при соблюдении установленных гарантий и условий, создании надлежащих структур, законодательном закреплении соответствующих процедур и механизмов, с помощью которых человек сможет добиться защиты нарушенных прав и законных интересов. Но зачастую их несоблюдение приводит к появлению различного рода проблем при реализации данного права, на которые нельзя не обратить внимания.

Необходимо обозначить проблему чрезвычайно загруженности судов. Вот уже несколько лет суды вынуждены рассматривать и разрешать дела по защите прав, образно говоря, «на марше». Очевидно, что недостаточное внимание к каждому делу, возникающее из-за чрезмерной загруженности судов, существенно снижает качество правовой защиты прав и законных интересов граждан в судах.

В современной российской действительности существует ряд проблем реализации указанного права:

1. Проблемы, вытекающие из несовершенства судебной системы, чем затрудняется доступ граждан к правосудию. Судебная система в России до конца не выстроена (например, нет самостоятельных административных судов, мировые судьи не всегда работают на своих судебных участках, то есть офисы мировых судей еще не выстроены на своих судебных участках).

2. Проблемы, вытекающие из несовершенства судебных инстанций (например, в областных (краевых) судах организовано сразу несколько судебных инстанций, тогда как в каждом суде должна быть одна судебная инстанция).

3. Экономические проблемы:

1) высокие ставки государственной пошлины по отдельной категории споров, что сдерживает людей от обращения в суд;

2) низкие доходы граждан, не позволяющие им обращаться за юридической помощью к профессиональным адвокатам.

Поскольку решения суда обязательны для исполнения для всех, в том числе для органов государственной власти, судебная защита является наиболее эффективным способом защиты всех законных прав гражданина.

Однако, как отмечает юрист Алексей Демидов, на практике широко распространена ситуация нарушения права на судебную защиту или невозможность его реализации. Очень часто суд отказывается рассматривать обращение, либо, принимая его, в дальнейшем выносит решение, неприемлемое для истца. И это происходит на вполне законных основаниях. Нередко также бывает, что даже решение в пользу истца остается неисполненным.

Таким образом, закрепляя права, законодатель должен учитывать механизм их действия. Несмотря на возможность конституционного закрепления прав человека как объективно существующих явлений, механизм их реализации, воплощения в жизнь достаточно сложен. Права человека не реализуются автоматически, вне конкретных процедур и механизмов. Для этого необходимы и усилия (борьба) самого человека за свои права. Эффективность реализации прав человека зависит от их правового регулирования.

Литература:

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с «Протоколом [N 1]» (Подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом N 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом N 7» (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // СП Консультант плюс.
2. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ.— 04.08.2014. N 31. ст. 4398.
3. Актуальные проблемы конституционного законодательства: материалы Всероссийской научной конференции / МВД России, ФГКОУ ВО Уфимский юридический институт; [под общей редакцией Ю. Х. Яхиной, Г. Ю. Каримовой]. — Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2016.— 205 с.
4. Гаджиева З. Р. Проблемы реализации права на неприкосновенность частной жизни в информационном обществе. — URL: <https://pglu.ru/upload/iblock/7f5/7.pdf>
5. Рашевский А. А. Актуальные проблемы конституционного права РФ // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева.— 2019.— № 70. — С. 36–45.
6. Шахрай с. М. Цифровая конституция. Основные права и свободы личности в тотально информационном обществе // Вестник Российской академии наук.— 2018. — Т. 88.— № 12. — С. 10751082.

Анализ института группового иска в АПК РФ и ГПК РФ

Горлач Анна Борисовна, студент магистратуры
Уральский филиал Российского университета правосудия (г. Челябинск)

В статье автор анализирует институт группового иска, рассматривает коснувшиеся его изменения.

Ключевые слова: групповой иск, ГПК РФ, АПК РФ, гражданский процесс, арбитражный процесс.

Статья 46 Конституции Российской Федерации гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод. Уровень развития российской экономики, отношения, возникающие в об-

ществе, конфликты между его участниками претерпевают все большие изменения с каждым днем. В такой ситуации право не должно оставаться неизменным, только его динамичность, спо-

способность подстроиться под современный темп развития и усложнения общественных отношений позволят в достаточной мере урегулировать возникающие правовые вопросы.

Одним из способов обеспечения законности прав и интересов является институт групповых исков. Необходимость такого института заключается, в первую очередь, в удобстве для граждан, экономической целесообразности рассмотрения множества мелких требований на незначительные суммы, например, большого числа мелких инвесторов, каждый из которых в отдельности потерял небольшую сумму вследствие правонарушений на фондовом рынке. Немаловажным является и процессуальная экономия, поскольку появляется возможность рассмотрения нескольких однотипных требований в рамках одного процесса, что положительным образом сказывается на нагрузке на судебную систему в целом. И наконец, использование такого способа защиты нарушенного права в рамках таких споров имеет социальный эффект. Осуществляется защита как частных интересов (посредством возмещения вреда в пользу участников группы), так и публичных (пресекается противоправная деятельность).

Длительное время российский цивилистический процесс базировался на модели, в основу которой положен спор одного кредитора (истца) с одним должником (ответчиком).

Однако современные реалии таковы, что в правовые конфликты вовлечено не привычное число лиц, а порой десятки и сотни, и, соответственно, действиями ответчика могут нарушаться права, как неопределенного круга лиц, так и достаточно большой персонифицированной группы.

В 1992 г. появилась возможность защищать неопределенный круг лиц в гражданском процессе в рамках Закона о защите прав потребителей.

Редакции его неоднократно менялись, однако неизменным оставался принцип судебной защиты только неопределенного круга лиц, то есть исключительно публичного интереса. Защита частного интереса осуществлялась посредством исключительно индивидуального иска.

Впервые групповой иск как способ защиты права был закреплен в 2010 году в главе 28.2 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ).

М. В. Степанчук замечает: «групповой иск в арбитражном процессе не оказал заметного влияния на российское правовое поле, так как такой способ защиты не нашел широкого применения из-за неудачных формулировок закона (в первую очередь, в части определения критериев допустимости подачи групповых исков, а именно необходимости участия всех членов группы в едином правоотношении)» [1, с.47]. Аналогичной позиции придерживаются авторы Концепции единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [2]: «опыт применения термина «групповой иск» показал его небольшую востребованность в судебной практике в связи с особенностями модели группового иска, реализованной в главе 28.2 АПК РФ. Причин тому несколько, выделим только основные. Во-первых, концепция «этого же правоотношения» (ст. 225.10 АПК) понимается в судебной практике практически как соучастие. Во-вторых, групповой иск стал пониматься как допускающий предъявление требований только о признании,

но не о присуждении. Такое толкование привело к крайне ограниченному использованию понятия группового иска в арбитражном процессе» (п. 50.2 Концепции).

Автор согласен с с. Ю. Барановым в том, что «для квалификации иска как группового, формулировка нормы ст. 225.10 АПК РФ, касающаяся участников единого правоотношения, была неудачна. Такая формулировка сводила групповой иск к процессуальному соучастию на стороне истца. Также требуется определенное количество присоединившихся истцов, но это следует рассматривать лишь как ориентир, показатель «коллективности» требований, но никак не формально юридический критерий квалификации иска как группового» [3, с. 78].

В классическом варианте групповой иск подразумевает защиту прав лиц, которые могут быть не идентифицированы в гражданском процессе. В этом заключается смысл института и его ключевое отличие от соучастия, где может быть беспредельно большое количество участников, но они все должны быть соистцами, то есть должны быть идентифицированы.

В наших процессуальных кодексах до принятия обсуждаемых новелл изначально излагался иной принцип, групповым именовалось, по сути, любое производство, где количество участников составляло более пяти, при условии, что все они должны были быть идентифицированы до начала процесса.

Хоть такая процедура и именовалась групповым производством, по своей сути она таковой не являлась, представляя собой своеобразную модель соучастия. Подобное регулирование данного института не гарантировало никаких процессуальных преимуществ группового иска. Возможно, это являлось причиной невостребованности группового иска в редакции изменений АПК 2009 года. в схожих обстоятельствах применялись правила соучастия, а целесообразность группового иска была под большим сомнением.

В июле Гражданский (далее — ГПК РФ) и Арбитражный процессуальные кодексы РФ претерпели ряд изменений, в том числе, пополнились нормами о групповых исках. И если в гражданском процессе данный институт новшество, то для арбитражного процесса — это более 10 лет судебной практики, которая не отличается особым разнообразием. Так, согласно статистике Судебного департамента при Верховном суде РФ, за период с 2014 по 2018 годы арбитражные суды рассмотрели всего 355 дел анализируемой категории. Это составляет 0,004% от общего количества дел, рассмотренных в тот же период. При этом на фоне увеличения общего количества дел число производств по исковым заявлениям в защиту прав и законных интересов группы лиц значительно снизилось.

Обсуждаемые изменения по словам законодателя создали единую модель защиты прав больших групп граждан и организаций в гражданском и арбитражном процессе.

ГПК РФ дополнен главой 22.3 «Рассмотрение дел о защите прав и законных интересов группы лиц» (рассматривать такие дела по искам граждан у судов ранее не было), а в АПК РФ изменилась глава с тождественным названием, существующая с 2009 г.

Принятые новеллы установили абсолютно новые правила. Ключевая формулировка касается определения состава группы — «под членами группы понимаются граждане и организации,

отвечающие совокупности условий, указанных в части первой настоящей статьи, независимо от присоединения их к требованию о защите прав и интересов группы лиц» (ст. 244.20 ГПК РФ, ст. 225.10 АПК РФ). Именно с введением этой фразы можно говорить о завершении длительного периода (с середины 1990-х гг.) абсолютного неприятия группового иска отечественной правовой системой и введении в России этого института в наиболее схожем с классическим его пониманием.

Групповой иск теперь может быть востребован в сфере оказания услуг жилищно-коммунального хозяйства, для защиты потребителей, потерпевших от загрязнения окружающей природной среды, от незаконного строительства, на фондовом, финансовых рынках и других сферах.

Следует отметить, что внесенные изменения должны были прежде всего унифицировать нормы цивилистического судопроизводства, но некоторые нормы все же имеют отличие. В первую очередь это касается числа участников группы. Так, в соответствии с частью 5 статьи 222.20 ГПК РФ, численность группы соответствует формуле «двадцать плюс один» участник, с частью 5 статьи 225.10 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации — «пять плюс один». Не совсем ясно, почему законодателем определен такой состав численности группы лиц и пояснения тоже отсутствуют.

Нововведения устранили далеко не все ошибки, содержащиеся в главе 28.2 АПК РФ. В частности, не в должной мере решен вопрос о правах лиц, присоединившихся к требованию о защите группы лиц. Так, ни отдельным членам группы, ни их объединению не предоставлено право на обжалование судебного акта, хотя на необходимость этого неоднократно обращалось внимание в научной литературе.

Закон вносит в АПК изменения, в соответствии с которыми при рассмотрении ряда корпоративных споров член группы (участник юридического лица) может вступить в процесс не в качестве лица, присоединившегося к требованию, а на стороне истца с правами и обязанностями последнего. При этом без объяснимых причин такое право исключается при рассмотрении в рамках группового производства любых других дел,

что само по себе существенно ограничивает принципы диспозитивности и состязательности. Понятно также, что часть подобных корпоративных споров, но с участием некоммерческих юридических лиц, может рассматриваться судами общей юрисдикции в рамках новой главы ГПК о групповых исках. Однако почему-то даже в отношении таких случаев, согласно букве Закона, в гражданском процессе, в отличие от арбитражного, исключается участие в деле членов группы в качестве истцов.

Предусмотренный главой 22.3 ГПК РФ регламент не исключает продолжение рассмотрения индивидуального иска гражданина по существу после вступления в законную силу решения по групповому делу в том случае, если он не воспользовался правом принять в нем участие. В этом ГПК РФ выгодно отличается от аналогичного регулирования АПК РФ, где санкцией за пассивность участника группы является прекращение производства по его индивидуальному требованию (ч. 7 ст. 225.16). В ГПК такая норма отсутствует; более того, предусмотрено право лица в своем собственном деле оспаривать те факты, которые были установлены судом в рамках группового разбирательства (ч. 4 ст. 244.28).

В целом, завершая исследование группового искового производства как одного из основных средств защиты прав и свобод групп граждан в отечественном цивилистическом процессе, можно заключить, что внесенные изменения в целом несут положительный характер, однако необходимо понимать, что очень многое будет зависеть от судебной практики и толкования судов, только спустя время мы сможем оценить целесообразность изменений и практическую значимость данного института в действующей редакции. Однако, что в ГПК РФ, что в АПК РФ остаются не до конца понятны отдельные моменты, например, такие как правила заключения мировых соглашений по групповым искам и модель принудительного исполнения по ним.

Можно говорить о том, что модель группового иска в отечественной правовой системе находится еще только в развитии и, как представляется, требует доработок и усовершенствования.

Литература:

1. Степанчук, М. В. Новый групповой иск в российском судопроизводстве / М. В. Степанчук. — Текст: непосредственный // Арбитражный и гражданский процесс. — 2015. — № 11. — С. 47.
2. «Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 No 124(1)). — Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. — URL: www.consultant.ru (дата обращения: 02.12.2020).
3. Баранов, с. Ю. Групповые иски в гражданском и административном судопроизводстве Российской Федерации / с. Ю. Баранов. — Текст: непосредственный // Вестник гражданского процесса. — 2016. — № 1. — С. 78.

К вопросу об алиментировании детей, оставшихся без попечения родителей

Грушина Анастасия Юрьевна, студент магистратуры

Московский областной филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Красногорск)

Настоящая работа посвящена исследованию актуальных вопросах, связанных с алиментированием детей, оставшихся без попечения родителей. В статье выявлены основные проблемы, которые могут стать препятствием на пути к осуществлению своих прав, а также предложены пути решения указанных проблем.

Ключевые слова: алименты, дети-сироты, опека и попечительство, несовершеннолетние, расходы на обеспечение.

В настоящее время число детей, оставшихся без попечения родителей хоть и не растёт, но все еще пугает своим большим количеством. Так, статистика показывает, что данная категория детей сократилась с 87 604 в 2014 году до 44 429 в 2019 году [1]. Несмотря на положительную тенденцию все ещё огромное количество детей нуждаются в материальной помощи и в обеспечении их качественным образованием и развитием. Поэтому пока дети-сироты и дети, в отношении которых их родители лишены родительских прав, и нуждающихся в получении алиментов существуют, данная проблема не потеряет своей актуальности.

Ребенок-сирота утрачивает право на алименты со своих биологических родителей в связи с их смертью. Согласно абз. 5 п. 2 ст. 120 СК РФ, выплата алиментов прекращается со смертью лица, получающего алименты, или лица, обязанного уплачивать алименты. Ребенок-сирота в случае его усыновления и последующей отмены усыновления имеет право на алименты со стороны бывшего усыновителя (ст. 143 СК РФ).

Нередки случаи, когда родительских прав лишаются сразу оба родителя, в таких случаях несовершеннолетний попадает под полную опеку государства, в связи с чем последнее должно взять под свой контроль заботу и воспитание о таких детях, выработав четкий механизм обеспечений их достойным уровнем жизни.

Однако государственная поддержка детей-сирот и несовершеннолетних, в отношении которых их родители лишены свои родительских прав, не лишает последние возможности оказывать материальную поддержку своим детям, а к тому же в силу п. 2 ст. 71 Семейного кодекса РФ указывает на такую обязанность. Так, лишение родительских прав не освобождает родителей от установленной законодательством обязанности содержать своего ребенка.

Согласно п. 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ при лишении родительских прав обоих родителей или одного из них, когда передача ребенка другому родителю невозможна, алименты подлежат взысканию не органу опеки и попечительства, которому в таких случаях передается ребенок (пункт 5 статьи 71 СК РФ), а перечисляются на счет, открытый на имя ребенка в банке [2].

Однако существует такая проблема, как зачисление денежных средств на счета специализированных организаций, где учитываются по каждому ребёнку индивидуально. При этом данная организация имеет право пускать в оборот 50% от дохода поступившей суммы на содержание детей организации. При оставлении ребенком такой организации сумма полу-

ченных на него алиментов и 50% дохода от их обращения зачисляются на счет, открытый на имя ребенка в отделении Сберегательного банка Российской Федерации.

Обращая внимание на то, что содержание детей, оставшихся без попечения родителей возлагается полностью на государство, то видется, что главную задачу поступающих алиментов можно обозначить отнюдь не как регулярное обеспечение детей их жизненных и бытовых потребностей, а их систематическое накопление на банковских счетах с последующей капитализацией процентов и получением накопленной суммы по достижении совершеннолетия. Однако согласно ст 84 СК РФ 50% дохода используются на содержание детей организации, принимающая у себя на содержании несовершеннолетнего, при этом сумма алиментов с уже включёнными процентами, находящиеся на счете или счетах в одном банке, подлежит страхованию в соответствии с Федеральным законом от 23 декабря 2003 года N 177-ФЗ «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации» [3] и не должна превышать 1 400 000 рублей. Всем известно, что не всегда условия проживания в детских домах оставляют желать лучшего, из чего можно сделать вывод, что едва ли найдётся тот, кто будет контролировать момент и с накоплением определенной суммы на счете, открывать дополнительные накопительные счета на имя ребёнка, поэтому видется разумным внести изменения в соответствующий Федеральный закон и увеличить сумму, подлежащую обязательному страхованию и возмещению по вкладам до 2 000 000 рублей.

Не менее важной проблемой является сохранение накопленных денежных сумм и предостережение от злоупотребления их распоряжением.

Практике известны случаи, когда применительно к накопительным счетам, которые открываются усыновителями, попечителями или опекунами были обращены не совсем законные действия законных представителей их подопечных, основная задача накопительного счёта — удовлетворение ежедневных потребностей ребёнка. Накопительный счёт исключает накопление и увеличение дохода от поступающих сумм на данный счёт, во избежание сохранения, утаивания и снятия денежных средств со счета, органам опеки и попечительства устоит усилить контроль за ведением расходов на обеспечение личных бытовых нужд ребёнка, учитывая, что такие сделки не попадают под предварительный контроль со стороны органов опеки и попечительства.

Следует обратить внимание и на существование мошенничества в данной сфере. Являясь наименее защищённой кате-

горией граждан, дети, оставшиеся без попечения родителей, больше подвержены стать жертвами мошенничества.

Так, следственным отделом по городу Вологда Следственного комитета Российской Федерации по Вологодской области возбуждено уголовное дело в отношении 18-летнего юноши, подозреваемый в краже денежных средств с банковского счёта на общую сумму 75 000 рублей [4]. Данное деяние попадает под действие п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ и наказывается штрафом в размере от 100 000 тысяч до 500 000 тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет с ограничением свободы на срок до полутора лет или без такового, либо лишением свободы на срок до шести лет со штрафом в размере до 80 000 тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев либо без такового и с ограничением свободы на срок до полутора лет либо без такового. Во избежание увеличения данной категории преступлений предлагается оставить в качестве наказания только лишение свободы сроком до 6 лет с последующей выплатой компенсации пострадавшему лицу в сумме украденных денежных средств.

Таким образом, внесение изменений в данную статью в части наложения наказания, послужит ещё одной причиной к раздумьям, идти ли на такое преступление против детей, оставшихся без попечения родителей.

Литература:

1. Генпрокуратура: количество детей-сирот в РФ сократилось вдвое за шесть лет//Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4332410> (дата обращения: 28.11.2020)
2. О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 N 56//Российская газета.— 2017. — No 297.
3. Федеральный закон «О страховании вкладов в банках Российской Федерации» от 23.12.2003 N 177-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Волгоградской области [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://vologda.sledcom.ru/news/item/1438920/> (дата обращения: 28.11.2020)

К вопросу об особенностях развития системы социальной помощи детям-сиротам в Российской Федерации

Долгова Диана Геннадьевна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет

В статье автор кратко характеризует базовые аспекты современной системы государственной социальной помощи детям-сиротам, анализирует особенности ее развития. Большое внимание уделено роли некоммерческих организаций социальной направленности, их деятельности в сфере профилактики социального сиротства, помощи детям-сиротам, устройству таких детей в семьи, а также совместной деятельности государства и некоммерческих организаций, направленной на повышение эффективности социальной помощи детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей.

Ключевые слова: дети, дети-сироты, социальная политика, социальная защита, социальное обеспечение, некоммерческие организации, Постановление Правительства № 481.

Вопросы социальной политики в Российской Федерации — одна из сверхактуальных тем в повестке сегодняшнего

Масштабы данной проблемы так велики, что воспитанники становятся жертвами мошенничества со стороны своих же сотрудников детского дома.

Обратим внимание на недавно прогремевшее дело Гульмиры Кондыбаевой, женщины, которая похитила денежные средства со счетов детей-сирот и скрылась. Сотрудница детского дома проработав в учреждении 8 лет, за это время не вызвала к себе нареканий, однако это не помешало ей совершить преступление. Для того, чтобы детдомовцы могли не переживать за свои счета, не опасаясь стать жертвой мошенничества, предлагается учредить дополнительный надзорный орган, входящий в структуру специализированной организации, который контролировал бы банковские счета своих воспитанников и проходящие по ним операции.

В заключение следует отметить, что дети всегда были и будут наиболее уязвимой группой граждан, чьи права нужно оберегать с большей силой со стороны государства в частности. Поэтому стоит ужесточить контроль над теми, кто ближе всего находится к детям — их опекунами, приемным родителями, попечителями. Обеспечить исполнение законодательства, направленного на защиту и гарантии прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; ввести дополнительные образовательные уроки, направленные на получение знаний в области защиты своих имущественных прав от посягающих на них третьих лиц.

дня, и особое внимание исследователей уделено проблеме социальной помощи детям-сиротам. Эти дети — она из самых

социально незащищенных категорий граждан. В рамках данной статьи рассмотрим основные аспекты функционирования системы государственной помощи детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, и проанализируем те меры, которые предпринимаются государством для защиты их прав.

Говоря о проблеме сиротства в нашей стране, необходимо начать с определения этого явления. Сиротство — социальное явление российского общества, характеризующееся наличием детей, временно или постоянно лишённых семейного окружения. Причинами сиротства могут послужить смерть двух или единственного родителей, отказ от ребёнка, лишение родительских прав вследствие отсутствия заботы о ребёнке с их стороны [1]. К этому необходимо добавить, что, по оценкам экспертов, до трети всех детей, находящихся в детских учреждениях, направлены туда по заявлениям родителей, оказавшихся в тяжёлом экономическом положении и потому не способных осуществлять должный уход за детьми.

Конституция Российской Федерации четко определяет, что дети являются важнейшим приоритетом государственной политики Российской Федерации. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. Государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения [2]. В поддержку этого постулата создан корпус нормативно-правовых актов, призванных обеспечить нормальное функционирование государственной системы поддержки детей-сирот. Среди них — отдельные положения Гражданского кодекса, Семейного кодекса, Федеральный закон от 21.12.1996 N 159-ФЗ (ред. от 25.12.2018) «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, Федеральный закон «Об опеке и попечительстве» от 24.04.2008 N 48-ФЗ (последняя редакция)», Постановление Правительства РФ от 29.03.2000 N 275 (ред. от 19.12.2018) Об утверждении правил передачи детей на усыновление (удочерение) и осуществления контроля за условиями их жизни и воспитания в семьях усыновителей на территории Российской Федерации и Правил постановления на учет консульскими учреждениями Российской Федерации детей, являющихся гражданами Российской Федерации и усыновленных иностранными гражданами или лицами без гражданства», Постановление Правительства РФ от 19.03.2001 N 195 (ред. от 24.12.2014) «О детском доме семейного типа», Постановление Правительства РФ от 18.05.2009 N 423 (ред. от 21.12.2018) «Об отдельных вопросах осуществления опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан», Постановление Правительства РФ от 19.05.2009 N 432 (ред. от 19.12.2018) «О временной передаче детей, находящихся в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в семьи граждан, постоянно проживающих на территории Российской Федерации» и др. В каждом субъекте Федерации действуют также локальные нормативные акты, регулирующие такие правоотношения на территории региона.

На федеральном уровне действуют различные программы, направленные на социальную поддержку детей-сирот. Налажено финансирование детских учреждений, предусмотрены меры по организации достойного уровня образования и здоровья детей. Последовательно ведется работа по сокращению общего числа детей-сирот в нашей стране. Согласно докладу Уполномоченного по правам ребенка Российской Федерации

А. Ю. Кузнецовой, в последние годы наблюдается положительная тенденция сокращения количества детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [...] Сократилось на 11,4% количество детей, оставшихся без попечения родителей, находящихся под надзором в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, с 44 823 в 2017 году до 39 694 в 2019 году [3].

В последние годы в обществе активно обсуждается работа органов опеки и попечительства. Высказываются критические оценки в адрес работы чиновников, ставится под сомнение их компетентность. К сожалению, нередко такая критика обоснована. Подобные случаи имеют большой резонанс в средствах массовой информации и формируют негативное отношение к органам опеки и попечительства в обществе. Правительство ответило на этот вызов следующим образом. С 1 января 2015 г. вступил в силу Приказ Минтруда России № 680н от 18 ноября 2013 г. «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист органа опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних»». Стандартом утверждается по-настоящему высокий уровень профессионализма и компетенции, которым должен соответствовать такой специалист [4]. Следует отметить, что в разработке профессионального стандарта принимали активное участие профессиональные педагоги, сотрудники детских учреждений, представители некоммерческих организаций, специализирующихся на работе с детьми-сиротами, детьми, оставшимися без попечения родителей и замещающими семьями. Очевидно, что потребуются определенное время для того, чтобы деятельность сотрудников органов опеки и попечительства максимально соответствовала критериям, заданным профессиональным стандартом, однако уже сейчас необходимо отметить данный шаг Минтруда как безусловно конструктивный.

Несмотря на положительные тенденции, существующие в сфере государственной социальной поддержки детей-сирот, будет справедливо отметить и ее слабые стороны. Так, анализ нормативно-правовой базы, регулирующей деятельность государственных органов социальной защиты в этой сфере, позволяет судить о следующих негативных особенностях:

- ограниченность видов государственной помощи;
- сделан упор на оказание различных видов финансовой поддержки, в ущерб необходимой социальной адаптации и сопровождению в сложных жизненных обстоятельствах;
- сосредоточенность на контроле за замещающими семьями, при этом мало внимания уделяется профилактике социального сиротства и эффективной помощи кровным и замещающим семьям;
- декларативный характер программ государственной помощи, отсутствие рабочих правовых механизмов их реализации.

Особо отметим крайне тяжелое положение детей-сирот с инвалидностью. На сегодняшний день они полностью зависят от действий своих опекунов (как правило, это руководящий состав учреждений, в которых они проживают). Представляется важным как можно скорее разработать и внедрить особые механизмы социальной помощи таким детям.

Эти и другие проблемные вопросы социальной политики могут и должны быть решены. Одним из путей решения представляется разработка и реализация властями субъектов Федерации конкретных программ помощи, учитывающих особенности обстановки в регионе, возможности местного бюджета и материальной базы. Не менее важно наладить межведомственное взаимодействие, без которого нормальное функционирование программ помощи невозможно.

Большой пласт социальных проблем в нашей стране, развитие гражданского общества и общее равнодушие граждан повлекли за собой создание в последние годы целого ряда некоммерческих организаций социальной направленности, в т. ч. благотворительных фондов. В рамках заданной тематики статьи приведем краткую характеристику деятельности подобных организаций в сфере социальной помощи детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей.

На сегодняшний день в разных городах России действует большое число некоммерческих организаций, занимающихся всесторонней помощью детям-сиротам. Среди них — «Волонтеры в помощь детям-сиротам» (г. Москва), «Домик детства» (г. Самара), «Солнечный город» (г. Новосибирск), «Открытый мир» (г. Калининград), «Открытое сердце» (г. Белгород), «Счастливые дети» (г. Красноярск) и многие другие.

На примере Благотворительного фонда «Волонтеры в помощь детям-сиротам», одной из старейших и авторитетнейших организаций этого профиля, обозначим основные направления их деятельности:

- профилактика социального сиротства;
- помощь детям в учреждениях;
- содействие семейному устройству;
- изменение законодательства, общественного мнения и всей системы коллективных учреждений для детей-сирот [5].

Особенно важным в контексте данной статьи представляется пункт 4 этого перечня. Этот аспект деятельности некоммерческих организаций трудно переоценить. Одним из важнейших достижений на этом поприще стало принятие в 2014 г. Постановления Правительства Российской Федерации № 481 «О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей» [6], по мнению экспертов, обозначило начало нового этапа в реформировании и

развитии системы устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [7]. Постановление разрабатывалось рабочей группой при Правительстве, в которую входили, в т. ч., представители некоммерческих организаций. На сегодняшний день можно сказать, что Постановление еще не заработало в полную силу, кроме того, уже при рассмотрении окончательной редакции у членов рабочей группы возник ряд замечаний и возражений, которые планируется учесть при принятии поправок к Постановлению. Тем не менее, уже сейчас начинается процесс глобального реформирования всей системы детских сиротских учреждений в стране. Намечены следующие преобразования:

- переориентация учреждений на проведение полноценной реабилитации детей, всестороннее содействие их устройству детей в семьи;

- создание условий для частной жизни детей, реализация их права самостоятельно распоряжаться своим имуществом, временем и т. д.

- система детских сиротских учреждений должна стать более открытой и к обучению, и к новым технологиям и моделям, и к взаимодействию с разными партнерами, в том числе специализированными НКО, волонтерами, наставниками [7]. В этой связи также необходимо продолжать работу по законодательному закреплению таких понятий как «распределенная опека» и «сопровожаемое проживание». Эти механизмы позволят создать гораздо более благоприятную среду для жизни детей-сирот с инвалидностью, существенно снизит степень их нынешней изолированности от общества и собственной семьи, даст возможность лучше контролировать качество социальных услуг, оказываемых детским учреждением.

В целом, соблюдение прав детей, уважительное отношение к их потребностям, защита их законных интересов должны стать первостепенными задачами государства и общества. Необходимо выстроить систему, в которой дети будут защищены не только с социальной, но и с правовой точки зрения.

В заключение необходимо отметить, что обеспечение благополучного жизнеустройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей и создание максимально эффективной системы социальной помощи таким детям, возможно только при условии тесного всестороннего сотрудничества органов государственной власти и гражданского общества в лице представителей профильных некоммерческих организаций. Глубокое погружение в предмет, работа «в поле», обширная практика правоприменения позволяет НКО формировать перспективные законодательные и практические инициативы, а государству — учитывать их в процессе нормотворчества и в рамках реализации федеральной социальной политики.

Литература:

1. Самарина, Н. И. Сиротство как социальная проблема / Н. И. Самарина. — Текст: электронный // Открытая электронная библиотека научно-образовательных ресурсов Оренбуржья: [сайт]. — URL: <http://elib.osu.ru/bitstream/123456789/2091/1/3171-3177.pdf> (дата обращения: 02.12.2020).
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). — Текст: электронный // Консультант Плюс: [сайт]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/95c44edbe33a9a2c1d5b4030c70b6e046060b0e8/ (дата обращения: 02.12.2020).

3. В России сократилось число детей-сирот в детских домах. — Текст: электронный // РИА Новости: [сайт]. — URL: <https://ria.ru/20200529/1572151621.html> (дата обращения: 02.12.2020).
4. Приказ Минтруда России № 680н от 18 ноября 2013 г.. — Текст: электронный // Минтруд России: [сайт]. — URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/orders/139> (дата обращения: 02.12.2020).
5. О фонде. — Текст: электронный // Благотворительный фонд «Волонтеры в помощь детям-сиротам»: [сайт]. — URL: <https://www.otkazniki.ru/about/> (дата обращения: 02.12.2020).
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 24 мая 2014 г. N 481 г. Москва «О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей». — Текст: электронный // Российская газета: [сайт]. — URL: (дата обращения: 02.12.2020).
7. Новый этап развития российской системы устройства детей-сирот: Постановление Правительства № 481 глазами экспертов. — Текст: электронный // КиберЛенинка: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novyy-etap-razvitiya-rossiyskoy-sistemy-ustroystva-detey-sirot-postanovlenie-pravitelstva-481-glazami-ekspertov> (дата обращения: 02.12.2020).

Лишение специального права как мера административного наказания

Думаревская Светлана Вячеславовна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье раскрываются цели лишения специального права как меры административного наказания.

Ключевые слова: лишение специального права, мера административного наказания.

Withdrawal of a special right as a measure of administrative punishment

The article reveals the goals of deprivation of a special right as a measure of administrative punishment.

Keywords: deprivation of a special right, a measure of administrative punishment.

Лишение специального права относится к отдельному виду административного наказания. Д. А. Лищук считает, что оно применяется «для предупреждения совершения других правонарушений. Лишение специального права является санкцией административно-правовой нормы, следовательно, применяется при нарушении предписания такой нормы» [10, с. 54].

Лишение специального права представляет собой особый вид административного взыскания. Данное взыскание налагает уполномоченный орган на гражданина, который совершил административное правонарушение, либо который был замечен в грубом или систематическом нарушении порядка пользования специальным правом. Наличие такого специального права должно быть подтверждено конкретным разрешительным документом (а именно: удостоверением на право управления судном, охотничьим билетом, водительским удостоверением, удостоверением тракториста-машиниста, лицензией на приобретение оружия и патронов к нему либо разрешением на хранение или хранение и ношение оружия и патронов к нему в соответствии с ч. 1, 3, 3.1. ст. 32.6 Кодекса об административных правонарушениях РФ [2]).

Как замечают Гостев А. с. и Школяренко Е. А., «право на управление транспортным средством представляет собой совершение сложных технических действий, которые влекут за собой движение транспортного средства, начинающихся с троганием с места и заканчивающихся полной остановкой транспортного средства» [6, с. 34]. Федеральным Законом «О безопасности до-

рожного движения» от 10.12.1995 г. № 196-ФЗ установлен порядок получения физическим лицом специального права на управление транспортным средством. Исходя из п. 1. ст. 27 выше-названного Федерального закона данный вид права предоставляется индивидам, которые успешно сдали квалификационные экзамены, а также, предоставив все необходимые документы о возрасте и состоянии здоровья, которые определены ст. 25 этого же нормативно-правового акта. Основания лишения права на управление транспортным средством закреплены в статьях 12.2, 12.5, 12.8–12.10, 12.15, 12.17, 12.24, 12.26, 12.27 КоАП РФ. Лишение специального права в виде права управления транспортным средством не может применяться к лицу, которое пользуется транспортным средством в связи с инвалидностью, за исключением предусмотренных частями 1 и 3 статьи 12.8, статьей 12.26, частью 2 статьи 12.27 случаев управления транспортным средством в состоянии опьянения, уклонения от прохождения в установленном порядке медицинского освидетельствования на состояние опьянения, а также оставления указанным лицом в нарушение установленных правил места дорожно-транспортного происшествия, участником которого он являлся.

Таким образом, в последующем физические лица, которые являются лишенными специального права на управление транспортным средством, не могут выступать в качестве водителя как субъекта административной ответственности. Исходя из всего вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что анализируемый вид административного взыскания направлен

на предотвращение создания угрозы жизни и здоровья физических лиц, объектов собственности. Применение указанной санкции напрямую зависит от самого физического лица по той причине, что по его воле совершается правонарушение.

Следует сказать, что суть административного наказания заключается в моральном или материальном воздействии на правонарушителя. Некоторые виды административных наказаний сочетают в себе оба указанных вида воздействия, кроме того, они также предполагают временные ограничения прав нарушителя (в частности, процедура лишения специального права, привлечение к исправительным работам, а также административный арест).

Основанием для назначения наказания является непосредственно административный проступок.

Наиболее наглядным примером ужесточения мер воздействия на нарушителей представляется эволюция ужесточения наказания за нарушение Правил дорожного движения. Связано это с ростом потребительской активности, в частности, с приобретением автомобилей и их активной эксплуатацией. Следует заметить, что немногие водители задумываются об истинном значении понятия «средство повышенной опасности». Низкая культура вождения в России, пренебрежительное отношение к легальной процедуре прохождения технического осмотра, а также нарушение Правил дорожного движения и водителями, и пешеходами, неразработанность дорожной инфраструктуры являются главными факторами динамики роста тенденции к лишению специального права в отношении водителей.

На практике такая мера наказания, как лишение специального права, применяется в основном к водителям транспортных средств за грубые нарушения Правил дорожного движения [4, С. 40].

Следует также сказать, что введение ст. 258.1 в Уголовного кодекса РФ [3] значительно расширило сферу борьбы с браконьерством. Введение указанной статьи обусловило усиление профилактического потенциала уголовного закона в сфере борьбы с данным негативным явлением путем выделения особого предмета посягательства и расширения признаков объективной стороны состава преступления.

Лишение специального права в настоящее время предусмотрено, помимо добычи, за приобретение, содержание, хранение, перевозку, продажу и пересылку представляющих особую ценность диких животных и водных биологических ресурсов. Уголовным законодательством данное преступление разделено на среднюю и тяжкую категории, что на практике выражается в существенном повышении санкций, предусмотренных ч. ч. 1 и 2 (средняя) и ч. 3 (тяжкая) ст. 258.1 Уголовного кодекса РФ [7, С. 18].

Таким образом, наряду с административной ответственностью, предусматривающей санкции в виде лишения специального права, формируется тенденция к усилению уголовно-правовой охраны компонентов окружающей среды на территории

РФ. Ч. 4 ст. 3.8. КоАП РФ установлено, что лишение права осуществлять охоту не применима к лицам, для которых охота является основным законным источником средств к существованию. Исключения прописаны в ч. 1.2. ст. 8.37 КоАП РФ: осуществление охоты при нарушении сроков, установленных правилами охоты.

На наш взгляд, наибольшее количество противоправных действий имеет место в отношении ограниченного круга водных биологических ресурсов и диких животных, которые занесены в Красную книгу РФ. Особенно ярко это проявляется на примере незаконной добычи особей тигра, ущерб от которого составляет около 25 млн рублей. Статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ говорит о тенденции к увеличению случаев применения новой нормы на практике.

С. А. Боровиков и Ю. А. Чжан замечают, что законодатель при конструировании рассматриваемой статьи «ставит совершение преступления как одним лицом, так и группой лиц по предварительному сговору, что нивелирует общественную опасность такого деяния» [5, с. 10]. Более того, отсутствие указания на иных, кроме должностных лиц, на практике приводит к проблемам оценки действия лиц, которые относятся к управленческому составу коммерческой организации, или лиц, которые не наделены признаками должностного лица. Наиболее ярким примером является вопрос квалификации действий руководителей центров реабилитации и спасения соответствующих диких животных, а также капитанов рыболовецких судов, которые осуществляют добычу особо ценных биологических ресурсов. Течение периода лишения специального права начинает исчисляться (продолжает исчисляться) со дня сдачи (изъятия) у лица, подвергнутого данному виду наказания соответствующего удостоверения либо специального разрешения (ст. 32.7 КоАП РФ) [5, С. 85].

Лишение специального права как одна из мер административного наказания не преследует целью унижение человеческого достоинства лица, совершившего административное правонарушение, либо причинение данному лицу физических страданий, нанесение вреда деловой репутации юридическому лицу. Поскольку лишение специального права представляет собой административное наказание, то процедура его исполнения рассматривается в порядке особого производства [6, С. 24].

Таким образом, виден факт того, что лишение специального права представляет собой карательную санкцию в отношении нарушителя — физического лица — на использование либо ограничение возможности использования им собственного имущества как источника повышенной опасности вследствие регулярного и грубого нарушения порядка пользования определенным имуществом. На основании изложенного мы приходим к выводу о реализации данным типом административного наказания двух целей — профилактической и предупредительной.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // «Собрание законодательства Российской Федерации», 04.08.2014, № 31, ст. 4398.

2. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 15.10.2020, с изм. от 16.10.2020) // «Собрание законодательства РФ», 07.01.2002, N 1 (ч. 1), ст. 1.
3. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 27.10.2020) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, N 25, ст. 2954.
4. Белякова М. Р. Особенности лишения специального права как вида административного наказания // Студенческий форум. 2020. № 32–2 (125). С. 39–41.
5. Боровиков с. А., Чжан Ю. А. Проблемы и практика исполнения уголовного наказания в виде лишения права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами // Научно-практический журнал «Вестник института: преступление, наказание, исправление». 2018. № 1 (41). С. 5–12.
6. Гостев А. С., Школяренко Е. А. Административные наказания в системе мер административного принуждения. Теоретико-правовая характеристика // Мировой судья. 2017. № 2. С. 34–37.
7. Журавлев В. В. К вопросу реализации концепции сокращения срока лишения специального права на управление транспортными средствами // В сборнике: Социально-экономические и правовые меры борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. Электронное издание. 2019. С. 82–91.
8. Иванкова Н. А. Оптимизация отдельных видов административных наказаний // В сборнике: Юридическая наука в XXI веке: актуальные проблемы и перспективы их решений. Сборник научных статей по итогам работы пятая круглого стола со Всероссийским и международным участием. Шахты, 2020. С. 24–26.
9. Козицкая А. В. Проблемы назначения административного наказания в виде лишения специального права // Образование и наука в России и за рубежом. 2020. № 7 (71). С. 14–19.
10. Лищук Д. А. Лишение права как мера административного наказания // Развитие современной науки: теоретические и прикладные аспекты. 2016. № 10. С. 153–160.

Административная ответственность, применяемая к государственным служащим

Евдокимова Арина Дмитриевна, студент магистратуры
Вятский государственный университет (г. Киров)

В статье рассмотрена особенность административной ответственности государственных служащих, а также взаимосвязь административной и дисциплинарной ответственности. Рассматривается административное правонарушение совершенное государственным служащим, которое влечёт за собой не только административную ответственность, но и ответственность дисциплинарную. Раскрывается понятие административной ответственности государственных служащих.

Ключевые слова: административная ответственность, дисциплинарная ответственность, государственный служащий, административные правонарушения.

Важно понимать, что государственная служба не имеет право на существование без четко регламентированных мер ответственности государственных служащих.

Законы о видах государственной службы — это нормативно правовые акты, устанавливающие административно-правовой статус государственного служащего, который на прямую связан с прохождением им государственной службой Российской Федерации [1]. Можно сказать, что административно-правовой статус государственного служащего формируется из нескольких составляющих таких как: обязанностей, прав, ограничений и запретов, относящихся на прямую к государственной службе, а так же гарантий реализации административно-правового статуса и юридической ответственности.

Юридическую ответственность, применяемую к государственным служащим, можно разделить на следующие виды: дисциплинарную, материальную, уголовную, гражданско-правовую и административную ответственность.

Из перечисленных выше видов юридической ответственности каждый исполняется в применении к государственному

служащему соответствующих правовых санкций, предусмотренных нормами права, указывающими вид юридической ответственности.

Исходя из выше сказанного, под административной ответственностью государственных служащих мы понимаем реализацию административно-правовых санкций, применение к ним административных наказаний.

Административная ответственность наступает только за те деяния, которые содержат в себе все признаки состава административного правонарушения, предусмотренного Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях или законом субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях.

Следует понимать и различать специальную административную ответственность, применяемую в отношении государственных служащих (как должностных лиц) и общую ответственность (как граждан).

Совершение административного правонарушения государственным служащим может повлечь за собой помимо ад-

министративной ответственности еще ответственность и дисциплинарную. В этом случае основанием привлечения государственного служащего к дисциплинарной ответственности будет не совершение административного правонарушения, а нарушение служебной дисциплины, выразившееся в нарушении, например, требований к служебному поведению сотрудника, нанесении ущерба его репутации либо авторитету учреждения.

Е. В. Панарина разделяет виды правонарушений на три основных вида, совершаемые должностными лицами: прямое нарушение правил; дачу незаконных указаний подчиненным, отсутствие контроля над действиями работников [3].

В отношении государственных служащих за совершение данных правонарушений могут устанавливаться такие виды административной ответственности как: предупреждение, административный штраф, дисквалификация.

Предупреждение — это мера административного наказания, выраженная в официальном порицании физического или юридического лица, выносимая в письменной форме.

Штраф — это денежное взыскание, которое назначается нарушителю административно-правовых норм. Как правило, такое денежное взыскание идет в пользу государства.

Дисквалификация — это лишение физического лица права замещать должности федеральной государственной гражданской службы и другие.

Можно сказать, что на практике государственные служащие совершают административные правонарушения, не связанные с занимаемой должностью, и привлекаются к ответственности на общих основаниях, применяемых к физическим лицам.

Таким образом, наряду с административной ответственностью за должностные правонарушения законодатель выделяет административную ответственность государственных служащих за общие административные правонарушения, такие как: мелкое хулиганство (ст. 20.1 КоАП РФ) или за появление в общественных местах в состоянии опьянения (ст. 20.21 КоАП РФ).

В этих случаях, совершение государственным служащим административного правонарушения может повлечь за собой помимо административной ответственности, ответственность и дисциплинарную. В данном случае основанием привлечения государственного служащего к дисциплинарной ответственности

будет не само совершение административного правонарушения, а нарушение служебной дисциплины (нанесение ущерба репутации сотрудника и организации). Дисциплинарная ответственность представлена через институт дисциплинарных взысканий в соответствии со ст. 57 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27 июля 2004 г. Отличительной чертой разграничения административной ответственности и дисциплинарной является то, что в основу последней должен быть положен дисциплинарный проступок.

Исходя из этого, можно сказать, что дисциплинарная ответственность «подразумевает меры дисциплинарного воздействия в порядке служебного подчинения за совершение дисциплинарного поступка или за иные противозаконные действия» [2].

Думается, что применение двух видов наказания вряд ли можно считать оправданным, разве что за совершение общественных опасных правонарушений.

На основании изложенного можно сделать вывод, что для того чтобы привлечь государственного служащего к ответственности в первую очередь нужно придерживаться двух составляющих: совершение административного правонарушения при осуществлении служебной деятельности и наличие статуса должностного лица согласно должностному регламенту.

Совершение административного правонарушения государственным служащим может повлечь за собой и дисциплинарную ответственность, основанием для которой является совершение государственным служащим дисциплинарного проступка, а основанием для административной ответственности — факт административного правонарушения.

В самом КоАП РК не установлены нормы права, которые устанавливают административную ответственность государственных служащих за совершение ими не связанных с исполнением служебных обязанностей административных правонарушений, но для них существуют дополнительные меры ответственности.

Важно понимать, что любые лица, совершившие административное правонарушение, равны перед законом или судом, в том числе и государственные служащие. Об этом говорится в статье 19 Конституции Российской Федерации.

Литература:

1. Киселев С. Г. Государственная гражданская служба. Учебное пособие. — М: ГУУ, 2007.— 284 с
2. Мартиросян Д. А. Правовое регулирование административной ответственности государственных служащих // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации: Сб. ст. 22 Международная научная конференция. Пенза, 2019. С. 136.
3. Панарина Е. В. Административная ответственность государственных гражданских служащих // Эпомен. 2019. № 23. С. 276

Преступность несовершеннолетних на современном этапе развития российского общества

Ефимова Ольга Алексеевна, студент

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

В данной статье автором предпринята попытка проанализировать преступность несовершеннолетних в России за последние несколько лет с позиции качественных криминологических показателей. На основе изученного статистического материала и мнения специалистов в области криминологии сделаны выводы о состоянии и характере современной российской преступности несовершеннолетних.

Ключевые слова: преступность, несовершеннолетние, структура, удельный вес, характер, общественно опасные деяния, соучастие, тяжкие и особо тяжкие преступления, корысть.

Состояние преступности несовершеннолетних в Российской Федерации является ярким показателем эффективности деятельности существующей правоохранительной системы и проводимой внутригосударственной политики, в целом. Данная разновидность делинквентного поведения представляет реальную опасность для общественных институтов, так как: во-первых, крайне латентна, то есть сокрыта от учета государственных органов по естественным и искусственно созданным причинам; во-вторых, ювенальная преступность имеет высокую степень повторяемости, то есть создает резерв для взрослой и рецидивной преступности; в-третьих, детская и подростковая преступность характеризуется высокой деструктивностью, способна нанести реальный материальный вред общественным отношениям, охраняемым законом.

В сентябре 2020 года новоявленный генеральный прокурор Российской Федерации Игорь Краснов провел заседание Координационного совещания руководителей правоохранительных органов по вопросам профилактики, выявления, пресечения и расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних. На заседании, помимо прочих вопросов, оговаривалась и статистика последних лет касательно ювенальной преступности. По данным Генеральной Прокуратуры России за последние 10 лет количество таких преступлений сократилось более, чем в 2 раза. Но, в целом, можно судить о том, что их уровень остается высоким. Так, в 2019 году несовершеннолетними совершено 41,5 тыс. уголовно наказуемых деяний. Несовершеннолетние все чаще совершают деяния насильственного характера, тяжкие и особо тяжкие преступления [1]. Стоит добавить к вышесказанному и увеличение числа корыстных преступлений, а также общественно опасных деяний, совершенных несовершеннолетними лицами в группе.

Однако, согласно данным Министерства Внутренних Дел России на октябрь 2020 года количество уголовно наказуемых деяний, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии сократилось на 9% [2]. Это может свидетельствовать либо о целенаправленном сокрытии органами правопорядка фактов преступной активности несовершеннолетних, либо о прямом влиянии происходящих на фоне новой коронавирусной инфекции событий (дистанционное обучение, болезни, ограниченность в посещении мест досуга и т. п.). Скорее всего речь идёт о совокупности данных факторов, ведь государство всегда

стремилось показать себя в лучшем свете, а уровень преступности, как лакмусовая бумажка, отражает реальную картину происходящего в стране.

Тем не менее, при рассмотрении вопроса о структуре преступности несовершеннолетних, стоит опираться как на имеющиеся данные от правоохранительных органов, так и на предоставленные негосударственными органами статистики, а также экспертами — криминологами. В соответствии с данными за полный 2019 год, в России преобладает число преступлений корыстной направленности, совершенных несовершеннолетними (см. рис. 1). Больше половины всех раскрытых преступлений составляют кражи (56,6%). Данная негативная тенденция наметилась уже много лет назад и продолжает оставаться на довольно высоком уровне. Если сложить все показатели по преступности, целью которых являлась корысть, то получим результат равный примерно 83% от общего числа преступлений, совершенных лицами до 18 лет. Это беспрецедентный результат, который свидетельствует о высокой вовлеченности данной группы лиц в совершение указанных противоправных деяний.

Основными причинами данной неудовлетворительной статистики считаются: низкий материальный достаток многих российских семей; желание «покрасоваться» перед сверстниками, украв что — то из магазина или иного места; низкий уровень контроля за досугом несовершеннолетних со стороны родителей и педагогов; недостаточная организация охраны частной собственности; высокая степень вовлекаемости несовершеннолетних в совершение преступлений и другое. Все причины можно рассматривать в совокупности, так как в случае с несовершеннолетними каждое преступление может иметь разный мотив его совершения.

Как отмечает Ростокинский А. В., доктор юридических наук, в структуре преступности несовершеннолетних в зависимости от характера и степени общественной опасности 20–30% составляют тяжкие и особо тяжкие преступления. Вместе с тем, высокую долю тяжких преступлений следует интерпретировать осторожно, так как более половины всех совершаемых несовершеннолетними преступлений — кражи, которые чаще совершаются в группе (по предварительному сговору), что относится к категории тяжких преступлений [3, с. 23]. Таким образом, преступность детей и подростков остаётся преимущественно групповой.

В настоящее время продолжает увеличиваться удельный вес групповых преступлений несовершеннолетних со взрослыми

Рис. 1. Структура преступности несовершеннолетних за 2019 год

соучастниками — около 60%. При соучастии взрослых чаще совершаются: кражи, мошенничество, разбой, причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью, изнасилование, убийство и покушение на убийство [4, с. 34]. Стоит добавить, что сильное влияние на становление личности преступника — пубертата оказывает сеть Интернет, так как через нее зачастую происходит вербовка пособников, торговля оружием и наркотическими средствами. Зачастую несовершеннолетним движет бандитский романтизм, коего в интернете чрезмерно много.

Только относительно недавно запретили сообщество А. У. Е. («арестантский уклад един») — криминальное движение АУЕ признано экстремистским в России [5], которое многие годы свободно существовало и привлекало молодых людей в свои ряды. К сожалению, статистика не учитывала количество совершенных ими правонарушений и преступлений. Можно лишь судить о том, что неформальные объединения имеют большое значение при формировании личности потенциального делинквента. Кроме того, целесообразно проследить наиболее «криминогенный» возраст несовершеннолетних, совершивших общественно опасные деяния (см. рис. 2). Как видно из диаграммы, чаще всего совершались преступления 15 — летними

и 17 — летними детьми. Таким образом, можно констатировать, что в России несовершеннолетними совершаются преступления в возрасте от 15 до 17 лет. Это может свидетельствовать, в частности, о том, что в данном возрасте у людей уже могут формироваться определенные взгляды на жизнь, появляется больше знакомых, и, соответственно, увлечения и досуг в отрыве от своих родителей или опекунов. В этом возрасте появляется так называемый «дух авантюризма» и желание скорее вырасти, но в силу неопытности дети зачастую могут быть вовлечены в совершение преступлений лицами, имеющими криминальный опыт.

Таким образом, можно сделать вывод о снижении общего числа преступлений среди несовершеннолетних за последние годы. Определенно сделан прорыв в данной области, имеются явные различия между состоянием ювенальной преступности в 90-х — начале 2000-х годов. Однако, в структуре преступности данной категории населения прослеживается крайне высокий уровень преступлений, основанных на корыстных мотивах, что составляет около 84% от общего их числа. Около 20–30% из них составляют тяжкие и средней тяжести преступления, более 60% из которых совершаются в группе по предварительномуговору.

Рис. 2. Возраст несовершеннолетних, совершивших преступления в 2019 году

Чаще всего преступления совершают лица в возрасте от 15 до 17 лет. Поэтому правоохрнительным органам следует уделить

особое внимание данному факту при прогнозировании и профилактике преступности лиц, не достигших совершеннолетия.

Литература:

1. В Генпрокуратуре озвучили статистику детской преступности. Сайт интернет — издания «Московский Комсомолец» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mk.ru/incident/2020/09/23/v-genprokurature-ozvuchili-statistiku-detskoj-prestupnosti.html> Дата обращения: 23.11.2020.
2. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — октябрь 2020 года. Сайт МВД РФ. [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/21933965/> Дата обращения: 23.11.2020.
3. Ростокинский А. В. и др. Криминология и предупреждение преступлений: преступность несовершеннолетних. 2 — е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт. 2019. 220 с.
4. Буренкова Е. О. Современное состояние и тенденции преступности несовершеннолетних в Российской Федерации // Вестник Пензенского государственного университета. № 1 (29). 2020. С. 30–35.
5. Деятельность неформального криминального движения АУЕ с 17 августа запрещена на территории России. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2020/08/17/13197793.shtml> Дата обращения: 23.11.2020.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 49 (339) / 2020

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 16.12.2020. Дата выхода в свет: 23.12.2020.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.